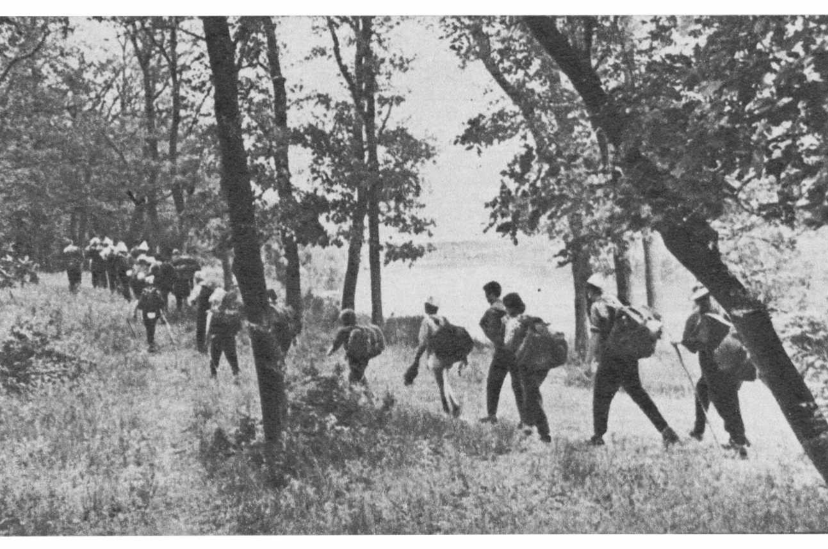
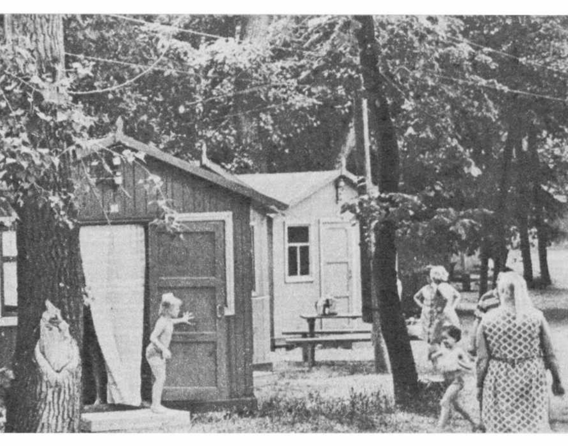
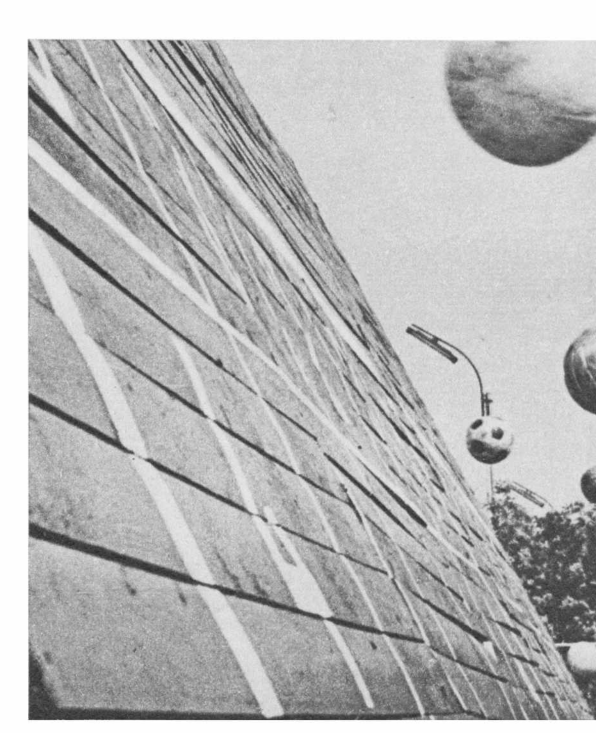

ОГОНЁК
№ 23 ИЮНЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ОТДЫХ: МАСШТАБЫ, ГЕОГРАФИЯ, ЗАБОТЫ

«Лесная сказка» и ее окрестности. Фото М. САВИНА.

Есть такое понятие — курортная мода... Соответственно ей отдыхать следует лишь в Крыму, на Черноморском побережье Кавказа, в Кисловодске, Прибалтике, ну, можно еще на озере Селигер... Но исследования клиницистов и курортологов со всей научной обоснованностью показали, что наиболее эффективны и полезны отдых и лечение в привычных климатических условиях. Здравый смысл вступает в спор с модой, и все чаще слышишь:

— Я отдыхал на Урале...

— Еду на Иссык-Куль...

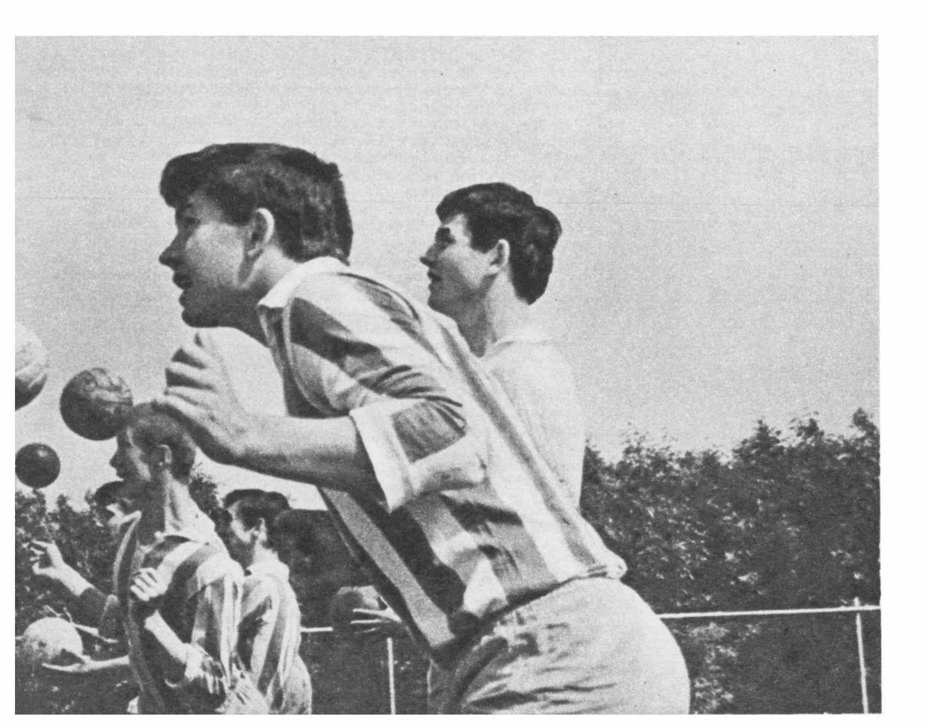
— Мы едем на Донец, в городок отдыха «Лесная сказка»...

В нашей стране около 450 климатических районов, сотни месторождений лечебной грязи. Десятки новых курортных районов были обозначены за последние годы на картах Дальнего Востока, в Средней Азии, в центральных районах страны. Они подоспели ко времени. С нынешнего года солиднее стал бюджет отпускного времени. Только на Смоленщине, например, у 210 тысяч рабочих и служащих продолжительность отпусков увеличилась с 12 до 15 рабочих дней.

Сейчас, когда к воскресенью приплюсовался еще один выходной, резко возросла возможность кратковременных туристских поездок, появились уже не однодневные, а двухдневные дома отдыха. Миллионы людей в пятницу отправляются из города в лес, к реке — на рыбалку, в турпоходы. А вскоре подоспеет и грибная пора.

Лето — лучшее время для отдыха. Сегодня мы начинаем рубрику «Отдых» — будем рассказывать о том, что в нынешнем году помогает отдыхать и что мешает.

Смотри стр. 5

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 23 (2136)

Основан 1 апреля 1923 года

1 ИЮНЯ 1968

НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ ЯДЕ
АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ОГОНЬКА»

О ВАЖНОСТИ ЭТОЙ БОРЬБЫ И НЕОБХОДИМОСТИ ПРЕКРАЩЕНИЯ РАСПОЛЗАНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ РАССКАЗЫВАЮТ НА СТРАНИЦАХ «ОГОНЬКА» ВИДНЫЕ СОВЕТСКИЕ УЧЕНЫЕ, АКТИВНЫЕ УЧАСТНИКИ ВСЕМИРНОГО ДВИЖЕНИЯ ЗА МИР: И. П. БЛИЩЕНКО (СПЕЦИАЛИСТ В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА), Б. П. МИРОШНИЧЕНКО (ЭКОНОМИСТ), В. А. НЕГОВСКИЙ (МЕДИК)

«Задача предотвращения дальнейшего распространения ядерного оружия является неотложной и имеет актуальное значение для дела укрепления мира».

(Из Заявления Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Германской Демократической Республики, Польской Народной Республики, Союза Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республики по вопросу о нераспространении ядерного оружия.)

ДЕТОНАТОР НЕПРЕДВИДЕННЫХ ОСЛОЖНЕНИЙ

Итак, наступила последняя фаза. Генеральная Ассамблея ООН, заседающая в Нью-Йорке на берегу Ист-ривер, накануне важного решения. Или договор о нераспространении ядерного оружия вступит в свои права, или будет продолжаться опасное расползание этого оружия. Вопрос стоит только так: **либо — либо.**

Парни из Чикаго или Неаполя, Мюнхена или Марселя, Монреаля или Сиднея сегодня вышли на улицы бороться за мир во Вьетнаме и на Ближнем Востоке. Они активно участвуют в битве за насущные требования дня. Они помнят, что их отцы еще восемнадцать лет назад поставили свои подписи под знаменитым Стокгольмским воззванием, которое потребовало «безусловного запрещения атомного оружия как оружия массового уничтожения людей». И эти парни спрашивают: почему же сегодня стоит вопрос только о нераспространении, а не о полном запрещении смертоносного оружия, как это предлагает Стокгольмское воззвание?

На этот вопрос не всегда легко ответить, поскольку термин «нераспространение» стал в наши дни одним из самых сложных в международном праве и международных отношениях. Достаточно сказать, что в течение шести лет сотни крупных дипломатов и опытнейших научных экспертов на заседаниях Комитета 18-ти по разоружению изучали политическое и правовое значение этого термина. Наконец, выработан проект договора, который должен покончить с расползанием ядерного оружия. Вполне естественно, что если бы эта работа была поручена представителям социалистических стран, кстати, выступившим **инициаторами** заключения такого договора, то времени на его выработку и определение термина «нераспространение» потребовалось бы гораздо меньше. Представители милитаристских кругов Запада делали все от них зависящее, чтобы любыми средствами заморозить решение этого вопроса. Но неумолимая логика жизни и страх перед парнями, вышедшими на улицы и площади городов капиталистических стран, чтобы заявить категорическое **нет** войне, заставили Вашингтон пойти на уступки. Проект договора существует. Его должна одобрить Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций.

Ну, а почему же все-таки на повестке дня современных международных отношений стоит пока вопрос о нераспространении, а не о полном запрещении ядерного оружия? Опыт многих лет после второй мировой войны показал, что прогресс в направлении ограничения гонки ядерных вооружений достигается в результате движения шаг за шагом от одной меры к другой: от запрещения испытаний ядерного оружия в атмосфере, на земле и под водой к запрещению вывода его на орбиту и размещения на небесных телах, затем — к нераспространению ядерного оружия, потом — к дальнейшим мерам. Остановка здесь не за Советским Союзом, не за социалистическими государствами. Стокгольмское воззвание — это воля народов, раз и навсегда выраженная. Все прогрессивное человечество, опираясь на дипломатию мира социалистических государств, шаг за шагом претворяет эту волю в жизнь, несмотря на отчаянное сопротивление воинствующего империализма.

Дальнейшее расползание ядерного оружия — это детонатор крупного мирового взрыва. Вот почему надо немедленно приостановить этот опасный процесс. По свидетельству журнала «Бизнес уик», уже сегодня семь стран в состоянии создать ядерное оружие через два года, а еще 36 — вслед за ними. Два крайне милитаристских государства — Федеративная Республика Германии и Израиль,— опирающиеся на поддержку мирового империализма и сионизма, стоят на пороге реализации потенциальных возможностей производства ядерного оружия. По мнению журнала «Бизнес уик», к 1980 году только в реакторах, используемых в мирных целях, будет производиться столько плутония, что его хватило бы на производство 100 атомных бомб в неделю!

Нетрудно в этой связи понять, как важно немедленно воздвигнуть прочную преграду на пути расползания ядерного оружия. Десятки, сотни миллионов честных людей во всех странах сегодня активно борются за мир, против агрессии и гонки вооружений.

Н. ПАСТУХОВ

ПРОФЕССОР И. П. БЛИЩЕНКО

ВОПРОС. Каково содержание проекта резолюции ООН о нераспространении ядерного оружия?

ОТВЕТ. Генеральная Ассамблея должна одобрить проект договора; она просит правительства-депозитарии открыть договор для подписания и ратификации как можно скорее; выражает надежду на возможно более широкое присоединение к договору; просит Комитет 18-ти срочно продолжить переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений и о мерах по ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем.

ВОПРОС. Какова основная суть договора?

ОТВЕТ. Главной задачей договора является укрепление мирных отношений между государствами, смягчение международной напряженности, укрепление доверия между государствами с тем, чтобы облегчить прекращение производства и уничтожение запасов ядерного оружия и средств его доставки. Суть договора сводится к тому, что ядерные державы обязуются не передавать кому-либо ядерное оружие и другие ядерные взрывные устройства ни прямо, ни косвенно. С другой стороны, ядерные державы по этому договору обязаны никоим образом не помогать, не поощрять и не побуждать какое-либо государство, не обладающее ядерным оружием, к его производству. Державы, не обладающие ядерным оружием, со своей стороны, обязуются не принимать от кого бы то ни было ядерного оружия, не производить и не приобретать никоим способом ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства, а также не добиваться и не принимать какой-либо помощи в производстве ядерного оружия.

ВОПРОС. В западной печати широко бытует версия о том, что заключение этого договора ограничивает возможности мирного использования ядерной энергии, ставит препятствия на пути исследований в области ядерной энергии.

ОТВЕТ. Это не соответствует действительности. В статье IV договора четко оговорено право всех участников развивать исследования, производство и использование атомной энергии в мирных целях. Более того, проект договора предусматривает, что ядерные державы будут предоставлять неядерным, причем на льготных условиях, свои ядерные устройства для использования их взрывной энергии в целях прокладки каналов, прорытия туннелей, вскрытия рудных тел и тому подобное.

●

ПРОФЕССОР Б. П. МИРОШНИЧЕНКО

ВОПРОС. Что означает договор о нераспространении ядерного оружия с экономической точки зрения?

ОТВЕТ. Что касается общего влияния договора о нераспространении на экономическое развитие неядерных стран, то в том виде, как этот договор выработан в Комитете 18-ти, он, безусловно, будет содействовать их экономическому и научно-техническому прогрессу. Особо важное значение в этом смысле договор будет иметь для тех развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, которые пока не располагают необходимыми ресурсами и возможностями для крупных самостоятельных работ в области использования ядерной энергии для мирных целей.

Как уже отмечалось, ядерные государства берут на себя прямое договорное обязательство по международному соглашению помогать неядерным странам в области применения ядерной энергии для целей научного, экономического и социального прогресса, включая

РНОГО ОРУЖИЯ — СОВРЕМЕННОСТИ

такое перспективное направление, как применение ядерных взрывов для осуществления крупных инженерных и геологических работ.

Для подавляющего большинства неядерных стран это самый короткий, наиболее рациональный и экономически выгодный путь к кладовой тех благ, которые дает и в еще больших масштабах будет приносить людям мирное использование ядерной энергии.

В статье V проекта договора особо оговаривается, что стоимость взрывных устройств, с помощью которых будут производиться взрывы в мирных целях на территориях неядерных стран, должна быть такой низкой, как только это возможно, и не должна включать расходы по исследованию и усовершенствованию ядерных устройств. Это положение делает невозможным для любой ядерной державы как-либо манипулировать ценами в целях наживы при проведении мирных взрывов в неядерных странах.

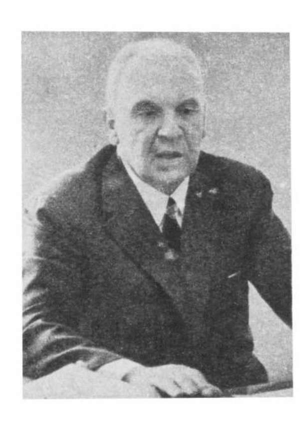
Если подвести всему этому итог, надо признать, что в вопросе о мирных ядерных взрывах неядерные страны надежно забронированы договором от любых попыток с чьей бы то ни было стороны ставить их в зависимое положение.

ВОПРОС. Каковы перспективы применения атомной энергии в мирных целях?

ОТВЕТ. Неисчерпаемы. Мирное применение сил атома — вот главная цель и главное направление использования атомной энергии. Невозможно переоценить огромный экономический эффект, который может оно дать, ускоряя технический прогресс и облегчая труд людей. Вот почему люди, которым дорог мир, которые заботятся о благополучии народов, все более настойчиво требуют устранить опасность применения ядерного оружия. Советскому Союзу и другим социалистическим странам принадлежит первенство в борьбе за претворение этого, можно прямо сказать, веления времени.

●

ПРОФЕССОР
В. А. НЕГОВСКИЙ

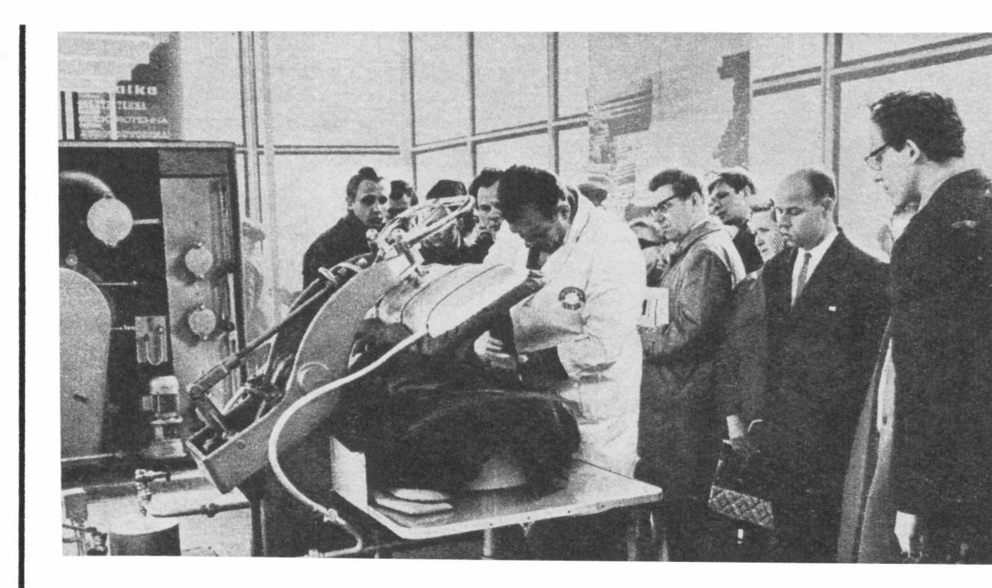
ВОПРОС. Вы медик. Интересно было бы знать вашу точку зрения на договор.

ОТВЕТ. Я думаю, что если бы на моем месте сидел один из многих сотен тысяч советских врачей, советских ученых-медиков, он сказал бы то же, что и я. Медики Советского Союза особенно внимательно наблюдают за ходом дискуссий на Генеральной Ассамблее, ибо мы, может быть, значительно больше, чем специалисты других профессий, понимаем, что значит расползание ядерного оружия, что означает будущая ядерная война, если ее развяжут милитаристские круги капиталистических стран. Мы знаем, что наряду с гибелью многих миллионов людей пострадала бы значительная часть населения земли, жизнь стала бы недолговечной, неизмеримо выросли бы такие патологические процессы, как злокачественные опухоли и тому подобное. Трудно даже перечислить все те ужасные последствия, которые может принести человечеству развязывание ядерной войны.

Возьмите хотя бы тот случай, когда в Паломаресе упали американские бомбы или совсем недавно атомная американская лодка заразила океан в японском порту Сасэбо. Это не пройдет бесследно. Появится много больных детей. Целый ряд людей будет страдать заболеваниями крови. Пример Нагасаки и Хиросимы говорит нам, что даже спустя два десятка лет все еще погибают жертвы ядерных бомбардировок, которые были далеко от места ядерных взрывов. До сих пор рождаются уроды у женщин, которые были опять-таки очень далеко от места взрыва. Теперь даже агрессивные империалистические круги не могут не понимать того, к чему ведет распространение ядерного оружия. Мы надеемся на успех советской дипломатии, которая проводит глубоко принципиальную партийную линию в этом вопросе.

ВОПРОС. Ценность этого договора и в том, что он может содействовать полному запрещению испытаний ядерных устройств. В этой связи нам хотелось бы спросить вас о том, как влияют на людей все еще продолжающиеся подземные испытания ядерного оружия?

ОТВЕТ. Я убежден, что подземный взрыв наносит громадный вред человечеству, ибо подземные воды просачиваются в реки, моря, отравленные частицы проникают в атмосферу даже после самых глубоких подземных взрывов. Поэтому тот факт, что США до сих пор не прекращают подземных взрывов, говорит явно не в их пользу. Ведь это — преступление против своего собственного народа.

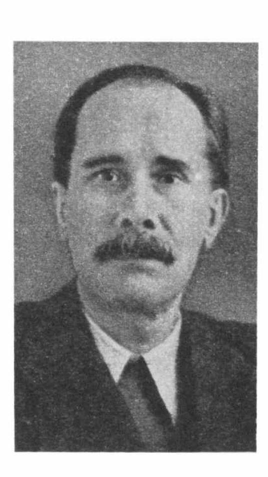
50 000 ЭКСПОНАТОВ

Московский май был щедр на международные выставки. Очаровательные цветы из Польши показывал «Хортекс», различные препараты демонстрировали фармацевтические предприятия Чехословакии, несколько залов Политехнического музея занимали фирмы Японии...

«Интербытмаш-68» — крупнейшая международная выставка бытового и коммунального оборудования. В первые же дни работы выставки ее посетили тысячи москвичей и гостей столицы. В показе участвует почти 1 100 фирм, организаций и предприятий 21 страны. Многие из них не новички в Сокольниках, но есть и дебютанты. Например, Кувейт, с экспозицией которого нас познакомил директор раздела г-н Аль Сараци. Традиционный участник московских международных выставок — Германская Демократическая Республика, которая ныне занимает часть крупнейшего павильона. Не впервые в московских выставках участвует Франция, которая и сегодня привезла весьма привлекательные экспонаты; очень своеобразен и насыщен раздел Советского Союза — наша страна демонстрирует несколько тысяч изделий: от бытового холодильника до передвижного комбината бытового обслуживания, от электромиксера до автогрейдера.

Значительный интерес представляют экспозиции Чехословакии, Польши, Югославии, Японии, Финляндии, Англии, Франции, Италии, других стран.

К. БАРЫКИН
Фото А. Гостева.

ПАМЯТИ ПАВЛА БЕСПОЩАДНОГО

Собратья по литературе, забывая порой его почтенный возраст, называли его дружески, сердечно — Паша. Шахтеры величали с почтением — Павел Григорьевич. Гордились им: «Наш рабочий поэт!» Уважали в высокой степени присущие ему и неизменно ценимые в народе трудолюбие и разумное упорство.

Еще двенадцатилетним мальчонкой этот человек изведал все горести подневольного шахтерского труда, душой выстрадал грядущую революцию, а потом, защищая Советскую власть, пошел с винтовкой в рунах дорогами гражданской войны.

Жизнь, труд, борьбу и мечтания побратимов-шахтеров Павел Беспощадный знал до тончайших деталей, потому что был сыном шахтера: мальчишкой он разносил по шахтерским забоям зажженную лампу. Позже, став поэтом и вспоминая свою первую шахтерскую профессию, называл себя уже не лампоносом, а светоносцем.

И вот на степной окраине шахтерского города мы прощально поклонились нашему другу, рабочему поэту в последний раз. Со степи все время веяло тревожным и горьковатым запахом полыни, и само собой вспоминались принадлежащие нашему другу слова «Сыновьего признания»:

Степь Донецкая без края,
Чебрецы да ковыли...
Я люблю тебя, родная,
И в тюльпанах и в пыли.

И сознание того, что подлинная поэзия никогда не умирает, утоляет боль наших сердец.

Алексей ИОНОВ

Пикеты.

Пламя забастовочной борьбы во Франции не гаснет.

Сейчас, когда передаются эти строки, в рядах стачечников по-прежнему стоят миллионы французских рабочих. Не ослабевает их воля к борьбе за лучшую жизнь, за профсоюзные права. «Самый большой социальный кризис Пятой республики» — так назвали майскую забастовку парижские газеты.

Когда 16 мая рабочие автомобильных заводов «Рено» в парижском пригороде Булонь-Бийанкур заняли свое предприятие и объявили о своих требованиях, это прозвучало как сигнал для всей рабочей Франции. Я побывал на этом предприятии после того, как в Национальном собрании состоялось голосование по вопросу о доверии правительству, которое удержалось у власти большинством всего в 11 голосов.

— Семьдесят тысяч трудящихся живут у нас в Булонь-Бийанкуре,— сказал мне один из местных профсоюзных активистов. — Наши голоса не были услышаны в Национальном собрании, как не были услышаны и голоса всех десяти миллионов стачечников. Но нас слышит вся Франция, которая знает, что мы не отступим.

В такой обстановке на улице Гренель, где находится министерство социальных дел Франции, состоялись переговоры делегатов трудящихся с представителями промышленников и правительства. На этих переговорах власти и капитал были вынуждены пойти на ряд уступок. Руководители профсоюзных центров страны вынесли «гренельский протокол» на обсуждение бастующих.

И снова рабочие заводов «Рено» продемонстрировали свою стойкость и решимость в пролетарской борьбе. Они высказались за продолжение забастовки, требуя более полного удовлетворения рабочих требований. Следом за ними трудящиеся других предприятий и других городов Франции решили отстаивать свои права, продолжая забастовку.

Рабочие Франции по-прежнему стоят в пикетах.

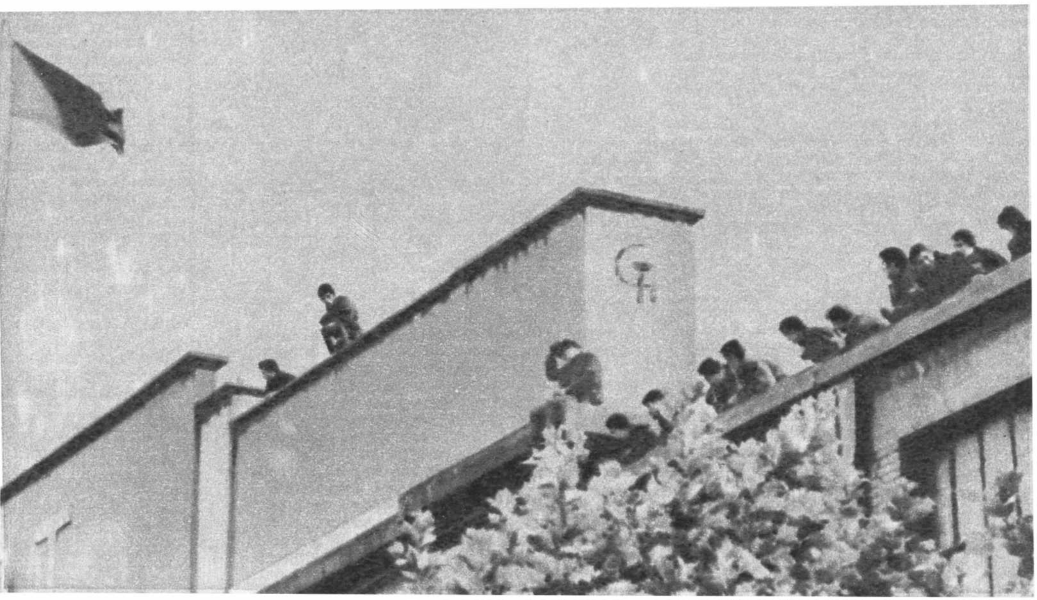
Лев КОРОЛЕВ

Париж, по телефону.

БОЕВОЙ МЕСЯЦ МАЙ

РАБОЧИЕ ФРАНЦИИ БОРЮТСЯ ЗА СВОИ ПРАВА

Фото ЮПИ.

Застрельщики забастовки, рабочие «Рено» заняли предприятие.

Бастующие артисты приехали к рабочим «Рено», чтобы дать концерт для стачечников и их семей. Концерт проходил под открытым небом у заводских ворот.

Бастуют парижские уборщики...

...но не бастуют полицейские...

Смотри стр. 1.

ОТДЫХ: МАСШТАБЫ, ГЕОГРАФИЯ, ЗАБОТЫ

ГОРЯЧИЙ ЦЕХ

Слушали: о распределении путевок. Постановили: выделить туристические путевки, приобретенные за счет средств материального поощрения, следующим рабочим...

(Из протокола заседания фабкома.)

Горячий цех на камвольном?

Совершенно точно. Я не путаю. Побудьте час-другой в фабричном комитете Минского камвольного комбината — самый настоящий горячий цех... Отсюда хорошо просматриваются контуры нынешнего лета. Близится разгар отпусков. «Конвейер» отдыха должен работать безукоризненно. А начало его здесь, в фабкоме. У «главного пульта» — заместитель председателя профсоюзного комитета Нелла Васильевна Клименко.

— Жизнь требует, чтобы и по «валу» и по качеству отдых людей был лучше, чем прежде. С переходом на новую систему планирования и экономического стимулирования заметно увеличился фонд на социально-культурные нужды. Расширился и круг интересов наших производственников...

В прошлом году на социально-культурные нужды, на путевки истратили 27,3 тысячи рублей; в нынешнем ассигновали более 40 тысяч. Прибыли и фонды предприятия настолько выросли, что мы сейчас готовы купить достаточно большое количество путевок в санатории, дома отдыха, туристические базы и затем по льготным ценам отдавать их рабочим. Но путевок пока не хватает. Особенно в санатории для матерей с детьми. На комбинате «женского профиля» это ощущаешь острее, чем где-либо.

...Заявок масса. В фабком приходят представители цеховых комитетов, приносят списки, протоколы, выписки из решений... Папка на столе у Неллы Васильевны быстро разбухает: «Цехком прядильного цеха ходатайствует о выделении путевки в Сочи сменному мастеру Л. Ф. Зонтович...» (Лилия Федоровна уже получила ее.) Электрослесарь Иван Бодун оформляет туристическую поездку в Бельгию; ровничница И. Шайковская с 26 июня будет отдыхать в санатории в Мисхоре; прядильщица Анна Сакович поедет в Польскую Народную Республику; начальник бюро рационализации и изобретательства И. Поляков собирается с семьей путешествовать по Черноморскому побережью.

Пока беседуем с Н. В. Клименко, председатель фабкома З. М. Петруша смотрит свежую почту.

— Хорошая новость: сообщают, что дают еще две туристические путевки в Польшу.

Предмет особой заботы фабкома — молодежно-туристический лагерь «Юность» на озере Нарочь. «Юность» — это домики на живописном берегу. Одновременно 150 человек могут проводить здесь летние отпуска. Шестого июня первый заезд. Заботами профсоюза, партийной организации, дирекции приобретено необходимое оборудование, инвентарь — кухонный, спортивный, мебель...

Заместитель директора комбината по строительству В. В. Мастицкий уехал, чтобы провести последнюю рекогносцировку. А фабричный комитет комбината меж тем собирается организовать отдых работниц в лагере и в выходные дни. Есть тут свои трудности, и фабком изучает мнения, собирает предложения. Предстоит обсудить и перспективу отдыха в городе — планы Дворца культуры, спортивной базы.

...Так с утра до вечера с полной нагрузкой на камвольном комбинате работает этот «горячий цех».

А. ЩЕРБАКОВ,
собкор «Огонька»

ДОМ ОТДЫХА... НА КОЛЕСАХ

Совсем немного фантазии — и такой вот поезд, о котором рассказывает начальник главного пассажирского управления Министерства путей сообщения СССР Б. П. ЗАЙЦЕВ, можно назвать передвижным домом отдыха. Его вагоны-«дачи» с четырехместными «комнатами» мчатся со скоростью 80—100 километров в час, а затем вдруг (конечно, по расписанию) останавливаются на несколько дней — то близ морского берега, то в большом городе.

— Туристские поезда прочно вошли в железнодорожное расписание,— рассказывает Борис Павлович.— Они появились несколько лет назад, когда за год было сформировано и отправлено пять таких поездов. Чуть более 2 тысяч человек совершили в них путешествия. А в прошлом году едва ли не по всем железным дорогам страны проследовало 705 дальних туристских поездов — 272 тысячи путевок было продано в эти дома отдыха на колесах.

К ним следует приплюсовать местные туристские и театральные, а также пригородные «поезда здоровья». Весной и летом по пятницам тысячи людей отправляются из Москвы в Суздаль, Ростов-Ярославский, во Владимир. Конечно, мы не могли не учесть эту новь нашего отдыха и ввели дополнительные поезда, пересмотрели расписание.

Июнь — не самый оживленный месяц для туристских поездов. И все же более 70 поездов отправятся в Прибалтику и на Кавказ, в Закарпатье и Крым. Ныне существует около 100 таких туристских маршрутов.

— УДОБЕН ЛИ ТУРИСТСКИЙ ПОЕЗД?

— Он, конечно, уступает санаторию, но, пожалуй, может потягаться с домом отдыха. В таком поезде, как правило, два, а чаще три ресторана, новейшие вагоны, нередко с кондиционированием воздуха. Мы стремимся вводить как можно больше удобств. Принципиального плана новинка — поезда с собственной электростанцией. Создан — пока опытный — двухэтажный туристский вагон, с салоном для отдыха наверху.

«Колесный» туризм — не единственная и не самая главная наша летняя забота. Нужно перевезти всех, кто отправляется отдыхать или возвращается из отпуска. Можно цифры? В прошлом году по железным дорогам страны проехало 2 миллиарда 600 миллионов пассажиров. Нынешний год сулит «небольшую» прибавку — около 200 миллионов. Недавно коллегия министерства специально рассматривала вопрос о летних перевозках. Каждые сутки в движении будет находиться более 1 700 поездов.

Мы обязаны позаботиться о всех, кто переступил порог вокзала, кто сел в поезд, отправляясь в путь-дорогу — через всю страну или всего за 10—20 километров.

— А КАК ВЫ ПОМОЖЕТЕ ШКОЛЬНИКАМ, УЕЗЖАЮЩИМ В ПИОНЕРСКИЕ ЛАГЕРЯ?

— Сейчас, когда мы с вами беседуем, в Мурманске готовится к отправлению специальный детский поезд, который повезет 785 ребят из Заполярья в Новороссийск, к морю. Следом за ним, через три дня, отправится еще один такой же детский поезд. Именно детский — он комплектуется специальными вагонами, в нем мы стремимся предусмотреть все необходимое детям для дальней поездки. Около 250 тысяч ребят отправятся летом нынешнего года подобными поездами в свои пионерские лагеря, дома отдыха. Многие маршруты начинаются на Севере, в Сибири и завершаются в благодатных южных районах.

О детских поездах у нас особая забота. Ими занимаются самые опытные и, позвольте отметить это, самые чуткие работники железных дорог.

— ЕСЛИ Я ДАЧНИК, КАК БЫТЬ С ЛЬГОТНЫМ БИЛЕТОМ, С «СЕЗОНКОЙ»?

— Вы имеете в виду пригородные поезда? Приходите в любую кассу, платите деньги и получайте по льготному тарифу сезонный билет — никаких справок, никаких ходатайств для этого теперь не требуется.

— НУ, А ЗИМНИЕ «ПОЕЗДА ЗДОРОВЬЯ», ИХ ПЕРЕКВАЛИФИЦИРУЮТ ЛЕТОМ?

— Это уже сделано. Суть, понятно, не только в наименовании. Проще всего назвать поезд «рыбацким», «туристским» или еще каким — главное, чтобы он отвечал своему назначению, чтобы время его отправления и возвращения было удобно. Только московский узел ежесуточно отправляет и принимает более трех тысяч пригородных поездов.

ТУРИСТ ПОЙДЕТ БЕЗ РЮКЗАКА?

Есть в Москве магазин, по товарообороту которого можно безошибочно определить время года. Растет продажа, значит, наступает лето — время массовых отпусков. Магазин этот, «Турист», по мере сил своих помогает людям готовиться к путешествию, в дальнюю или ближнюю дорогу. И все же многие уходят из «Туриста» без покупки.

Я был бы несправедлив, если бы не сказал о тех усилиях, которые прилагает промышленность, производящая товары для отпускников, туристов, путешественников. Например, туристических лодок наши магазины получают на 25 процентов больше того, что было на прилавках в прошлом году. Увеличился выпуск лодочных подвесных моторов, больше стало спальных мешков, фонарей для палаток, наборов походной посуды.

Но больше — еще не значит достаточно. Спрос-то растет необычайно. Туризм у нас становится поистине массовым. Поэтому уже сейчас, в начале большого туристского сезона, надо сказать: есть опасность, что турист пойдет в поход без рюкзака и палатки.

Мы несколько раз обращались к работникам промышленности — дайте больше палаток. Писали письма, ездили на предприятия, обращались в Министерство легкой промышленности РСФСР, в Госплан. Но пока итог неутешителен — получим лишь 95 тысяч палаток. Это менее половины того, что требуется.

В магазинах появились лодки новых конструкций. Но вот популярных лодочных моторов «Салют» и «Нептун» очень мало — поставки их срываются с удивительной регулярностью.

Много огорчений нам доставляют рюкзаки. Точнее, их отсутствие. Представьте туристов, скажем, с чемоданами. Существует весьма удачная абалаковская конструкция рюкзаков — они и удобны и вместительны. Делают их теперь только в Ленинграде. Но очень мало. Центральная база спорттоваров потребовала на нынешний год не менее 30 тысяч таких рюкзаков. А обещают в несколько раз меньше. И что очень беспокоит — на ближайшее время нет перспектив увеличения выпуска.

Рюкзаки, палатки, лодки — это, так сказать, «киты» туристского оснащения. А как обстоит дело с мелочами походного быта, с разными флягами, складными стаканчиками, переносными фонариками и со многим другим? Почему-то сняты с производства полиэтиленовые ласты для плавания. В 1966 году московский завод «Автоштамп» дал 200 тысяч складных металлических стаканчиков — их быстро раскупили, хотя они могли бы быть получше и тщательнее сделаны. Эти замечания были высказаны предприятию. Но теперь мы уже жалеем об этом — в прошлом году завод полностью сорвал поставки туристских стаканчиков, а в нынешнем принял заказ только на 50 тысяч штук. Капля в море!

Худо со спальными мешками — их мало, и они дороги. К тому же делают их, как, впрочем, и рюкзаки и палатки, из тканей темного, унылого цвета. Совсем плохо с компасами. Дело не только в том, что их мало выпускают. Завод «Энергоприбор» выпускает туристские компасы настолько неуклюжие, несовременные, что и торговать ими совестно: корпус нелепый, большой, стекло из него нередко выпадает, а сам он того и гляди расколется. Но покупают — что поделаешь? Покупают и поругивают нас — дескать, чем торгуете.

Мне очень хотелось бы, чтобы хоть изредка руководители того или иного промышленного предприятия встали за прилавок и послушали бы мнение покупателей о своей продукции. Может, тогда по-другому работали бы...

В. ГОРЧАК,
начальник «Роскульттторга»
Министерства торговли РСФСР

КУРОРТНЫЙ ВЕСТНИК

● На берегу Донца (там, где и сделаны снимки, опубликованные на предыдущих страницах), в месте отменно красивом, вырос городок отдыха «Лесная сказка». Коттеджи на три человека каждый, зелень, отличная рыбалка. Все это в восемнадцати километрах от Луганска, тепловозостроители которого и являются хозяевами городка отдыха на Донце. О нем нам рассказал председатель завкома Луганского тепловозостроительного завода М. А. Хлевовой, который заметил, что рабочие получили еще одну базу отдыха — правда, ближе к городу, в месте не таком привольном, как «Лесная сказка», но тоже красивом и удобном.

● Проект пионерского лагеря завершили архитекторы и инженеры «Гипропроса». Ребячья республика расположится в тайге, неподалеку от Братска, на берегу Братского водохранилища.

● 700 тысяч туристов побывают нынешним летом на базах Кабардино-Балкарии. Открыли летний сезон «Долинск», «Серные воды», «Долина нарзанов». Для любителей путешествий готовы 30 маршрутов — они проложены по ледникам, альпийским лугам и перевалам.

● «Мстёра», «Ладога-на-Клязьме» — названия туристических баз на Владимирщине.

В областном совете по туризму корреспонденту «Огонька» сказали:

— «Ладога» — новый тургородок, он сменил бывший тут ранее палаточный лагерь. Сто домиков, вокруг шумит сосновый бор, а рядом — река. Отдыхающие смогут побывать в Суздале, в Гусь-Хрустальном, Боголюбове. А «Мстёра» вдвойне удобна — сюда родители могут приехать отдыхать с детьми-школьниками.

Племянник В. И. Ленина, Виктор, после смерти матери с трех лет воспитывался в семье Владимира Ильича.
Издательство «Детская литература» готовит к печати книгу воспоминаний Виктора Ульянова о детских годах, проведенных им в семье В. И. Ленина. Мы публикуем отрывки из готовящейся к изданию книги.
Инженер Виктор Дмитриевич Ульянов работает сейчас заведующим лабораторией одного из московских научно-исследовательских институтов.

В Горках

ПОЕЗДКИ В ГОРКИ

До болезни Владимир Ильич выезжал в Горки с семьей только с субботы на воскресенье. Ездили мы в Горки на одной и той же машине с неизменным шофером С. К. Гилем. Перед выездом Владимир Ильич обычно звонил из Кремля по телефону и предупреждал, что через несколько минут заедет за нами. В Москве я жил у Анны Ильиничны в доме № 9 по Манежной улице, который находился почти напротив Боровицких ворот Кремля.

Перед каждой поездкой в Горки я выходил на балкон и напряженно ждал сигнала машины. Автомобилей в Москве тогда было мало, а сигнал у машины Гиля был особенно пронзительный, я легко отличал его от всех других. Обычно Гиль подавал сигнал, находясь еще за Боровицкими воротами Кремля. Услышав его, я стремглав сбегал вниз и встречал машину уже у нашего подъезда. Владимир Ильич выходил из машины и, обращаясь ко мне, говорил:

— Ну ты, пострел, всегда поспел, а Анечка, наверно, еще собирается, пойдем поможем ей.— И, взяв меня за руку, подымался со мной на четвертый этаж (лифта в доме не было). Анна Ильинична была «страшной копушей», как шутливо называли ее в семье Ильича, она почти всегда запаздывала со сборами. Входя в квартиру, Ильич, смеясь, спрашивал:

— Ну что, Анечка, опять иголки ищешь? Ну, давай поищем вместе.

Хотя эти задержки неизменно повторялись, Владимир Ильич никогда не сердился, с веселыми шутками помогал собирать вещи.

За все годы, которые я прожил в семье В. И. Ленина, я ни разу не видел, чтобы здесь кто-нибудь сердился друг на друга.

Завтракали, обедали и ужинали в Горках всегда в одно и то же время. Столовая была внизу, в самой большой комнате дома, которая называется «Зимний сад».

Такой твердо соблюдаемый порядок создавал какую-то хорошую, дисциплинированную обстановку в семье. Она сохранялась даже во время болезни Ильича. Он не любил, чтобы кто-нибудь за ним ухаживал, и когда ему стало трудно спускаться в столовую и подыматься к себе на второй этаж, он попросил сделать вторые перила, чуть пониже тех, которые были. Опираясь на них, он самостоятельно сходил со второго этажа и всегда являлся к столу вовремя.

Запомнилось мне лишь одно, как говорят в армии, ЧП (чрезвычайное происшествие) за столом, и виновником его был я.

Мой отец Дмитрий Ильич любил стручковый перец. Каждый раз перед обедом он нарезал его мелкими дольками и ел как приправу и к первому и ко второму блюдам. Мне его он, конечно, не давал.

Думая, очевидно, что запрещенный плод всегда сладок, я однажды взял крохотную дольку перца и быстро ее съел. Мне показалось, что у меня во рту вспыхнул пожар! Я попробовал быстро залить его одной, другой, третьей ложкой супа, но ничего не помогало. Язык и все горло жгло все сильнее и сильнее. Сказать я ничего не мог: у меня, как говорят, дух захватило.

Перед Владимиром Ильичем всегда стоял графин с водой. Я молча встал со своего места, обошел стол, подошел к Владимиру Ильичу и, ни слова не говоря, взял графин и налил полный стакан воды, выпил, еще налил, еще выпил и... заревел.

Пока я молча совершал экскурсию вокруг стола, наливал и пил воду, все с удивлением смотрели на меня, а когда я неожиданно горько заплакал, все всполошились. Владимир Ильич сразу догадался, в чем дело, и сказал моему отцу, чтобы он подальше убирал свое зелье.

НАДО ВСЕГДА ГОВОРИТЬ ПРАВДУ

В деревне дети рано становятся самостоятельными. А со мной, когда я жил в деревне, и вовсе нянчиться было некому, поэтому я рано научился все делать сам. Анна Ильинична гордилась моими успехами и часто рассказывала об этом родным и знакомым. Но так было только до тех пор, пока мне не купили первые ботинки. До этого я их никогда не видел. В деревне мы с весны до поздней осени бегали босиком, зимой — в валенках. Долго, лет до пяти, я никак не мог понять, какой ботинок надо надевать на правую ногу, а какой на левую. Меня это очень смущало, и я стеснялся обращаться за помощью к старшим.

В Горках я просыпался раньше всех, потихоньку одевался и убегал в парк. Владимир Ильич тоже вставал очень рано и перед завтраком всегда уходил гулять. Иногда мы с ним встречались в парке и продолжали гулять вместе по его любимой аллее.

Помню, как-то в конце лета утро было особенно солнечным, теплым, на небе ни облачка, на траве сверкали крупные капли росы. Вдоволь набегавшись по росистой траве, я сильно промочил ноги и устало побрел домой, хотя уходить из парка в такое прекрасное утро совсем не хотелось. Недалеко от дома навстречу мне вышел Владимир Ильич. Он внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Витя, а ботинки ты неправильно надел: правый ботинок на левую ногу, а левый — на правую.

— Нет, дядя Володя,— почему-то возразил я,— у меня такие ботинки, их можно надевать на какую хочешь ногу.

Владимир Ильич улыбнулся и спросил:

— А не жмут?

— Нет,— сказал я, хотя ботинки жали сильно. Что побудило меня сказать неправду Ильичу, до сих пор не пойму, но едва он отошел, я присел на скамейку, быстро переобулся и сразу почувствовал себя отдохнувшим.

Теперь ботинки действительно не жали, я не пошел домой и продолжал бегать по парку.

Встретив возвращавшегося с прогулки Владимира Ильича, я побежал к нему и чистосердечно признался:

— Дядя Володя, а правда я ботинки не так надел, вот теперь совсем хорошо, теперь они совсем не жмут!

Владимир Ильич добродушно рассмеялся и сказал:

— То-то! Надо слушаться старших и всегда говорить правду.

КИНО В ГОРКАХ

В Горках часто показывали кинокартины. В зиму 1923 года киносеансы проводились почти каждый вечер. Владимир Ильич был тогда очень болен и из Горок не выезжал.

В то время кинокартину показывали не как теперь, всю сразу, а по частям. Перерывы между частями были довольно продолжительными. К тому же киноаппарат был старенький, работать на нем надо было вручную. Ленты часто рвались. Приходилось зажигать свет, склеивать киноленту, снова вставлять ее в аппарат и продолжать крутить ручку.

Демонстрировались картины в «Зимнем саду». Туда вечером приходили все работники дома и охраны со своими чадами и домочадцами. Больше всего было ребятишек, для них всегда оставляли первые ряды.

Во время частых перерывов Владимир Ильич вставал со своего места и прохаживался вдоль длинного зала. Иногда он останавливался около ребят и с интересом прислушивался к нашему оживленному обмену мнениями.

Для меня, как и для всех детей, эти зимние вечера были самыми интересными, они запомнились на всю жизнь. Однако какие картины показывали нам тогда, я, конечно, не помню. Остались в памяти лишь два артиста: Чарли Чаплин и Джекки Куган. Кинокартины с их участием любили смотреть все, они вызывали веселый смех у взрослых и детей.

Джекки Кугану, когда он играл с Чарли Чаплином, было столько же лет, сколько большинству зрителей первых рядов, и мне в том числе, поэтому мы с особым интересом следили за его похождениями.

Но мне больше всего запомнилась картина «Красные дьяволята». Накануне демонстрации этого фильма у меня сильно разболелся глаз. Болел он давно, но в тот день боль особенно усилилась. У меня вскочил ячмень. Глаз вспух и почти закрылся. Целый день я хныкал и всем жаловался на нестерпимую боль. Однако вечером, когда меня хотели пораньше отослать спать, я решительно запротестовал. Уйти из зала, когда вот-вот начнется показ кинокартины, было свыше моих сил. Я доказывал Марии Ильиничне, что, во-первых, у меня в запасе есть еще совершенно здоровый глаз и, во-вторых, другой глаз уже почти не болит. Видя, что мои столь убедительные доводы не действуют, я отчаянно заревел. (Это испытанное средство оказалось самым веским доводом.) Владимир Ильич, услышав мой рев и увидев, как я огорчен, заступился за меня, и тогда мне разрешили остаться в зале.

Как только погас свет и на экране появились первые кадры, боль, наверное, от напряжения, стала совсем непереносимой. Перед глазами замелькали какие-то огненные круги, казалось, что у меня действительно «посыпались искры из глаз». Боль была тем сильней, что мне теперь уже нельзя было никому пожаловаться: ведь все слышали, как я уверял Марию Ильиничну, что глаз у меня совсем не болит.

И вдруг... нарыв лопнул. Боль мгновенно прекратилась, я почувствовал себя таким счастливым, каким, кажется, не был больше за всю свою жизнь.

С тех пор я еще сильнее полюбил кино. Жаль только, что, занятый своими переживаниями, картину «Красные дьяволята» я так и не увидел.

В. И. Ленин с племянником Виктором на отдыхе в Горках. Август-сентябрь 1922 года.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Весной 1923 года болезнь Владимира Ильича сильно обострилась. Но летом его здоровье улучшилось. Лечивший В. И. Ленина профессор В. Н. Розанов впоследствии писал, что свежий воздух, уход, хорошее питание делали свое дело и Владимир Ильич постепенно поправлялся. В погожие дни выезжали на прогулку в парк, искали грибы, что Владимир Ильич делал с большим удовольствием. Он смеялся над неумением профессора искать грибы, подшучивал над ним, когда он проходил мимо грибов, которые Ильич видел издалека.

В то время Надежда Константиновна часами занималась с Ильичем. Владимир Ильич терпеливо и настойчиво учился писать левой рукой.

Такие занятия всегда проходили в полном уединении, и только я иногда нарушал это правило. Чтобы я не совал свой нос куда не следует, Надежда Константиновна давала мне разноцветные мелки и наглядные пособия, которыми она пользовалась при занятиях с Ильичем. Нагруженный такими подарками, я охотно уходил к себе в уголок и тоже садился «заниматься».

Так, играя, я самостоятельно рано научился читать. Беда была в том, что книги для детей тогда не издавались. К тому же какие-то не очень умные дяди и тети решили, что сказки вредны для воспитания детей, и старые издания сказок были изъяты из библиотек. Анна Ильинична и Надежда Константиновна боролись против людей, пытавшихся отнять у детей сказочный мир, но ничего с ними сделать не могли. Тогда недалеко от Кремля, около университета, велась широкая торговля старыми книжками. Анна Ильинична часто ходила на эту книжную ярмарку и покупала мне старые, потрепанные, зачитанные до дыр книжки.

Писать я научился значительно позже, и прежде чем научиться писать, я уже пытался исправлять написанное.

Анна Ильинична работала в редакции журнала «Пролетарская революция». Она много писала тогда, и ей часто присылали домой гранки. Меня очень интересовала ее работа над гранками, я никак не мог понять, для чего она исправляет то, что уже напечатано, ставит какие-то непонятные крючки и закорючки. Я приставал к ней с расспросами, мешал ей работать, и однажды она обстоятельно разъяснила мне, для чего и как все это делается.

Тогда и я решил править гранки, но так как мне их не присылали, то я испещрил корректорскими знаками все свои растрепанные книжки.

В Горках я крепко привязался к Владимиру Ильичу. Он часто брал меня с собой на прогулки, и мы подолгу шагали с ним по его любимой аллее.

Когда вся семья собиралась в лес за грибами или ягодами, он всегда, какая бы ни была погода, настаивал на том, чтобы меня брали с собой, а не оставляли дома.

Владимир Ильич был очень внимателен и ласков с детьми, он сразу находил с ними общий язык. Дети это чувствовали и при первой же встрече проникались к нему большим доверием. Они вели себя с ним запросто, как со старым знакомым.

Вечерами у нас в Горках собиралось много ребят моего возраста. Тут были дети работников охраны, шоферов. Каждый вечер мы затевали шумные игры возле дома. Играли в войну, а чаще в прятки. Ильич выходил на балкон и подолгу наблюдал за нашей игрой. А мы, видя, что на нас смотрят, старались вовсю. И Владимир Ильич не уходил с балкона до тех пор, пока нас не уводили домой спать.

В те дни, когда болезнь Владимира Ильича обострялась и он лежал в постели, я очень скучал и старался как можно чаще, хотя бы в щелочку, заглядывать к нему в комнату. Иногда меня приводили к нему по его просьбе.

Говорить он тогда не мог, бывало, посмотрит ласково, улыбнется, глаза у него заблестят, а я рад: дядя Володя улыбается, значит, он скоро поправится, и мы снова будем гулять с ним вместе.

ЕЛКА В ГОРКАХ
КАК Я НАУЧИЛСЯ ХОДИТЬ НА ЛЫЖАХ

В конце декабря 1923 года в Горках была устроена елка для детей. Владимир Ильич тогда очень болел и передвигался по парку только в кресле-коляске.

О том, что у нас будет елка, я впервые услышал не от родных, а от работников охраны. Я с ними очень дружил. Это были верные солдаты революции — латышские стрелки. Семьи многих из них находились за пределами нашей Родины — в буржуазной Латвии. Вернуться к себе домой они не могли, их бы сразу там посадили в тюрьму или даже расстреляли за то, что они сражались в России на стороне рабочих и крестьян за победу революции. Солдаты очень скучали по своим родным и, наверное, поэтому любовно относились ко мне, охотно со мной играли.

Однажды, когда я утром зашел к ним, я увидел, что двое из работников охраны смазывают лыжи. На мой вопрос: зачем? — они ответили:

— А вот завтра поедем в лес, срубим елку, поставим дома и будем танцевать вокруг елки.

Я попросил их взять меня с собой. Они обещали при условии, если я выучусь ходить на лыжах. А я уже давно мечтал об этом, да не было маленьких лыж, а на больших у меня ничего не получалось. Еще в прошлую зиму делал я попытки выучиться ходить на лыжах, но все они кончались печально. С первого же шага я плюхался носом в снег и, нечего греха таить, часто с ревом уходил домой.

Но теперь мне уже почти исполнилось 7 лет. Я набрался храбрости, встал на большие лыжи и пошел. Падал, конечно, и много раз, но уже не ревел. Плакать, да еще перед солдатами, мне было стыдно.

Так, шаг за шагом, я научился не только ходить, но даже бегать на лыжах. А за елкой я так и не поехал. Проспал.

Когда я на следующее утро проснулся — большая, красивая, пушистая елка стояла в большом зале.

Игрушки и все украшения к елке долгими зимними вечерами мастерили, рисовали, клеили Мария Ильинична, Анна Ильинична и Надежда Константиновна. Я тоже что-то усердно резал, клеил, а потом мы все вместе украшали елку. И вот наконец настал долгожданный вечер. Большая наша красавица елка, украшенная самодельными игрушками — цепями из разноцветной бумаги, флажками — и даже несколькими настоящими игрушками, стояла и ждала гостей.

Они не заставили себя долго ждать, ввалились шумной ватагой. Деревенские ребятишки пришли кто в чем мог: кто в валенках, своих или отцовских, кто в лаптях. Некоторые были одеты в добротные полушубки, другие пришли в солдатских телогрейках с отцовского плеча. Хотя я и родился в деревне, но меня увезли в Москву, когда мне не исполнилось еще четырех лет. Увидев такую массу ребят, да еще так пестро одетых, я, по правде сказать, струсил и хотел было спрятаться, но меня перехватили и заставили принимать и занимать гостей.

Получив впервые такое ответственное задание, я изо всех сил старался оправдать доверие.

В зал, где стояла украшенная елка, входить до приглашения было запрещено. Я привел ребят в библиотеку, достал старые русские и иностранные журналы, показывал и объяснял, как умел, яркие картинки.

Наконец нас позвали в зал, где стояла елка. Как только мы вошли, елка вспыхнула разноцветными огнями. И тут уж началось настоящее веселье. Мария Ильинична играла на пианино, Анна Ильинична и Надежда Константиновна водили с нами бесконечные хороводы, играли в кошки-мышки и другие шумные, веселые игры.

В разгар праздника в кресле на колесах к нам приехал Владимир Ильич. Он ласково глядел на возбужденных игрой ребятишек. Мария Ильинична и Надежда Константиновна принесли корзину с подарками.

Освещенный радостной улыбкой, Владимир Ильич с удовольствием вручал каждому ребенку какой-нибудь подарок. Единственным, кому не хватило подарка, оказался я. Мне было очень обидно. И хотя мне объяснили, что нельзя же было оставить кого-нибудь из гостей без подарка, обещали дать подарок завтра, но обида не проходила долго.

Чуть ли не на следующий день после праздника елки я заболел корью. Меня увезли в Москву. И пока я болел, Владимира Ильича не стало.

Я еще не совсем оправился от болезни, но, уступая моим настойчивым просьбам, родные взяли меня с собой в Колонный зал Дома союзов. Там я вместе со всеми попрощался с Владимиром Ильичем Лениным.

ПО ПАМЯТНЫМ МЕСТАМ

Когда Ильича не стало, Мария Ильинична часто брала меня с собой, и мы отправлялись с ней гулять по местам, которые особенно любил Владимир Ильич. Много таких мест было в парке и в окрестностях Горок.

Мне уже шел восьмой год, и я хорошо запомнил эти длительные прогулки, во время которых Мария Ильинична много рассказывала мне о детских годах жизни Владимира Ильича.

Позже мы отправлялись в более дальние путешествия, но уже не пешком, а на автомобиле. Шофер Ленина С. К. Гиль возил нас туда, куда он часто ездил с Владимиром Ильичем. Из наших путешествий мне особенно запомнились два места, одно называлось «Черная грязь». Это было густо заросшее осинником и орешником болото, вокруг которого в изобилии росли грибы. Сюда Владимир Ильич ездил охотиться и собирать грибы.

Другое место находилось где-то под Барвихой. Это была очень красивая, чистая, прозрачная березовая роща, откуда открывался замечательный вид на Москву-реку и окрестные поля.

— Сюда, — рассказывал нам Гиль, — Владимир Ильич приезжал ненадолго, чтобы подышать свежим воздухом и отдохнуть, когда не мог на более длительное время освободиться от работы.

Как-то раз, когда мы отправлялись из Горок в одно из таких путешествий, Мария Ильинична сказала, что здесь, у дороги, однажды произошло неприятное происшествие.

— Как-то мы выехали с Владимиром Ильичем из Москвы поздно вечером в открытой машине. Темнело, но дорога была пустынной, встречных машин не попадалось, и ехали мы спокойно. Вдруг шофер резко свернул в сторону, и мы вместе с машиной свалились в канаву. К счастью, никто не пострадал.

Как товарищу Гилю в сумерках удалось заметить тонкую проволоку, протянутую через дорогу, трудно понять. Случайно или умышленно у дороги было повалено несколько столбов. Висевшая на них проволока перегородила дорогу. Если бы Степан Казимирович вовремя ее не заметил, никто бы из нас не остался в живых.

Иногда наши путешествия по подмосковным местам, которые особенно любил Владимир Ильич, проходили молчаливо. Мария Ильинична, глубоко задумавшись, часами бродила по лесным тропинкам.

А когда мы возвращались домой в Горки, она садилась за рояль и долго играла любимые В. И. Лениным произведения.

Литературная запись И. Галкина.

ДЕТИ МИРА

Поездки в страны Азии, Африки, Европы, в Северную и Южную Америку были для меня не просто туристическими прогулками, — это была работа в условиях более чем непривычных. Времени на нащупывание, на «пробу пера» не было. И это определяло характер работы и ее темпы.

Мое особое внимание привлекали дети — этот удивительно пытливый и любознательный народ.

Позируют дети с большим удовольствием, но всегда недолго. И тут надо спешить. Порой к художнику выстраивается целая очередь маленьких натурщиков. Они наперебой кричат: «И меня, сеньор, и меня!»

Латинская Америка. На центральной улице огромного города толпа. Под тропическим солнцем работают маленькие факиры, заклинатели змей. Показывают они какие-то фокусы и время от времени с кружкой обходят зрителей. Я тоже бросил монету. И поспешил сделать наброски. Ребята это заметили. Старший, в красном плаще, осторожно раскрыл терракотовый с белыми узорами сосуд. Из него выползла змея, огромная, неприятная. Второй мальчик резким движением раскрыл черный сосуд, и из него показалась еще одна змея — поменьше, но очень шустрая. Старший стал наматывать большую вокруг шеи. Младший вытянул руку — и другая змея штопором завертелась на ней. Юные заклинатели стали двигаться прямо на меня. Они не заклинали своих змей, а прямо бодрых, незагипнотизированных тащили ко мне. Я невольно обернулся назад, подумывая о бегстве. Но старший закричал мне: «Фото! Фото!» Оказывается, это они мне специально позировали.

...Конечно, мне, как художнику, всегда приятнее говорить о детских радостях. Но в мире существует много горьких фактов, о которых люди не должны забывать. Путешествуя по свету, видишь, сколько детей еще не учатся, сколько страдают от непосильного труда. Еще существует, хотя и не явная, продажа детей в рабство.

...Большеглазый мальчуган в желтом берете, с ящиком и сапожными щетками в руках. На минуту он стал ребенком, он любуется чайками. Вот подошли нечищеные туфли, и мальчишка стал взрослым.

...У этого бойкого мальчишки пачка газет. Он вертится в потоке прохожих и машин, громко кричит: «Новости! Читайте свежие новости!»

...Мальчишка в техасских брюках вывел бульдога на прогулку. Он «бой», мальчик-прислуга, состоит при хозяйской собаке. Он на работе.

...Этот, в дырявом сомбреро и поношенных мокасинах, определенных занятий не имеет. Он работает «на подхвате», делает все, за что кинут монетку.

Каждое детство кончается — иногда раньше, иногда позже. И, к сожалению, еще многим мальчишкам в детстве приходится стать взрослыми, кормить себя и помогать семье.

Грустно об этом рассказывать, но необходимо. Потому что так хочется, чтоб все дети были счастливы и улыбались.

Иван СУЩЕНКО

И. Сущенко. АФРИКА. БРАТ И СЕСТРА.

БРАЗИЛЬСКИЕ РЕБЯТА.

21:
SIST
EAT

Метели и лебеди

Николай **СИДОРЕНКО**

* * *

Ломая двери, воды рвутся,
Глотают жадно талый снег.
И, перебив привычек блюдца,
Спешит из дому человек.

Пешком, на крыльях, на колесах —
Не все ль равно, лишь быть в пути
И где-нибудь на дальних плесах
Свет первородства обрести;

Забыть, что дважды два — четыре,
Что мерки и пределы есть,
Что за спиной, в привычном мире,
Всего привычного не счесть...

В лазури — белых птиц ячанье,
И облака... и облака.
И властное очарованье —
Издалека... издалека.

Спасибо, жизнь, за все спасибо.
Как мальчик, я к тебе прильну.
А в сновиденьях плещет рыба,
Кидаясь в синюю волну.

Я старые свои стихи листаю...

Ивану Молчанову

Я старые свои стихи листаю,
Страницы книги — молодость мою.
Неспешно о самом себе читаю
И заново как будто узнаю.

Да, это я, что так любил
скитаться
В сырых полях, встревоженных
весной;
Умел дружить и в нескольких
влюбляться,
Не признаваясь, впрочем,
ни одной.

Да, это я, что безоглядно верил:
Он надо мной не властен,
смертный час,
Как будто при рождении отмерил
Мне добрый кто-то вечность про
запас.

Ну, а всерьез... Мужало поколенье.
Мы и в морозы жили горячо,
И мы росли земле на удивленье,
Подставив веку крепкое плечо.

С одною трехлинейною винтовкой,
Спасая Революцию свою,
Мы грезили «в Коммуне
остановкой»
И если умирали, то в бою.

Но, может, я не о себе читаю,
Не про мои порывы и грехи,
И не мои — чужие дни листаю?
Мои... Мои! Не могут лгать стихи.

Несчетно раз деревья увядали,
Снега толпились около двора...
И вот теперь стихи переиздали.
Ну что ж, спасибо вам, редактора.

И тут совсем не в гонораре дело —
Романтика из юности пришла,
Она в степях знаменами шумела,
Через Сиваш дивизии вела.

Когда последний поезд
от вокзала
Уйдет, холодным солнцем залитой,
Идет туда пусть, где мое начало,
Где занимался век мой золотой...

Ты спи, дорогая...

Ты спи, дорогая,
укройся и спи.
Теперь уже поздно.
Беззвездно, морозно.
Глядишь, и метели
сорвутся с цепи.

По-детски
твоя розовеет ладонь.
Забыть о тревогах,
О дымных дорогах
Нас просит,
в печи напевая, огонь.

А ты молчаливо
глядишь на меня.
И даже с упреком.
О годе далеком
Ты вспомнила,
слушая голос огня.

Нам, видно, забыть
ни о чем не дано...
Ах, если бы память
В полночную замять
Умчало и — в прорубь,
на самое дно!

Но, знаю, и там,
глубоко подо льдом,
Она б не застыла,
Она б не забыла
О вечной тревоге,
о веке крутом.

Огонь напевает:
усни... позабудь...
И, правда, уж поздно.
Метельно. Морозно.
Усни, дорогая.
Попробуй уснуть.

А я посижу,
за огнем пригляжу.
А утро настанет
И в окна заглянет,
Я сказку о счастье
тебе расскажу...

Жгут листву

Чадят костры в садах поселка.
Неторопливо в синеву
Восходит дым, сырой, тяжелый, —
В садах осенних жгут листву.

Земля обнажена граблями,
Потом еще прошлась метла.
И людям нужно почему-то,
Чтобы сгорело все дотла.

Когда бы жгли воспоминанья,
Что нам мешают наяву,
Обиды старые сжигали...
А то ведь просто жгут листву.

Вечерний поезд

Вдоль пути
Обвисли провода.
Хохлятся сороки
На столбах.
Серая
Осенняя вода —
В небе, на траве
И на губах.

Опустив
Вагонное стекло,
Ветру
Ты подставила лицо.
Оттянуло руку
Тяжело
Обручальное
Твое кольцо.

Едешь ты
Неведомо куда —
Только дальше,
Только позабыть...
Как нежданно
Грянула беда,
Как легко
Сумел он разлюбить!

Почему
Не бросился вослед:
Навсегда ведь
Уезжала ты...
Льет закат
Багрово-тусклый свет.
Ветер. Дождик.
И гудят мосты.

Ветру
Целый вечер колесить
На безлюдье
Речек и полей.
Дождику
До утра моросить...
Говорят,
Что утро мудреней.

Царица

Девочка головку наклонила,
Глядя в восхищенье с колесницы,
Как на желтом побережье Нила
Чистят зубы крокодилам птицы.

В стороне увидела феллаха —
Колесо крутил он водяное.
Кожа, будто старая рубаха,
Лопалась от пота и от зноя.

Поглядела, как худые дети
Из песка готовят хлебцы дружно.
Только волны при небесном свете
Все смывают, словно так и нужно.

А потом она царицей стала.
Поначалу страшно, как на плахе.
А потом и думать перестала
О голодных детях, о феллахе.

Всех владык богатствами затмила,
Песнетворцев щедро награждала,
Льва-любимца пленными кормила,
Сладкого бессмертья ожидала.

Но и ей в удел досталось тленье,
В смерти стала наравне со всеми.
Все ж до нас ее изображенье
Донесло немыслимое время.

Властная жестокость, поглядите,
Навсегда в глазах окаменела.
Где же ты, подросток Нефертити,
Что детей голодных пожалела;

Что в слезах смотрела на феллаха:
Колесо крутил он водяное —
Кожа, будто старая рубаха,
Лопалась от пота и от зноя...

Лебеди летят!

Земля — в снегу.
Луна — в снегу.
Заснежье чистое — без края.
Колючий ветер
На бегу
Свистит, поземкою играя.

Рванется,
Ставней прогремит
И снова кинется куда-то..
А в дальнем крае
Пирамид
Ныряют в плавнях лебедята.

У нас
Еще крутой мороз,
Бездомно голосят метели.
В зимовье
Голубых берез
Они еще не отсвистели.

Пускай
Гуляют и свистят, —
Взбухают исподволь озера,
И скоро
«Лебеди летят!»
Мальчишка крикнет с косогора.
Рукой
Помашет издали,
Давая знать соседским детям...

Когда б народы
Стать могли
Хотя б на миг ребенком этим!

Апрельский этюд

В Загорске колокольный звон,
А у апреля свой порядок:
Трезвон ручьев, галдеж ворон,
И лебедей счастливый стон,
И цокот кованых лошадок.

В который раз, как в первый раз,
Апрель на свете колобродит?
А нам дороже, что при нас
Творится на глазах сейчас,
И сердце места не находит.

К ребятам бы на крышу взлезть
И голубей поднять со свистом!
Блестит домов окрестных жесть,
И солнце есть, и небо есть,
И видно все в просторе чистом.

Теплынь развешана в саду.
И влажен розовый булыжник.
Мы у весны на поводу,
И только с нею не в ладу
Приехавший некстати лыжник...

И. Сущенко.
МЕКСИКАНСКИЕ ДЕТИ.

НА УЛИЦЕ АРГЕНТИНСКОГО ГОРОДА. ЧИСТИЛЬЩИКИ ОБУВИ.

Мастера рассказывают

Ванемуйне — самый популярный бог в Эстонии, и это естественно — бог песни в песенном краю. Тем не менее нам не довелось там увидеть его изображения, и мы так и не знаем, каким представлял его народ — молодым или старым, красавцем или этаким Берендеем. Когда мы спросили об этом у одного немолодого жителя земли Калева, он разъяснил нам:

— Ванемуйне! Да это же наш Эрнесакс! Вы видели когда-нибудь, как на певческом празднике дирижирует он объединенным хором! 35 тысяч человек как один послушны его воле, малейшему движению, выражению лица. Я пел в этом хоре и могу вас заверить: так овладеть исполнителями, вдохновить, раскрыть их лучшие силы и чувства и заставить такую лавину непрофессиональных певцов зазвучать стройно, чисто и мощно, как орга́н, может только бог песни!

После этого не могло быть места сомнениям. И о замечательном Празднике песни, которому скоро 100 лет, мы попросили рассказать народного артиста СССР профессора Густава Эрнесакса. Тем более что все его многогранное творчество — композитора, дирижера, педагога — все 40 лет теснейшим образом связано с самым любимым, самым массовым, самым старым и вечно молодым праздником эстонского народа — Праздником песни.

Фото В. САЛЬМРЕ.

Поющая земля

...Такой уж у нас край — он рождает песню. Выйдите в белые ночи на побережье, посидите на камнях среди скал, послушайте, как сливается шум леса и плеск волн, и вам тоже захочется петь. А вот о чем она, эта песня? С кем ты будешь петь ее — вдвоем с любимой, в кругу друзей или в хоре с товарищами — это уже зависит от певца.

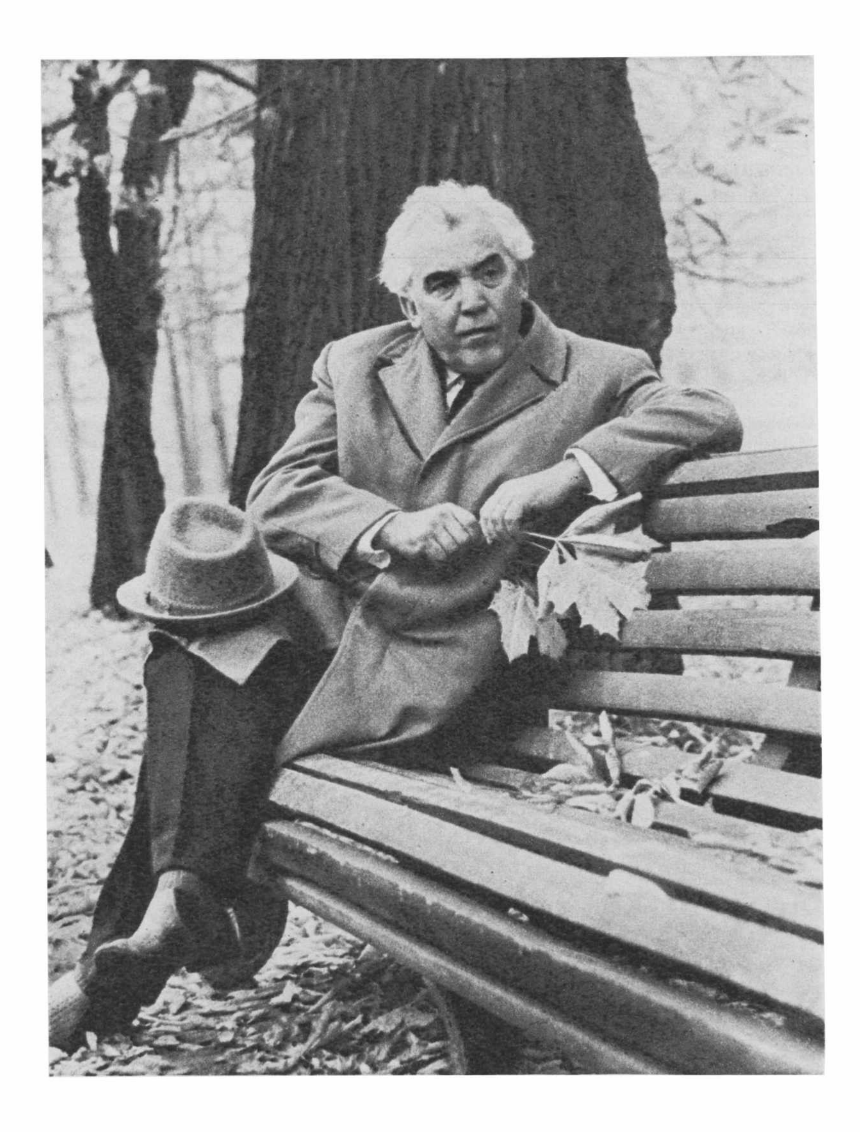
Но не всегда так было.

Сто тысяч леэло, народных песен и сказок, хранят музеи и архивы Эстонии. Народ любил песни и пел их и за работой и в праздники. Только праздников немного было на нашей земле, веками томившейся под чужеземным игом. Лишь в песнях народ мог раскрыть всю душу, в них изливал он слезы, горести и обиды, мечтал о свободе и счастье. Суровая земля, бури и скалы закаляли людей, делали их мужественными и терпеливыми, а море звало к свободе, будило мечты. И люди слагали песни.

Прадеды наши пели в одиночку: помещики побаивались могучих сыновей Калева и запрещали им собираться даже для песен.

Лишь после крестьянской реформы появляются первые, и то очень небольшие, хоры. Деревенские учителя на хуторах, в волостях пытаются организовать певческие праздники. Народ сразу потянулся к ним. Ведь это было единственной отдушиной в тяжелой жизни, единственным просветом. В 1865 году в Тарту возникло певческое хоровое общество «Ванемуйне». Оно и задумало устроить всеэстонский певческий праздник.

Но для такого собрания требовалось разрешение очень высокого начальства и нужен был повод. Подобрали его хитро́ — 50-летие «Положения об эстляндских крестьянах». Против этого, казалось, трудно возразить. Но царское правительство и местная власть боялись скопления людей и мешкали с разрешением.

Густав Эрнесакс.

Праздник удалось организовать лишь в 1869 году в Тарту. Сейчас на том месте воздвигнут памятник в честь столь знаменательного события. Конечно, участвовать не могли певцы всей Эстонии. И связи между ними не было, да и путь не близок. Железных дорог у нас не существовало, а пешком или на подводе через весь край не дотащишься даже с песней. Не могла участвовать и сельская беднота: конец июня — самая горячая пора, разве уйдешь от земли! Прибыли главным образом учителя да старшие школьники — 789 певцов, 46 мужских хоров.

Тем не менее уже первый певческий праздник стал огромным событием, вехой в жизни эстонского народа.

Разъезжались после праздника участники. И на дорогах, в корчмах, на заезжих дворах, в хуторах, а потом у себя в волости, на гулянье, за кружкой пива или просто в сельской лавчонке много рассказывали о празднике, о речах, что там произносились, особенно о тех, что за народ. Так, независимо даже от реакционных намерений некоторых устроителей певческие праздники стали прогрессивной традицией, приобрели огромную популярность, явились толчком для дальнейшего развития национальной борьбы. Конечно, немалое значение имеет, по какой книге учится читать человек, и все же главное,

чтобы читать он научился! Так и с праздниками.

Прогрессивные силы борются за их демократизацию. Все больше в репертуаре певцов эстонской музыки, народных песен, произведений русских композиторов, русской и западной классики. Появляются смешанные женские и детские хоры. Многие музыканты к тому времени получили образование в Петербургской консерватории.

Реакционная газета «Новое время» писала, что в Прибалтике пение насыщено политикой.

В различных местах губернии, в уездах, волостях проходят дни песни. Возникают все новые хоры, старые растут, движение ширится. Люди, пришедшие в хор, уже не уходят оттуда. Там находят друзей, влюбляются, женятся; туда ходят семьями, с детьми и внуками — по нескольку поколений. Это, надо сказать, свойство хора: певец «заболевает» навеки. И болезнь, как всякая затяжная, накладывает пожизненный отпечаток.

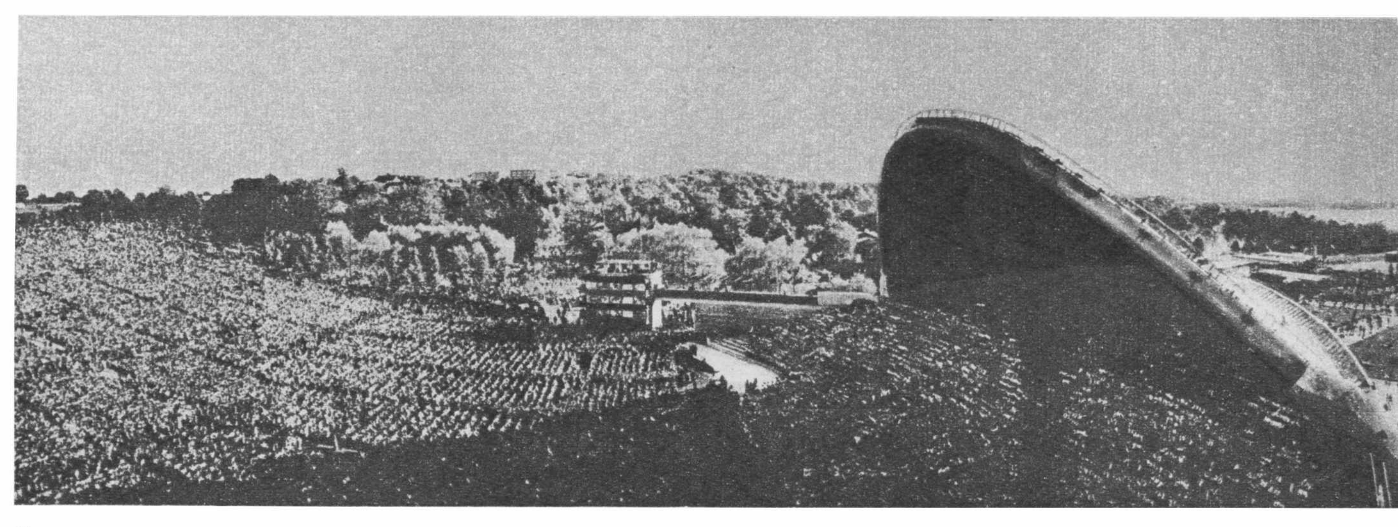
Хор — прежде всего коллектив. И самый лучший хорист тот, кто сливается с ансамблем, чутко слушает другого, не «вылезает»; здесь нет места эгоизму, себялюбию, противопоставлению себя коллективу, стихийному анархизму. Я всегда говорю своим певцам и ученикам, что мне очень близки принципы Станиславского. Любить не себя в искусстве, а искусство в себе. Стремиться не к личной славе и успеху, а к решению общими силами единых художественных и идейных задач.

Как в первых спектаклях Художественного театра, когда ведущий актер, что накануне потрясал сердца зрителей, сегодня, если это нужно для театра, для ансамбля, выходил в массовке или участвовал в шумах за кулисами — так и только так должно быть всегда в любом художественном организме. Хор — это коллектив единомышленников. Поэтому он оказывает огромное влияние на формирование не только исполнительского лица певца, но и эстетического, и этического, и гражданского. Вот почему я так много говорю, пишу о детских и молодежных хорах, о хоровом воспитании в школе. Развитие хоровой культуры народа зависит прежде всего от того, как поставлено музыкальное воспитание детей в школах, каков уровень знаний преподавателя. Как поставлено обучение музыки в школах, так и поет народ!.. Но это тема специального разговора.

Сейчас несколько слов о том, как я сам «заболел» хором.

Музыку в доме я слышал всегда — у отца была фисгармония, он играл по вечерам, и мы все пели. Но любимым моим инструментом был орга̀н. Его мощное, многокрасочное звучание влекло меня, и в 10 лет я потребовал, чтобы меня отвели в консерваторию учиться. Отец уступил настояниям. Но я, конечно, был мал, у меня даже ноги не доставали до педалей, а так как я и слышать не хотел ни о каком другом инструменте, занятия музыкой отложили. Я продолжал ходить в городскую общетехническую гимназию. Родители мои там пели в хоре — что-то вроде поющего родительского комитета. Братья отца преподавали в школах и руководили самодеятельными хорами. Я увязывался за ними на концерты, спевки, репетиции. Когда я смотрел на дирижера хора, мне казалось, что он словно из воздуха берет музыку и, как волшебник, посылает ее в певца; и тут я подумал, что хор сродни орга́ну, только еще лучше.

В 1923 году я впервые попал на Праздник песни. Теперь я понимаю, что праздник этот был, как и все последующие довоенные, довольно чахлый. Буржуазное правительство, правда, очень старалось использовать их для рекламы независимости своего народа,— но ура-патриотического воодушевления не получалось. Я же был потрясен, увидев тысячи людей на сцене и десятки тысяч на скамьях зрителей, охваченных единым чувством, объединенных мелодией, слившихся в песне. И понял силу хора, силу музыки. На следующий год я поступил в консерваторию — класс фортепиано.

Певческое поле.

Следующий праздник, в 1928 году, тоже стал этапным в моей жизни. Чтобы охватить всю картину торжеств, я залез на дерево и там слушал весь концерт и созерцал Певческое поле, как очень точно назвали это место. И вот, сидя на дереве, я дал себе слово, что в первый же праздник обязательно буду среди певцов; во второй — выступлю со своим хором, в третий — буду дирижировать многотысячным объединенным хором, а на четвертом исполнят мою песню!

На следующий год я перешел в класс школьной музыки и занялся всерьез хоровым дирижированием.

Кроме первого «обета», остальные я выполнил, особенно последние два, но это было уже после того, как в Эстонии свершились знаменательные события: Эстония была провозглашена Советской республикой. Это произошло в июле 1940 года.

А меньше чем через год началась война с фашизмом.

В оккупированной Эстонии музыкальная жизнь заглохла. Попытка фашистов провести певческий праздник провалилась, хоры распались, их участники разбрелись, погибли, пропали без вести.

В это же время в Ярославле создаются эстонские национальные художественные ансамбли.

И как только началось освобождение Эстонии в 1944 году, в Таллине был создан первый профессиональный хор — ныне Государственный академический мужской хор Эстонской ССР. В холодных помещениях, без стекол и мебели, стоя репетировали певцы, но за два месяца подготовили программу. И в январе 1945 года отправились в наши первые гастроли по республике. Много потом было у нас концертных турне. Мы выступали за границей, пели в 130 городах страны, проехали столько, что можно семь раз опоясать земной шар, но первая поездка никогда не забудется. Кругом разруха, бедность, недоедание, упадок. Нужно было поднять настроение у людей, переживших унижение и тяжесть неволи, смерть близких... Нужно было приободрить их, объединить, заставить поверить, что человек человеку не враг, не волк, а друг!.. Кто мог с этим справиться лучше песни?..

И вновь запела земля Калева, запел эстонский народ.

Первый советский певческий праздник намечен был на лето 1947 года. А с 1946 года в уездах проводятся дни песни, республиканские декады искусства, смотры художественной самодеятельности. Организуются курсы для руководителей хоров. В марте 1947 года ЦК КП Эстонии и Совет министров ЭССР опубликовали постановление, где предусматривалось обеспечение костюмами всей многотысячной армии хористов, бесплатные проезд на праздники, и питание; реконструкция Певческого поля и концертной эстрады; благоустройство города. Праздник вылился в подлинно народное торжество.

С тех пор певческие праздники проводятся каждые пять лет. Проводят их в июле, в день, когда Эстония стала Советской республикой.

А между республиканскими праздниками идет все более и более серьезная подготовка к ним, что, собственно, и является главным в хоровом движении, охватившем весь край. По самым скромным подсчетам, в хорах занято около 100 тысяч певцов. Но я считаю эту цифру для нашего народа маленькой: ведь хор — самый массовый и доступный вид самодеятельности, в нем может петь каждый десятый.

В 1956 году в Тарту впервые в СССР проводился 1-й Межреспубликанский студенческий праздник песни. В нем участвовали РСФСР, Украина, Белоруссия, Карелия и Прибалтика. С юношеским пылом и задором, охваченная едиными чувствами, поет молодежь разных национальностей песни дружбы и мира. Песня — словно мост дружбы. Встреча на этом мосту помогает лучше понять друг друга; и дружба становится крепче.

В 1962 году был первый певческий праздник школьников. В нем участвовало около 20 тысяч юных певцов.

Теперь в Советской Эстонии Праздник песни становится не только популярным и любимым, но действительно всенародным.

...Хоровое движение принимает такой грандиозный масштаб, что приходится проводить отбор — выявлять лучших. А кто не хочет быть лучшим?! И растет мастерство, повышается уровень исполнения. Сейчас даже самый небольшой хор не довольствуется тем, что поет a capella (без сопровождения музыкальных инструментов), как принято в Эстонии. Многоголосье — вот непременное требование.

И если у нас, на республиканском Празднике песни, тридцатитысячный объединенный хор поет песни в 4 голоса, это возможно только при очень серьезной подготовке всех участников.

Наш последний праздник проходил летом 1965 года.

По традиции он открывался шествием по городу. Идут в этом потоке академики и студенты, шахтеры и доярки, текстильщицы Нарвы и рыбаки с островов. В иной колонне все члены сельхозартели вместе с председателем, в другой —депутаты Верховного Совета, Герои Социалистического Труда, известнейшие люди, чьи портреты на городской доске почета. И все это не гости, не публика, явившаяся на праздник, а его участники, певцы — хоры.

Когда нарядная, яркая, многоцветная толпа в национальных костюмах движется от старинных башен Вышгорода к Певческому полю, издали кажется, что узкие улочки нашего древнего города забросаны цветами... Шествие длится несколько часов, хотя Таллин, как известно, не велик.

В одной из эстонских песен говорится: «Прислушайся к песне, увидишь, как вяжутся в поле снопы». Мне же хочется, продолжив эту мысль, сказать: «Послушайте наши песни, и вы узнаете, как живет сейчас эстонский народ, который связал с песней жизнь, труд, борьбу».

Сегодня он поет о творческом труде, о мире и дружбе на всем земном шаре.

Среди лучших сварщиков — Иван Алексеевич Прибытень.

Доброго пути им!

Ю. БОКСЕРМАН,
заместитель министра газовой промышленности СССР

Фото Д. Ухтомского.

Всех, кто бывает на Севере нашей страны, радует, как сказочно быстро меняется здесь жизнь. Работники газовой индустрии вносят свой большой вклад в эти перемены. Наши люди осваивают выявленные тут гигантские месторождения природного газа и нефти! Вырастают в тайге и тундре новые города, поселки, сооружаются заводы, промыслы, речные порты, железные дороги, электростанции, линии электропередач, преображается таежный сибирский край.

И сегодня нельзя не вспомнить тех, кто пришел в эти бескрайние леса, в тайгу и тундру первыми, как им было тяжко. И не только потому, что не было тут никаких дорог; и не только потому, что оборудование можно было доставить сюда лишь по рекам; и не только потому, что нашествие гнуса и комаров было подобно стихийному бедствию, а зимние метели, морозы порой повергали в уныние самых закаленных. Была еще трудность — сомнение, посеянное скептиками: «Вряд ли найдете там газ...»

И вот первый удар по маловерам. Первопроходцы во главе с геологом Александром Быстрицким, ныне он лауреат Ленинской премии, сообщают: найден газ вблизи Березова. И вот уже забил первый в Западной Сибири газовый фонтан. Это была и радость и огорчение — мощный смерч голубого пламени разрушил оборудование буровой. Как тяжело переживали и геологи и газовики все перипетии долгой, опасной битвы с подземными силами, сокрушавшими все и вся. И тем не менее березовский фонтан возвестил о начале новой эры в освоении полезных ископаемых Сибири. Сюда ринулись отряды патриотов, энтузиастов, пришла могучая техника...

А разведчики продвигались все дальше на Север, в Заполярье, поближе к Ледовитому океану. Один из самых отдаленных и труднодоступных районов — Ямал. Геологи доказали, что в Заполярье под четырехсотметровым слоем вечной мерзлоты таится целый океан топлива — газ, да еще идеальный по своей чистоте: 99 процентов метана. Два года потребовалось, чтобы сюда, на Ямальский полуостров, доставить баржами технику. И когда смонтировали первую установку, прошли первые сотни метров в глубь земли, ночью в лютую стужу неожиданно из скважины хлынул глинистый раствор с газом. Его давлением сорвало арматуру, удар металла высек искру, и огромный огненный фонтан поднялся к небу. Буровая установка с вышкой высотой в многоэтажный дом рухнула в пылающий костер. Земля содрогалась от подземных толчков, огонь растопил ледяной панцирь реки, и там, где шло бурение, образовалось озеро, а над ним высоко в небо подымалась гигантская свеча.

На помощь пришли военные летчики — они доставили на самолетах все, что требовалось для того, чтобы погасить эту гигантскую свечу, пробурить наклонную скважину. Несколько месяцев длилась героическая битва с силами стихии. И наконец удалось отвести газ по наклонной скважине в сторону. Снизилось давление, постепенно угасал огонь, а вскоре он и совсем затих.

Все это уже история, воспоминания, которые заставляют совсем как-то по-другому оценивать примелькавшиеся в будничных делах цифры. Было время, когда с ликованием встретили известие об открытых запасах газа в Шебелинке

или Газли — 500 миллиардов кубометров. Об этих запасах тогда говорили не иначе, как с эпитетом «грандиозные». А сейчас... Запасы газа в месторождениях, открытых тюменскими геологами во главе с мужественным человеком Ю. Г. Эрвье, составляют много триллионов кубометров. Никогда еще в нашей практике (да и в мировой тоже) не было таких сказочно богатых подземных кладовых, как Уренгой, Заполярное, Медвежье.

Уренгой... Два года назад здесь еще ничего не было. В заснеженной тайге светилось несколько огоньков, а в небе радугой красок висело полярное сияние. Тогда в Уренгое начали бурить первую скважину. А теперь тут запасы газа составляют 2,6 триллиона кубометров — столько же, сколько имела вся наша страна в 1964 году! Недавно геологи, продолжая разведку, пошли еще на большую глубину — свыше трех километров. И снова победа — доказано, что и на такой глубине есть большой газ.

Подсчитано, что на севере Тюменской области выявленные запасы природного газа уже достигли пяти триллионов кубометров. Позади оставлен мировой рекордсмен — штат Техас: два триллиона кубометров.

И еще об одной замечательной северной кладовой газа — земле Коми. Здесь газ был известен давно. Его еще до войны тут начали добывать. Но долгое время геологи не могли найти крупных месторождений. Правда, как-то на Джеболе забил газовый фонтан, и появились радужные надежды, однако дальнейшая разведка оказалась безуспешной. Драматическая коллизия, связанная со всей этой эпопеей, послужила писателю А. Рекемчуку основой для романа о северных разведчиках недр.

Неудача в Джеболе не умерила пыл энтузиастов, среди которых был крупный геолог страны, доктор геолого-минералогических наук Андрей Яковлевич Кремс — человек трудной судьбы, больших знаний и непоколебимой веры в возможность открытия богатейших месторождений газа и нефти в республике Коми. Рядом с ним неутомимо шагал по северной земле ученик и последователь И. М. Губкина, профессор, доктор Василий Михайлович Сенюков — уроженец Коми.

Десятки лет жизни А. Кремса связаны с Севером. В самое трудное для себя время ученый, получая заманчивые предложения о переезде на Северный Кавказ, в Москву, решительно отвергнул их и остался в Коми. Было у него много неудач, и порой казалось, что есть все основания отказаться от дальнейших поисков. Но А. Кремс не сдавался — искал и искал. Упорные поиски два года назад дали хорошие результаты: открыто богатейшее месторождение газа — Вуктыл. Запасов тут побольше, чем в Газли или Шебелинке.

Уже ложатся в землю трубы газопровода из Вуктыла в Ухту. Двести километров, но каких? Тайга и болото. Ни одного населенного пункта, а сам Вуктыл растянулся на сто километров по болотистой и залесенной местности.

Из Вуктыла мощный газопровод пойдет в Центр страны. Он должен быть проложен, по существу, в течение года. Трасса — тысяча четыреста километров. И опять леса, болота, реки. Лучшие отряды строителей нашего министерства уже трудятся на этой стройке, названной в народе «Сиянием Севера». В предстоящую зиму газ из Коми поступит в общую сеть действующих магистралей.

Героический подвиг геологов Севера — и на земле Сибири и на земле Коми — позволил основательно пополнить запасы газа в целом по стране: восемь триллионов кубометров. СССР вышел на первое место в мире по разведанным запасам газа. США остались позади. Но в этой стране добывают газа значительно больше, чем в СССР. И тут возникает естественный вопрос: если наши запасы так велики, то нельзя ли резко увеличить добычу газа в СССР? Разумеется, можно, но при ином, в корне отличном от прежних канонов, подходе к освоению найденных богатств. Прежде всего это относится к Сибири. Здесь впервые применили на строительстве нефте- и газопроводов трубы больших диаметров. И в масштабах куда больших, чем в США. Но это только доброе начало. И если говорить о максимально быстром освоении наших огромных запасов голубого топлива, то здесь требуются меры более смелые и решительные.

У специалистов газовой промышленности возникла идея создания сверхмощных промыслов и сверхмощных газопроводов, идея, поддержанная академиками Б. Е. Патоном, А. И. Целиковым, Н. В. Мельниковым, Т. С. Хачатуровым и многими другими учеными.

Сверхмощный промысел — что это такое? Это прежде всего скважины диаметром восемь — двенадцать дюймов, из которых можно получить до 3—5 миллионов кубометров газа в сутки вместо максимально достигнутых 500—750 тысяч. Первая такая сверхмощная скважина уже пробурена на Уренгое. Расчеты показали, что на этом месторождении при новых методах потребуется в четыре раза меньше скважин, чем предполагалось ранее, а себестоимость газа снизится в два раза. Огромная экономия денег — сто пятьдесят миллионов рублей. А главное — выигрыш во времени! Сейчас институты газовой промышленности вместе с геологами решают практические вопросы, связанные с созданием сверхмощных промыслов в трудных условиях Заполярья, вечной мерзлоты.

Но организовать добычу газа — полдела. Как обеспечить наиболее быструю и экономную передачу его на большие расстояния? Старые методы неприемлемы. Если попытаться передать из северных районов в Центр и на запад 110—120 миллиардов кубометров в год, а такая задача поставлена, то надо бы построить двенадцать газопроводов по три тысячи километров каждый. Это значит проложить 36 тысяч километров труб диаметром в один метр. Совершенно нереальная задача! Значит, нужно искать иные, революционные пути. И они были найдены — строить газовые магистрали из труб диаметром в 2—2,5 метра. Тогда один газопровод сможет передавать до ста миллиардов кубометров в год — в два раза больше, чем добывается ныне во всей стране. Смело и грандиозно!

Но, как всегда бывает в таких случаях, появились противники, скептики: кто сможет дать такие трубы и необходимое для этого оборудование? Задача-де смелая, но нереальная. А когда спор достигает апогея, в ход идет последний козырь: «Даже в Америке нет таких труб!» И тут хочется воскликнуть: «До каких же пор мы будем ссылаться на страну, где нет и газопроводов из труб диаметром в 1,2 метра?» А мы их прокладываем: такие газопроводы, идущие из Коми и Средней Азии, уже в нынешнем году вступят в строй. А через два года мы начнем прокладывать трубы диаметром в 1,4 метра, а затем и 2—2,5 метра.

Технико-экономические расчеты, поддержанные квалифицированной экспертизой Госплана СССР, убедительно свидетельствуют: применение сверхмощных газопроводов даст огромную экономию. Производительность газопровода из труб диаметром в 2,5 метра возрастает в 10,5 раза по сравнению с трубопроводами диаметром в один метр, а удельные затраты металла, капитальные вложения и эксплуатационные издержки снизятся на 45—50 процентов. Только на двух проектируемых сверхмощных газопроводах можно сэкономить до полутора миллиардов рублей и несколько миллионов тонн металла. Право же, ради этого стоит основательно потрудиться. В этом году уже будет построен первый опытный участок. В ряде научных институтов создаются конструкции труб и оборудования, машин и механизмов, разрабатывается технология сооружения сверхмощных газопроводов.

Мы уверены, что жизнь сметет с пути маловеров. Но сколько они отнимают времени, мешая новому, революционному делу! Принцип у них немудрящий: «Наше дело — высказать сомнение. А вы уж как хотите...» Добавлю от себя: благо за сомнение не наказывают...

Вот и теряем в бесцельных дебатах драгоценное время — время, которое нужно как воздух, чтобы сделать могучий рывок в развитии газовой промышленности.

* * *

...В различных районах страны самоотверженно трудятся люди газовой индустрии, преодолевая большие трудности в пустыне, тайге, тундре. Путь их далек и долог. Они вместе с геологами осваивают новые месторождения, строят мощные и сверхмощные трубопроводы, заводы по переработке газа. Десятки тысяч наших строителей кочуют в передвижных вагонах-домиках, это целые поселки на колесах. Там свои столовые, магазины, красные уголки, медицинские учреждения. Теперь новая забота: надо всерьез подумать о детях, которые рождаются, что называется, на трассах. Нужны детские ясли, сады. И тоже на колесах. Недалеко от станции Микунь, в Коми АССР, я видел в поселке, как десятки детей оставались на целый день без присмотра: родители далеко на трассе и возвращаются поздно вечером.

Кочевой образ жизни газостроителей рассчитан не на одну пятилетку. Надо позаботиться о дальнейшем улучшении их быта, о специфике необычной их жизни.

За Полярным кругом, где тысячи наших людей бурят скважины, строят дома, столовые, промысловые установки, на Вуктыле площадка нового города выбрана на берегу Печоры. Местных партийных, советских работников волнует такая проблема: какие дома строить, каким должен быть новый город, чтобы в нем с первых же лет его существования было бы удобно жить? Эта же проблема и в Тюменской области, на земле Сибирской.

В наше время нельзя осваивать Север методами тридцатых годов, когда Магнитка, Турксиб и им подобные индустриальные гиганты первых пятилеток создавались ручным трудом сотен людей, многие из которых жили в землянках и палатках. Надо признать, что в какой-то степени такой неверный подход повредил, особенно на первых порах, и делу освоения богатств Севера. Сделано, конечно, много, но разве такими мы хотели видеть города и поселки в тайге? Дома доставляются сюда деревоперерабатывающими предприятиями по устаревшим проектам, без учета специфики Севера, где зимой температура достигает минус пятидесяти градусов. А ведь можно и из дерева построить хорошие, красивые и удобные дома, как это сделали, например, в пригороде Ташкента. К сожалению, на местах до последнего времени мало заботились о благоустройстве построенных поселков. Недавно в министерстве мы рассматривали предложения наших проектировщиков и архитекторов. Они сделали многое, чтобы поселки в тайге и тундре стали нарядными, удобными для жизни людей,— клубы, детские сады, площадки, озеленение, асфальтированные улицы. Все это должно изменить облик новых поселков. Важно, чтобы проекты не остались только проектами. Теперь мы имеем возможность строить и на Севере, в таежных городах, капитальные дома с благоустроенными квартирами, отказавшись от действующих норм — высота потолка 2,5 метра...

Месторождения Севера должны осваиваться минимальным числом людей. Здесь требуется широкое внедрение автоматики и телеуправления. Это еще не поднятая целина.

Геологи, газостроители — люди, которые всегда в трудном походе. И надо сделать максимум возможного, чтобы облегчить условия этого похода. Сейчас есть для этого все возможности. Нужно умело использовать их.

Доброго пути вам, землепроходцы — геологи, газостроители!..

Доктор геолого-минералогических наук А. Я. Кремс.

18-я скважина дала газ!

Мать солдата

Ия МЕСХИ

Фото С. Короткова.

Сначала пришла весть из-под Сталинграда — о муже: защищая Родину, он пал смертью храбрых. Узнать такое было очень тяжко, потому что жили они с мужем ласково, дружно, как, кажется, не жила ни одна другая супружеская пара в этом селе. Но кругом было много горя, ходило много солдатских вдов в черных платках. К тому же в доме оставалась дочь.

С тех пор как началась война, они с дочерью жили вдвоем. Дом их стоял на отшибе, на холме, вдали от других. Уходя еще затемно на чайные плантации, она оставляла маленькую Тамару одну. Девочка сама ходила в школу, сама хозяйничала и только поздно вечером встречала мать. И надо же, чтоб именно в дни, последовавшие за тяжелым известием с фронта, дочку свалил с ног менингит, и она сгорела, как спичка, в несколько дней.

Вот когда стало совсем худо. Пустой дом. Никого. И тут пришло письмо от сына. Он ушел на фронт вместе с отцом, в один день, в один час, в 1941 году. Ему было 18 лет. Два года шли от него хорошие, бодрые письма. А это — из госпиталя. Ранен. А может быть, уже нет в живых?!!

Она окаменела. Ничего не видела, не слышала. Не плакала. Несколько дней сидела одна взаперти. И вдруг замелькала по улицам села. Побежала к одной соседке, к другой, к председателю колхоза, в сельсовет. Она решила: поеду к сыну! Если он и вправду ранен легко — хотя бы увижу, утолю боль. Если ему плохо — выхожу его. Если нет на свете — припаду к земле, которая его укрыла.

Ее уговаривали: «Да ты не в своем уме, женщина! Немцев только отогнали с гор, но они бомбят с моря! Дороги забиты военными, не проехать, не пройти. Пропадешь, несчастная...»

Она была непреклонна. Поджарила кружочки сыру, спекла хачапури, прирезала всех своих несушек (зачем теперь ей куры!) и купила деревенской водки — чачи. Получилось два чемодана. Она их связала крепкой веревкой, чтобы можно было перекинуть через плечо.

Сельсовет выдал ей справку, в которой на ломаном русском языке удостоверялось, что она есть Жения (Евгения) Жвания, передовая колхозница-чаевод села Охурей, Очамчирского района, Абхазской АССР, и что она направляется к своему сыну, раненому солдату Ивану Жвания в госпиталь номер такой-то. Просим, мол, ей помогать.

У нее было все: решимость, здоровье и силы сорокалетней женщины. Не было только языка, потому что русский она не знала совсем, грузинским тоже владела плохо, хотя и была грузинкой, но мингрельской этнической группы, со своим мингрельским языком. Э, да что тут язык!.. Дело простое. Все поймут.

В колхозный грузовик набилось уйма народу. Жению проводили на Сухумский вокзал. Напутствовали, охали, подбадривали, дружно вдавили ее в переполненный вагон. Она поехала в Сочи. А дальше — бесконечное Черноморское шоссе...

Слева — море, справа — горы. Лента дороги вьется вдоль песчаного берега. Солнце палит нещадно, жжет тело через черное платье с длинными рукавами, через брошенный на голову кусок черного крепа. Маленькая женщина с двумя перекинутыми через плечо чемоданами идет, плотно прижимаясь к кюветам. Поток машин, людей, стремящихся в ту же сторону, чуть не сбивает ее с ног. Иногда, поставив чемоданы, она молча поднимает руку навстречу машинам. Так и добирается до сына — то машиной, то пешком. Вечером стучится в дома, протягивая сельсоветскую справку. Впрочем, в справку никто не заглядывает. Она уже знает слова «госпиталь», «сын»... Чего ж тут не понять? Ей дают ночлег, а наутро снова идет через Лазаревское, Туапсе, Геленджик...

За Геленджиком километров сорок — сущий ад. В придорожных канавах вонючая окровавленная вода. Все время команда «Воздух!». Надо сойти с дороги и лечь, сделав из чемоданов шалаш для головы.

А там, в Охурее, пустой, заколоченный дом и тишина, тишина...

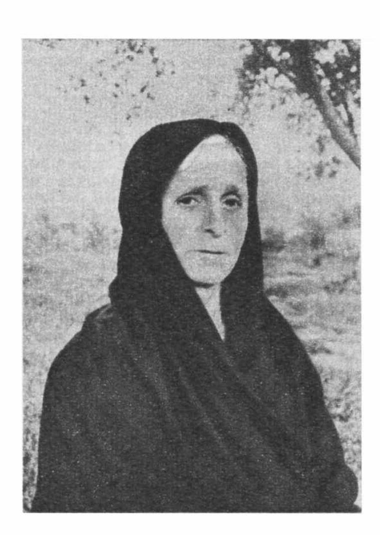
— Мамаша! Ты куда?

— Госпиталь... Сын...

Ей объясняют жестами, как пройти, долго смотрят вслед...

В полевом госпитале солдата Ивана Жвания нет. Лежал, но поправился на днях, откомандирован в часть.

— Куда?!

Мать солдата Жения Жвания.

Солдат Вано Жвания (снимок военных лет).

Машут рукой на север, вперед. А впереди — занятый врагом Новороссийск. Совсем близко — район цементных заводов, в котором гремит канонада, идут бои. У контрольных пунктов спрашивают пропуск. При чем тут эта женщина в черном? А ну, мать, шагай отсюда подальше. Давай, давай, давай...

— Да пусти ты ее... Сколько прошла! Может быть, найдет?

Жения благодарно смотрит на офицера. У него, наверно, тоже есть мать...

А вокруг только зеленые линялые гимнастерки и матросские робы, одни — навстречу, другие — туда же, куда и она. И вдруг:

— Деда!!! [1]

Он первый увидел ее. Крикнул, не выходя из строя, продолжая шагать, то ли машинально, то ли не смея нарушить ряды. Женщина побежала на голос, растерянно проглядывая лица: все похожи, все на одно лицо...

Рота остановилась. Жив! Черный, худой, сияют голубые глаза... От уха по шее свежий шрам... Мать с сыном обнялись при всех.

Такое удивительное дело, а медлить нельзя. Рота идет занимать огневой рубеж. Как поступить с матерью? Оставить ее на дороге? Но это же не дорога, это фронт!.. И командир роты, Морозов, решает: взять с собой!

Все ближе разрывы снарядов. Рота сворачивает с шоссе, берет вправо, через поле, поднимается на холмы. Жения шагает рядом. Теперь ей хорошо, легко. Не режет плечо веревка, чемоданы несут ребята. Они говорят ей что-то шутливое, улыбаются, как своей. «Какой добрый человек командир!» — думает Жения.

Неожиданно он кричит что-то. Все разбегаются по гребню холма, ложатся. Жения ложится рядом с сыном, осторожно поднимает голову. С противоположного холма идут цепью немцы. Стреляют. Вано тоже прилаживает свой автомат, стреляет.

— Деда! Подавай патроны!

Часть немцев заходит с флангов, преграждает обратный путь. Вечером, после боя, солдаты роют землянки. Для матери — отдельную. И она наконец выплакивается в ней, на сыновнем плече, рассказывая о похоронной, о смерти Тамары, о своем запущенном, пустом доме. Но это только одну ночь! Наутро она — само действие, сам огонь. Шутка ли, сколько дел! Перевязать, зашить, добыть воду, приготовить еду...

Давно уже опустели чемоданы с гостинцами. К роте подошло подкрепление. Фланги очистились от неприятеля. Комроты вызвал Вано:

— Уговори мать уйти. Не место ей здесь...

Жения и слышать об этом не хотела. Она освоилась, прижилась. Ей казалось, что без нее они все тут пропадут.

На 17-й день комроты по всей форме приказал ей вместе с санитаром проводить в полковой госпиталь очередную группу раненых. А там — записка командиру полка с просьбой вывести ее за фронтовую полосу. Начинался сентябрь 1943 года. 18-я армия генерал-лейтенанта Леселидзе, стоявшая у стен Новороссийска, перешла в решительное наступление и всеми своими средствами, взаимодействуя с моряками и летчиками, погнала врага через Новороссийск на Тамань.

И может быть, не только солдату Жвания из роты Морозова долго помнилось лицо матери, тихой, скромной, бессловесной женщины, у которой говорили только ее глубокие глаза о гневе, сострадании, отваге...

* * *

Почти четверть века прошло с тех пор. Эту историю мне рассказали в Охурее, коллективно, пылко и пристрастно уточняя все детали. Рассказывали колхозный бригадир, кавалер боевых и трудовых орденов и медалей, бывший солдат Вано Жвания, его улыбчатая жена Медико и куча набежавших на огонек соседей. А Жения, облепленная со всех сторон внуками, только изредка вставляла по нескольку слов. Она не понимала, чем вызван интерес к одной из страниц ее столь обычной жизни.

[1] Мама!..

ВДОХНОВЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Помните ли вы портрет Мики Морозова? Ту самую знаменитую картину Валентина Серова, что висит в Третьяковке? На полотне изображен четырех-пятилетний мальчик.

Этой картине суждено было занять видное место в летописи русской живописи, а ее герою — оставить заметный след в истории нашего отечественного литературоведения.

Михаил Михайлович Морозов был одним из лучших знатоков Шекспира и крупным специалистом по истории русского театра. Он умер шестнадцать лет назад, оставив после себя значительное литературное наследство.

Недавно вышла новая его книга. Она дает представление о поразительной широте научных интересов этого человека и многогранности его исследовательского дарования.

Треть книги посвящена Шекспиру. Но посмотрите, какое множество аспектов находит ученый в исследовании этого океана! Монографический очерк об одной трагедии, а затем комедии, постановка Шекспира на сцене узбекского театра, о языке и стиле драматурга, его пьесы в переводах Бориса Пастернака, наконец, шекспировские сонеты в переводах С. Маршака. И в каждой статье — великолепное знание материала и, что особенно важно, свой собственный взгляд на предмет.

Я вспоминаю свои далекие аспирантские годы. Это было три десятилетия тому назад. Институт наш МИФЛИ находился в Ростокино, казавшемся тогда глухой окраиной Москвы. И кипела на той окраине интенсивная духовная жизнь. Чья-то умелая административная рука собрала в этом учебном заведении немало блистательных педагогов, которым институт был обязан своей репутацией.

Здесь читал тогда свои лекции и М. М. Морозов. На его спецкурс по Шекспиру сбегались не только студенты-зарубежники, но нередко студенты и аспиранты других специальностей. И всем было необыкновенно интересно его слушать. Живой, острый, экспансивный, он читал свои лекции с тем увлечением и артистизмом, которые не оставляли в аудитории ни одного человека равнодушным.

М. М. Морозов в те нелегкие годы мало писал. И мы сокрушались по этому поводу. Нам порой казалось, что он целиком расходовал себя в своих блистательных лекциях и что не оставалось у него душевных сил для литературной работы.

Мы не знали тогда всей правды. Она открылась позднее, когда начала выходить одна его книга за другой. И стало ясно, как много и напряженно он всегда работал за своим письменным столом.

Шекспир был главной привязанностью М. М. Морозова, но не единственной. На широком поле истории английской литературы у него было много избранников. В последней его книге можно найти еще несколько прекрасных очерков: о Шоу, Бернсе и Китсе. И написаны они с такой основательностью и таким литературным изяществом, что чтение доставит удовольствие далеко не одним только специально интересующимся английской литературой.

А что касается специалистов — отечественных и зарубежных, то они давно дали высокую оценку трудам этого ученого. Я только что вернулся после пятинедельной поездки в Англию. Мне привелось выступать с лекциями в двенадцати тамошних университетах, беседовать со многими учеными. И не раз мне приходилось слышать, с каким огромным уважением говорили британские литературоведы о работах М. М. Морозова.

В последнюю книгу М. М. Морозова включен еще один цикл статей — по истории русского театра.

Три выдающихся актера — Митрофан Иванов-Козельский, Василий Андреев-Бурлак и Модест Писарев — три человеческих судьбы и три разных страницы в истории русского сценического искусства. Об этих людях и об их творчестве пишет М. М. Морозов.

Но как писать об актере, игру которого ты не видел? Приходится полагаться на современников — на отзывы критиков и зрителей. Это необычайно трудная задача — по крупицам воссоздать живую атмосферу некогда поставленного спектакля и игру актера. Здесь особую роль играет чутье исследователя, даже, я бы сказал, воображение. Можно прочитать гору материалов о давно прошедшем спектакле и не быть в состоянии ощутить, что же именно происходило в тот вечер на сцене.

М. М. Морозов обладал этим редким даром воображения. Прочитайте любой из трех его театральных очерков, и вы неожиданно почувствуете себя перенесенным в театральные кресла 70—80-х годов прошлого века. И вы на себе как бы испытаете «эффект присутствия». Вы увидите на сцене Иванова-Козельского в роли Чацкого или Белугина, Андреева-Бурлака в образах Расплюева или Счастливцева. Вам и в голову не придет, что автор очерков никогда не видел на сцене этих актеров. Его анализ обладает тем ощущением достоверности, а стиль его письма отличается той пластикой конкретного видения сценического материала, которые заставляют читателя уверовать в то, что все именно так и было, иначе и быть не могло.

Драгоценным, редким талантом был наделен этот удивительный человек.

Профессор С. МАШИНСКИЙ

М. Морозов. Шекспир, Бернс, Шоу... Издательство «Искусство», 1967.

СВИДЕТЕЛИ ОБВИНЕНИЯ

«Отдаленные результаты»... Существует такой медицинский термин,— пишет Ирина Ирошникова в финале своей повести «Здравствуйте, пани Катерина!..» Все в этой повести как будто давно известно и вместе с тем неожиданно, ново, свежо. Кто не знает, что такое Освенцим? Кто не читал о том, каким мукам подвергались там советские люди? Но Ирошникова раскрыла еще одну сторону лагеря, едва ли не самую страшную,— дети Освенцима. Дети — узники! Дети, на глазах у которых сжигают людей, угоняют матерей...

Ирошниковой довелось столкнуться с теми, кто пережил эту трагедию. На Всемирном женском конгрессе в 1963 году писательница услышала рассказ учительницы со Смоленщины Нины Гусевой об Освенциме, о маленькой девочке, вместе с которой она спала на нарах. Ирина Ирошникова написала очерк о Гусевой в «Огоньке». В ответ посыпались письма читателей: что стало с той девочкой? Как сложилась ее дальнейшая судьба? Но Ирошникову взволновала не только история этого ребенка,— дети в фашистских лагерях! Она поехала в Польшу, встретилась с людьми, случайно оставшимися в живых, узнала, как они разыскивали родителей, братьев, сестер. И почувствовала неодолимое желание написать об этом повесть, которую она, по сути дела, уже начала своим очерком, опубликованным в «Огоньке».

«Здравствуйте, пани Катерина!..» — произведение не столько об Освенциме, сколько о последствиях войны. Героиню повести, Катерину Романовну Климушину, фашисты угнали из лагеря и разлучили с детьми. Сынишка после победы сам добрался до дома, а крошку Таню мать искала почти 20 лет. Она нашла дочь в Польше. Но у дочери была уже другая мать — Кристина, которая взяла ее из лагеря, выходила, воспитала и любила не меньше, чем родная. Казалось бы, все окончилось хорошо: все живы, здоровы, нашли друг друга. Но как драматична эта ситуация! Страдают обе матери, страдает девушка, чья душа прежде не знала сомнений, была ясна... А сколько матерей еще до сих пор ищут своих детей?! Ищут, взывая ко всему миру: «Помогите найти!»

Было бы неверно думать, что автор в точности воспроизвел судьбы реально существующих людей. «Здравствуйте, пани Катерина!..» — это художественное произведение, в нем есть и фактический материал, и воображение писателя, и домысел... Легче всего было бы написать эту повесть в детективном жанре. Для этого следовало лишь сконцентрировать события вокруг поисков девочки, постепенно разматывать ниточку... Но Ирошниковой показалось кощунственным стремиться к занимательности, рассказывая о горе людей, о жертвах Освенцима.

Писательница старалась главным образом сохранить чувства, которыми были исполнены сердца пострадавших, эмоциональную силу рассказов, услышанных из их уст. Поэтому в повесть иногда врываются главы, написанные от лица персонажа («Рассказывает Марина» и др.). Своеобразна композиция повести. Меняются углы зрения в зависимости от того, кто рассказывает и о ком идет речь, настоящее перемежается с прошлым, вставляются портреты-новеллы: «Катя», «Анатолий», «Ясь» и т. д. В то же время читателя не покидает ощущение безыскусственности, непосредственности, с которым написано произведение.

О. ГРУДЦОВА

И. Ирошникова. «Здравствуйте, пани Катерина!..» Журнал «Москва» № 12, 1967.

ЗЕМЛЯ РОДНАЯ

Небольшая, в тысячу стихотворных строк книга Николая Поливина, названная «Прозрение»,— посвящение всему, что зовется жизнью. Даже по оглавлению угадывается стремление автора писать о людях, меньше всего заявлять о себе, декларировать себя.

Поэт — мореход и путешественник, Николай Поливин многие годы воспевает край «рыбачьих становий», каспийской штормовой моряны, край, где живут люди сурового труда, которых «качает не море, качает работа», но которые погибли бы «от скуки... без такой перегрузки».

Живописуя землю своей юности, он умеет показать ее красоту, самобытную, особенную. Здесь «белуги — могучие лоси — гуляют в могучей реке», здесь «пунктирные неводов строчки слагают поэмы свои».

Образы родной природы соседствуют с раздумьями о судьбах дорогих людей, о прошлом страны, ее сегодняшнем дне.

Зримая конкретность — ценное свойство, обретенное поэтом в дороге. Он много ездил и ездит по своему и другим краям. В циклах «Нас качает не море», «Родословная», «Звезды на земле» немало стихотворений, помеченных точным адресом: «Дамчинский заповедник», «Теплоход «Моздок», «Ашхабадский ипподром», «Южный Каспий», «Куня-Угренч». Возвращаясь из поездки обогащенным, проветренным, просветленным, поэт несет поэтический поклон родному берегу, исповедь сына — земле своих предков.

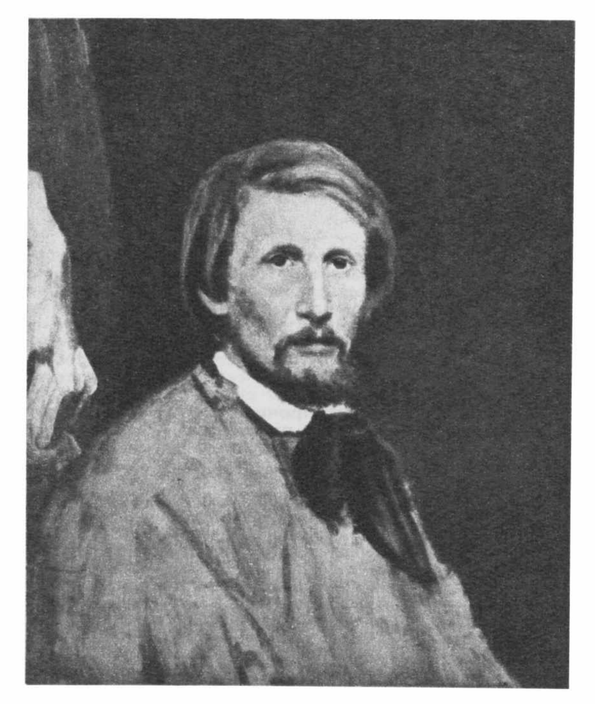
Вот, например, стихотворение «Мамин дворик». Оно автобиографично, насыщено индивидуальными деталями, оно непременно пробудит в читателе волнующие воспоминания его детства, и каждый воспримет как собственный обобщенный вывод автора:

Опять в ушах грохочет море,
Мне неоткрытое открыть!..
До новой встречи, мамин дворик.
Теперь и в шторм не страшно
плыть!

В предисловии к сборнику Борис Шаховский, земляк Н. Поливина, безвременно ушедший от нас поэт, который отличался высокой требовательностью к себе и товарищам, написал: «Поливин любит поэтические путешествия в другие века, разговоры с прошлым и будущим, но с обязательной «примеркой» к настоящему». Это верно подмечено. Сборник «Прозрение» — девятый на книжной полке Н. Поливина. В его творчестве все сильнее проявляется стремление вписать свою страницу в летопись поколения, к которому принадлежит автор.

В. ЧАНТУРИЯ

Н. Поливин. Прозрение. Нижне-Волжское книжное издательство, 1967.

В. М. Васнецов. АВТОПОРТРЕТ.

„Я только Русью и жил..."

Ник. КРУЖКОВ

Удивительный художник Виктор Михайлович Васнецов! Смотришь его картины и погружаешься в мир народных сказаний, былин, легенд, каждый штрих любого его произведения дышит поэзией, источает свет родного русского неба, запах степных трав или смолистый, земляничный дух кондового соснового бора. Встают с васнецовских полотен могутные мужики, богатыри и витязи, оберегатели земли русской, те, о которых в бессмертном «Слове о полку Игореве» сказано: «Под шеломы взлелеяны, конець копия вскормлены...» Или увидишь и даже услышишь гусляра-баяна, чье слово звонкой струной проникает в сердце, зовет к правде, к честно́му бою за святое дело. Или вдруг окажешься в сказочном краю берендеев — простодушных, добрых, чуждых лжи и обмана. Или вдруг зеленым пламенем вспыхнет узорчатое платье Царевны-Лягушки, и все вокруг загудит в веселом плясе, и гуси-лебеди поплывут в голубом небе, и хороводы закружатся на зеленой лужайке. Или вдруг остановишься, пронзенный болью, перед скорбной, согбенной тоской Аленушкой, и строки народной сказки возникнут сами собой: «Уж и где ты, горе, не моталося! На меня, бедную, навязалося! Я не знаю, как быть, недостало, как мне горя избыть!»

В одном из своих писем к В. Стасову Васнецов писал: «Я только Русью и жил...».

И это правда!

Всю страсть своей поэтической души, весь жар сердца, весь свой огромный талант художник вложил в одну тему, которую можно с полным правом назвать песнью о Руси, о ее народе. И эта песня громким, торжественным хоралом прозвучала на весь свет и продолжает звучать до сих пор, возбуждая в людях с новой силой трепетное чувство любви к родине.

Аполлинарий Васнецов, брат художника, тоже недюжинный мастер кисти, рассказал, как Виктор Михайлович, переехав в Москву, воспринимал московскую древнюю красу: «Брат удивил нас всех подлинными слезами умиления перед Кремлевскими стенами, Василием Блаженным и остальными памятниками. Он плакал от радости и обнимался со своими спутниками, обегая всю Москву. Так могуча была в нем любовь к родному».

Искренность переполнявших его чувств художник с необыкновенной силой излил в картинах. Он обладал удивительным даром проникновения в самую суть стародавней жизни. В своих творческих поисках он опирался не столько на историческую достоверность, сколько на созданные народом образы и понятия. Обращаясь к прошлому, он утверждал идеалы настоящего. Он как бы взывал к людям: учитесь у своих прадедов честности, смелости; воспринимайте, умножайте, развивайте непоколебимую любовь к родной земле, которая отличала древних богатырей: их доблесть — вам наука! Он своим творчеством утверждал и ту мысль, что нет ничего на свете краше и лучше родины: велик и могуч ее народ, прекрасно его творчество — былины, сказания, сказки, раздольна ее земля — и в зелени пашен и в серебре снегов, просторны ее степи, дремучи и грозны ее леса. Он очень самобытен и национален — этот художник, славный сын России, и именно потому дорог всем людям земли.

Виктор Васнецов, выражая свое понимание творчества, говорил: «Мы только тогда внесем свою лепту в сокровищницу всемирного искусства, когда все силы свои устремим к развитию своего родного, русского искусства, то есть когда с возможным для нас совершенством и полнотой изобразим и выразим красоту, мощь и смысл наших родных образов — нашей русской природы и человека, нашей настоящей жизни, нашего прошлого, наши грезы, мечты, нашу веру и сумеем в своем истинно национальном отразить вечное, непреходящее».

Изложенная семьдесят лет назад мысль Виктора Васнецова не только не потеряла своего значения для нас, но, напротив, может быть с полным правом начертана на знамени нашего современного реалистического искусства. То, что самобытно и национально, отрадно, радостно и ценно всем. Патриотизм художника, его любовь к своей родине, его привязанность к родным краскам и сюжетам не отделяют его от остального мира, не сужают значения его творчества, а, наоборот, делают его желанным достоянием всех людей, всех народов. Национальное искусство всегда интернационально. Отрубленное от национальных корней, искусство вырождается, уходит в ничто — в абстрактный чертеж, в бессмысленные нагромождения красок, превращаясь в пошлую забаву для растленных умов.

Может быть, кто-нибудь скажет, что искусство Васнецова архаично, отдалено от современного зрителя, от его мироощущения. Это ложно. Разве в нас не живы подвиги славных предков, оборонявших, создававших, укреплявших русскую землю? Разве нас не трогают простодушные и могучие былинные образы Ильи Муромца, Микулы Селяниновича, Святогора — землепашцев и воинов? Разве мы с вами в детстве не слушали с замиранием сердца волшебные сказки о Бабе-Яге, о Змее Горыныче, о Царевне и Сером Волке? Разве мы с вами не плачем добрыми слезами, услышав старую, раздольную русскую песню, принесенную из вековой дали?

Кстати, уж к слову сказать: для своих картин, обращенных как бы к глубокой древности, Виктор Михайлович Васнецов брал натуру из числа людей, находившихся в его окружении, значит, вполне родственных по плоти и духу задуманным образам. Так, скажем, Илью Муромца он писал с Ивана Петрова, абрамцевского крестьянина, промышлявшего извозом.

Нет, нерушима связь веков — и наше прошлое дорого нам, оно — в нас, оно — часть нашего я. Мы отмели все плохое и худое, мы строим новую жизнь на радость людям, но все исконное, дорогое, честное — в нашем сердце, никуда от этого не денешься, да и деваться не надо.

Если подумать над тем, кто же главный герой картин Васнецова, то ответ будет самый простой: народ! Тот самый народ, который расселился от студеного Беломорья до Кавказа и от Днепра до Амура, до тихоокеанских берегов. Были люди, которые упрекали Васнецова в том, что он рисовал иконы, киевский Владимирский собор расписывал, угождал церковникам. Был такой «грех», расписывал. И хорошо расписал — залюбуешься. Но вот что странно: посмотришь на его святых и не увидишь в них благолепной, смиренной святости: здоровые мужики, которым впору на сторожевых засеках стоять, а не в храме божьем: в руках мечи, щиты, взгляд дерзкий и смелый. А надписи гласят: свя-

В. Васнецов. 1848—1926. ВИТЯЗЬ НА РАСПУТЬЕ. Государственный Русский музей.

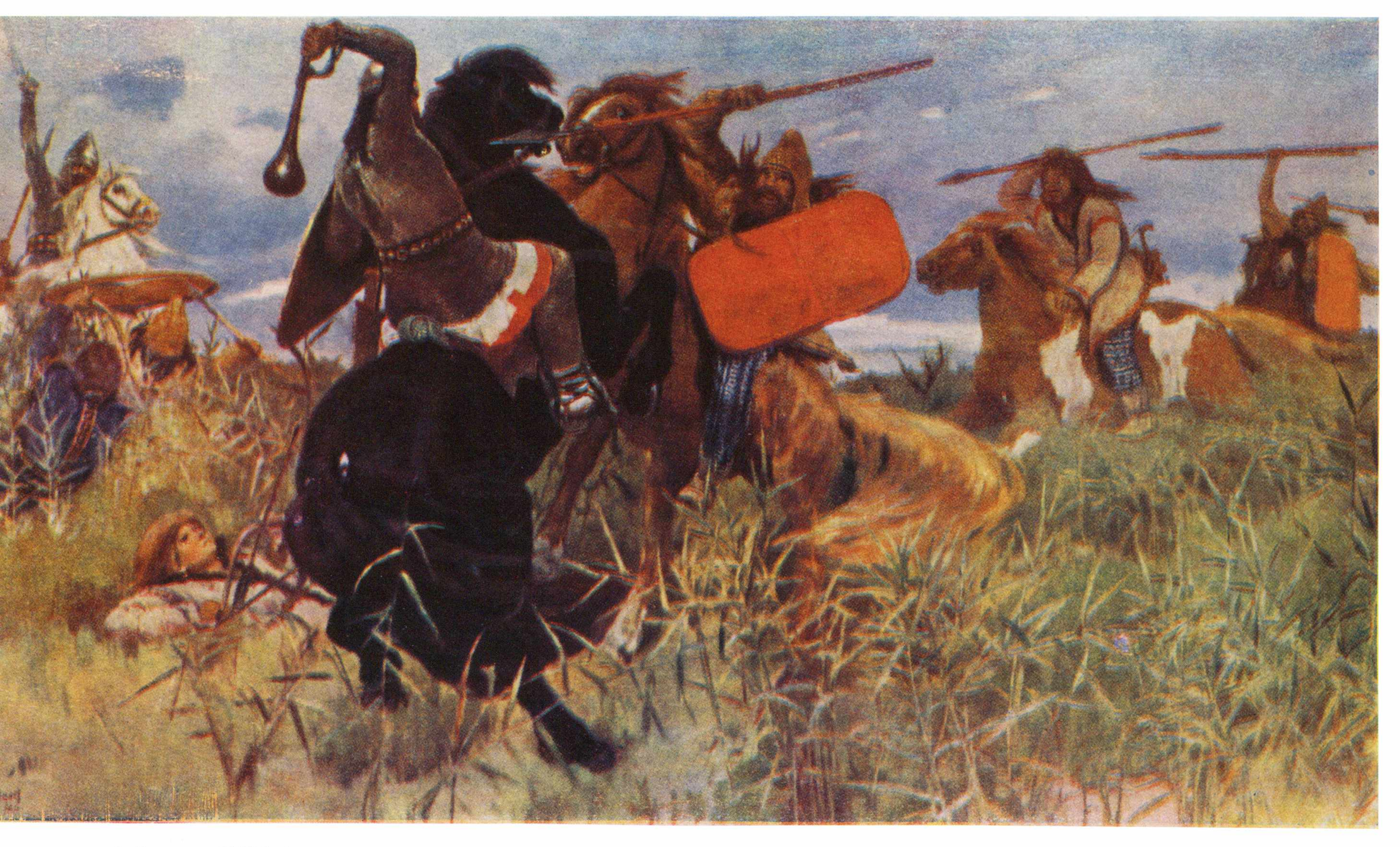

В. Васнецов.

БАЯН. 1910.

Государственный
Русский музей.

В. Васнецов. БИТВА СЛАВЯН СО СКИФАМИ. 1881.

Государственный Русский музей.

той Андрей Боголюбский, святой Александр Невский, святой Михаил Тверской. Хоть и князья, а заложены в них художником и хитроумное удальство Алеши Поповича и земляная сила Микулы Селяниновича.

Разумеется, нелепо утверждать, что воззрения Виктора Васнецова хоть в малой степени были приближены к революционному марксизму. Он целиком находился во власти идеалистических представлений. В его высказываниях можно по крайней мере сто раз насчитать слово «дух» и двести раз слово «душа» (появились у нас любители подобных подсчетов). В его картинах тоже можно усмотреть некий дух — собственно, свою творческую задачу он и видел в том, чтобы раскрыть движение души народа, из недр которого он вышел и который любил всем своим сердцем.

Виктор Васнецов принадлежит нашему времени, ибо его творчество народно в лучшем смысле этого слова, а народность искусства — категория постоянная, всегда необходимая.

Когда смотришь картины Виктора Васнецова, то возникают в памяти и строки из «Слова о полку Игореве», и золотые строфы Пушкина, и печальные, нежные стихи Блока. Творчество Васнецова связано крепкой нитью с лучшими образцами русской поэтической литературы, что и понятно, ибо все это разветвления одного корня, уходящего в толщу народного творчества.

Видишь его «Витязя на распутье», вчитываешься в славянскую вязь на камне — «Как пряму ехати, живу не бывати — нет пути ни прохожему, ни проезжему, ни пролетному» — и вспоминаешь пушкинского Руслана:

Он видит старой битвы поле.
Вдали все пусто; здесь и там
Желтеют кости; по холмам
Разбросаны колчаны, латы;
Где сбруя, где заржавый щит;
В костях руки здесь меч лежит...

Любуешься его «Баяном», которого Горький назвал «грандиозной вещью», и звучат в ушах медנозвонные слова гусляра: «Ту пир доконча храбрии Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за Землю Русскую!»

Понимаешь явственно, что в словах гусляра и призыв к единению Руси и зов к отмщению. И чувствуешь, как взволнованы его слушатели — суровые дружинники, собравшиеся у кургана, немого свидетеля отзвучавшей битвы.

С востока шли тучи, с дальних степей ползли на Русь несметные орды кочевников — врагов сильных, беспощадных, все обращавших в прах. И вот лютая схватка не на жизнь, а на смерть — бьется русский витязь то ли с печенегами, то ли с половцами, а может быть, и с обрами, которые краем своего нашествия захватили Русь, а потом сгинули где-то, оставив в летописи замету: «Погибоша, аки обри...» Занесено над витязем смертоносное копье, но уже близка подмога. Картина была названа художником «Битва русских со скифами», что, впрочем, не очень точно. Верно то, что на протяжении нескольких столетий пришлось нашим пращурам стоять на рубежах Запада и Востока, первым принимать удары несметных полчищ.

И строки из Блока выплывают и становятся рядом:

О, Русь моя! Жена моя! до боли
Нам ясен долгий путь!..

Только после смерти человека можно сказать, какую он жизнь прожил — счастливую или несчастную. Виктору Васнецову достался счастливый удел — судьба дала ему талант, окружила его добрыми друзьями, создал он нетленной красоты живописные произведения, утвердил свое значительное место в русском искусстве, прожил долго — почти 79 лет — и умер внезапно, без мучительных недугов, от паралича сердца.

Родился он в 1848 году в Вятской губернии — тогдашней глухомани — в многодетной семье сельского священника, знал нужду, жизненные нехватки и трудности, учился в семинарии, и идти бы ему по отцовской дороге, но талант, неодолимая тяга к искусству повели его другим путем. Его любимым педагогом в Академии художеств был Павел Петрович Чистяков, его друзьями были Репин, Крамской, Прахов, Нестеров, Шаляпин, Стасов, Поленов, Третьяков, Мамонтов. Большую часть жизни он прожил в Москве, которую любил истинно сыновней любовью. Вера Николаевна Третьякова сделала о нем такую запись: «Нежный, благородный блондин, глубокая натура, много работавший над собой человек с поэтичной, нежной душой». Был он застенчив, скромен, казался от этого замкнутым. Рассказывать о себе, о своих творческих замыслах не любил, писал редко — только письма самым близким друзьям...

— Мое дело — живопись,— говорил он,— в ней я и выражаю то, что думаю.

Хорошо сказал о нем Федор Иванович Шаляпин: «Поразительно, каких людей рождают на сухом песке растущие еловые леса Вятки! Выходят из вятских лесов и появляются на удивление изнеженных столиц люди, как бы из самой этой древней скифской почвы выделанные. Массивные духом, крепкие телом богатыри».

Виктор Васнецов не был богатырем по сложению своему — сухощавый, с тонким лицом, он не производил впечатления человека сильного, но он был богатырь по неистовому своему духу, по трудолюбию, по приверженности к избранной им теме. Он был плоть от плоти своего народа, и все родное, русское было несказанно дорого ему.

«Без народной, природной почвы — никакого искусства нет»,— говорил Виктор Васнецов, и это было девизом, программой всей его творческой жизни.

И слава ему за это!

ЗДРАВСТВУЙ, „ПОДВИГ"!

Читатели — гражданские и военные — давно ожидали этого необычного издания. И вот в канун всенародного праздника Дня Победы в издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» вышел первый номер литературно-художественного альманаха «Подвиг».

«Я хорошо помню,— пишет Маршал Советского Союза И. С. Конев в статье, открывающей альманах,— какую большую работу по военно-патриотическому воспитанию проводил в 30-е годы комсомол... Миллионы юношей и девушек занимались в оборонных кружках, учились метко стрелять, прыгать с парашютом, водить автомобиль и самолеты, овладевали радиоделом, осваивали начала противохимической и санитарной подготовки...

Мы не хотели войны. Но мы знали, что схватка с империализмом и фашизмом неизбежна, и готовились к ней...

Сейчас — другое время. Во сто крат более могучи ныне силы мира, противостоящие силам войны. Как никогда, сильна наша Советская Армия. Она готова дать сокрушительный отпор любому агрессору.

Но мы не имеем права самоуспокаиваться. Империализм коварен...

Немалую роль в воспитании молодежи играет наша литература. Образы Павла Корчагина, Александра Матросова и других навечно вошли в круг любимых героев народа. Думаю, что и новое издание ЦК ВЛКСМ — альманах «Подвиг» — внесет свою лепту в дело военно-патриотического воспитания, будет показывать героическое прошлое и настоящее нашего народа. Альманах «Подвиг» будет полезен для нашей молодежи».

Подвиг!.. Какое это емкое, многогранное слово! Какой глубокий смысл заложен в нем! Вот как объясняют содержание и суть этого термина сами авторы альманаха — люди разных возрастов, профессий и званий.

«Подвиг — это когда человек отдает все силы ради того, чтобы выполнить то, что ему поручено.

Подвигом будет являться поступок, совершенный ради человека, даже если самому грозит опасность» (рядовой А. Терентьев).

«В каждом советском человеке, как искра в кремне, живет огонек подвига... Огонь Прометея и огонь Великого Октября носит в себе каждый советский воин, и поэтому он всегда готов на подвиг!» (писатель, лауреат Ленинской премии М. Стельмах).

«В моем понимании подвиг — это Чапаев и Щорс, летчик Гастелло и боец Матросов. Для меня воинский подвиг — это то, что потрясает души современников и целым поколениям светит могучей звездой в их борьбе за правое дело» (учащийся 7-го класса Ю. Гандзюра).

На страницах первого выпуска альманаха помещены самые разнообразные по тематике, жанру и содержанию материалы. Здесь и яркая публицистика, и очерки, стихи, воспоминания героев минувшей войны, отрывки из новых художественных произведений.

Большое место в альманахе занимают произведения писателей Н. Грибачева «Кодовое название — «Днепр» (о недавнем крупном учении наших войск) и Н. Горбачева («Кара-Суй, полигон» — главы из нового романа о воинах-ракетчиках), рассказ А. Силакова, очерки Е. Смирнова, Н. Второва и П. Резникова, литературно-критическая статья Вс. Сурганова о творчестве Леонида Соболева...

С интересом читатель познакомится с новыми стихами поэтов: Ю. Друниной, С. Наровчатова, А. Прокофьева, Д. Кедрина, И. Лашкова, Л. Козыря, В. Гордейчева, Ал. Гольдберга, Э. Пузырева, А. Ойслендера, Н. Корнеева. Помещены и другие литературные материалы.

Редакция и в будущем обещает на страницах альманаха публиковать интересные стихи, рассказы и романы о гражданской и Великой Отечественной войнах, документальные и приключенческие повести, очерки и новеллы, посвященные боевому прошлому и нынешнему дню Советской Армии и Военно-Морского Флота, воспоминания участников революции и войн о том, как и какой ценой добывалась победа.

Большие, многообразные и ответственные задачи ставит перед собой альманах «Подвиг». Пожелаем же ему долгой, содержательной и интересной жизни.

С. МИХАЙЛОВ

ВРАЧ В КОСМОСЕ

...Космический корабль летит к далекой планете. В составе его экипажа есть и врач. Да как же может быть иначе? В межпланетном рейсе забота о жизни и здоровье человека имеет особо важное значение. Обязанности у такого бортврача нелегкие.

О медицинском обеспечении космических рейсов рассказывается в книге «Медико-биологические исследования в невесомости» [1]. Невесомость — одна из важнейших медико-биологических проблем, стоящая на пути дальнейшего освоения человеком космического пространства. Как сохранить здоровье и работоспособность человека при длительном пребывании его в состоянии невесомости? В космических рейсах и на орбитальных космических станциях космонавты будут выполнять вручную довольно сложные операции: скажем, при стыковке кораблей на орбите, посадках на другие планеты и при возвращении на промежуточные или наземные космодромы. Причем космонавтам придется порой выполнять одновременно несколько рабочих операций в ограниченное время. Да еще в безопорном пространстве. При этом, видимо, работоспособность их будет снижаться.

В книге представлены экспериментальные материалы, полученные учеными во время полетов животных и человека на различных летательных аппаратах в околоземном космическом пространстве. Особое внимание уделяется вопросу о работоспособности человека в невесомости, анализу его деятельности во время орбитальных полетов.

Несомненно, что материалы монографии представляют значительный интерес не только для специалистов, но и для читателей, интересующихся проблемой космонавтики.

---

[1] «Медико-биологические исследования в невесомости». Под редакцией В. В. Парина, И. И. Касьяна. Изд-во «Медицина». Москва. 1968 г.

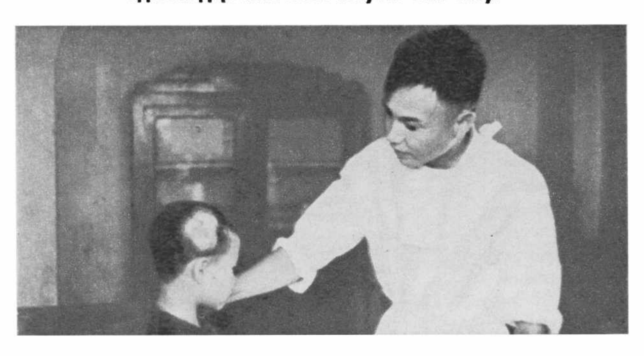
Уметь владеть оружием велит время.

ДЕТИ БЕЗ НЕБА

Пионерка.

Шариковая бомба разорвалась неподалеку, и стальной шарик, сделанный где-то в Америке, попал в голову одиннадцатилетней Нгуен Тхи Лиу.

Ему двенадцать лет, его зовут Чан Ван Бинь. Он ранен осколком американской бомбы.

На уроке в эвакуированной школе.

Старшеклассники строят бомбоубежище для малышей.

1 ИЮНЯ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

Александр СЕРБИН

Фото автора.

Ездишь по вьетнамским дорогам от одного разрушенного города к другому, смотришь на разбитые бомбардировками деревни, ходишь по тихим палатам госпиталей, где лежат раненые, и начинаешь чувствовать себя свидетелем обвинения.

В длинном списке преступлений, совершенных Соединенными Штатами во Вьетнаме, есть такие, о которых хочется кричать, чтобы услышали все. Это преступления против детей.

Первая запись в моем вьетнамском блокноте была о детях. Из бюллетеня Вьетнамского информационного агентства я выписал несколько строк о бомбардировке американскими самолетами общины Хафу в провинции Тханьхоа. Пилоты направили удар на школу. Ракеты и шариковые бомбы были сброшены на нее, когда там шли занятия. Тридцать три школьника в возрасте от восьми до двенадцати лет были убиты. Еще двадцать восемь были ранены.

Попасть в Хафу мне не удалось. Но я был на пепелищах школ в других местах. Их нетрудно увидеть на вьетнамской земле. В Демократической Республике Вьетнам с начала войны по 1968 год разрушено около 600 школ и других учебных заведений. Сейчас это число еще больше.

В госпитале, эвакуированном из разрушенного американскими бомбардировщиками города Фат Зиема, врач хирург Чан Дынь Кин рассказывал: «В основном наши пациенты — раненые дети. Самые распространенные ранения — от осколочных и шариковых бомб». Я видел этих детей. В бинтах. На костылях. Маленьких человечков с глазами взрослых людей, переживших страдания.

Когда начинают выть сирены воздушной тревоги, пустеют улицы в городах, замирает работа на полях, прячется все живое. Тяжело видеть, как в этом пронзительном вое бежит к укрытию крошечное существо, закрывая голову ручонками. Небо, с которого светит солнце, стало для детей страшным: в ясную погоду налеты бывают особенно частыми. Словно украли у детей небо.

Сначала, в первые дни жизни в Ханое, я не мог понять, что кажется мне странным в облике города. Но скоро понял: на улицах мало детей. Школы эвакуированы из всех крупных городов, размещены в небольших деревеньках. Занятия проходят в крестьянских домах, в специально построенных классах, похожих на бомбоубежища. Раз или два в месяц родителям удается повидать детей.

Вот как устроены классы в деревнях: в земле на глубине в метр вырыта площадка. Со всех сторон она окружена земляной насыпью. В насыпи сделаны укрытия. В них во время налета могут разместиться все ученики класса. Школьники ходят на занятия с индивидуальными медицинскими пакетами. А обязательная школьная форма — широкополые тяжелые шляпы из толстых, скрученных втугую жгутов из рисовой соломы и такие же жилеты. Это для защиты от осколков и шариковых бомб.

У детей агрессор отнял небо и материнскую ласку, у городов — детский смех, у страны он хочет отнять будущее, бомбя школы, убивая детские жизни.

Демократическая Республика Вьетнам в тяжелое военное время ни на минуту не забывает о детях. Она берет на себя заботу о них в детских садах и школах, она думает об их безопасности, она трогательно соблюдает традиционные детские праздники, стараясь, чтобы радость не ушла из их детства.

Но сурово это детство под бомбами. Низости и варварству тех, кто воюет с детьми, должен быть положен конец. Свидетельств этого преступления более чем достаточно, чтобы осудить агрессора.

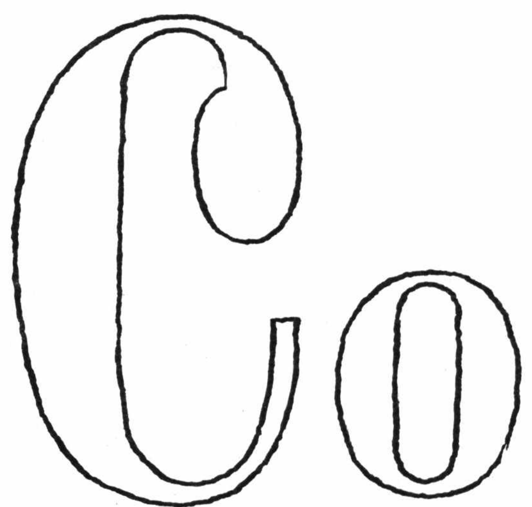

Небо грозит смертью.

Сергей БАРУЗДИН

Рассказ

Рисунок И. СУЩЕНКО.

«...высокая добродетель собак, к сожалению, мало ценится, и выражение «собака» сделалось бранным словом, между тем как, собственно говоря, должно было бы означать похвалу...»

А. Э. Брем.

О собаках уже давно все писано-переписано, но и я как-то не выдержал, написал рассказ на эту тему — «Глупые собаки» [1], хотя, впрочем, не совсем о глупых собаках получился рассказ.

И все же я дал зарок не писать больше ни слова о собаках.

Но впрямь, оказывается, верна поговорка: «Дав зарок, не говори впрок»,— и я вновь сейчас пишу о собаке.

* * *

В двадцатых числах ноября вырвался я в отпуск и приехал в подмосковное давно знакомое место, где мне всегда славно дышится и работается. Осень на редкость хорошо сменялась зимой — без дождей и слякоти. И снег ложился сразу на сухую, чуть подмерзшую землю, и тут, за городом, уже была зима, а в Москве снег таял и под колесами машин, и под ногами пешеходов, и просто потому, что в Москве всегда теплее на несколько градусов.

Как всегда, остановился я у давних своих друзей Галины Яковлевны и Бориса Еремеевича, которые носят колоритную фамилию Очаковы-Суворовы. И они, по обыкновению, выделили мне самую тихую «мою» комнату, и пожелали счастливых трудов, и добавили, что если что будет нужно, то пускай я не стесняюсь...

Все было по привычке, и я не забыл спросить, как дела в школе, где Галина Яковлевна учительствует, а Борис Еремеевич директорствует, и еще про общих знакомых и на все получил исчерпывающие ответы. Что-то в школе, как водится, было не то, и в деревне — свои новости: умер вот председатель колхоза Волобин от рака, так неожиданно умер, за три месяца скрутило, и даже ордена получить не успел, которым его к пятидесятилетию революции наградили, и неизвестно, кого еще теперь назначат; а похороны-то были по высшему разряду, с венком из Москвы — Волобина депутатом трех созывов избирали подряд. И все знают, что он еще раньше, до октябрьского Пленума, свою линию в сельском производстве имел, с самым высоким начальством как-то спорил и прочее, прочее, прочее.

И Борис Еремеевич отвел мне свою душу, провожая до порога «моей» комнаты, сто раз извинился за длинный разговор, пять раз пожелал спокойной ночи и трудов праведных, но сам, уже в силу скромности, порога не переступил, давая понять, что беспокоить не будет, все понимает, и, мол, живите, ради бога, не горюйте, пусть вам хорошо будет, а мы уж и так рады, если вам не в тягость.

Я сам задержал Бориса Еремеевича, и мы еще поговорили об удивительно доброй осени, о снеге, который лег так хорошо, и вспомнили нынешнее лето, тоже на редкость удачное, и грибы, сколько их было, а от грибов перескочили к войне и к приметам, которые, конечно, не всегда точны, и все же это беспокоит — Вьетнам, Ближний Восток — и уже стали опять прощаться, когда Борис Еремеевич предупредил:

— Да, если завтра гулять будете, по тропке, что к Култушинскому оврагу идет, не ходите. Собака там странная объявилась, под старой

[1] Рассказ Сергея Баруздина «Глупые собаки» был опубликован в «Огоньке» № 38 за 1967 год.

кузней, помните? Не пропускает никого, в деревне прямо паника. Так что уж вы не ходите, а то кто знает...

Галина Яковлевна позвала мужа, чтоб он опять не мешал мне, но я объяснил ей, что Борис Еремеевич мне вовсе не мешает, что все равно я не буду писать так сразу, а собираюсь дня два-три просто гулять, отсыпаться и заниматься ничегонеделанием и, наоборот, мне приятно поговорить.

— Вот видишь! — сказал Борис Еремеевич жене и переступил наконец порог своей комнаты, отданной мне, и, спросив у меня разрешения закурить, закурил, сел и поинтересовался, что слышно в Москве по части вступления Англии в «Общий рынок».

Я знал особенность Бориса Еремеевича, как, кстати, и свою — подобную. Как я после двух-трех рюмок начинаю заниматься фронтовыми воспоминаниями, так Борис Еремеевич обязательно вспомнит что-то об Англии, поскольку он служил в годы войны в Мурманске на флоте и дважды ходил оттуда с транспортами к английским берегам.

Мы поговорили о Вильсоне, и заодно о де Голле, и еще о чем-то, включая события с фунтом стерлингов, пока Галина Яковлевна окончательно не сорвала Бориса Еремеевича, сказав, что совесть надо иметь, когда на часах без четверти двенадцать, а завтра вставать чуть свет, что, впрочем, ко мне, дескать, — извините! — конечно, никакого отношения не имеет, и, пожалуйста, я могу спать, сколько душе угодно, потому что сон — это главное, а после Москвы отоспаться просто необходимо...

И я, верно, спал долго, проснулся, когда хозяева мои были уже в школе, выпил стакан молока из всего оставленного мне Галиной Яковлевной — есть утром по московской привычке не стал — и вышел на улицу.

Снег валил, как косой дождь, и деревья стояли, присыпанные снежком и легким инеем, по безветренной погоде замерзшие в чудесно-красивые фотографии, которые если бы вот снять так, то никто не поверит, что это все правда, а подумают, что мастер-фотограф был мудрец, тем паче, что техника фотографии сейчас так поднялась. Будут хвалить фотографа, а то, что он снял, не заметят или привычно отнесут за счет мастерства автора.

А деревья в снегу были поразительны, и ближние рябинки с рубиновыми гроздьями в палисаднике Очаковых-Суворовых, и дальние ветлы, и дубки с неживыми, бурыми листьями, и меньше — березы, так просто и без снега красивые до восторга.

Редкие прохожие кланялись или молча проходили мимо, мельком замечая меня, но явно интересуясь, а может, и зная о приезжем, и после города все это в какой уже раз поражало и трогало. Люди, делающие главное — все, что мы едим, благодаря которым мы, живущие и шебуршащие, есть мы, а ведь мы не такие, а они сохранили в себе что-то, включая «здравствуйте», и просто искреннее любопытство к человеку, и скромность, и чувство достоинства, если хотите, и врожденную, а не полученную в учебном заведении интеллигентность.

Подошел и еще один, подвыпивший уже где-то с утра, и начал:

— Вот обратил внимание на вас, простите...

Он все сообщил мне в пять минут. И что он сам-то повар в столовой, и что колхоз строится, и что председатель хороший человек был, но что-то не так делал, а временно замещающий совсем не то, и дай бог ему, умершему, памяти, а теперь опять же проблема! Что и как будет? А вот в столовой у них все хорошо, но люди ругаются, и непонятно, почему, поскольку раньше было хуже и не ругались, а сейчас они даже бифштексы освоили и треску мороженую с польским соусом, а говорят все одно — сплошные недовольные слова...

Таких мужиков я уже знаю давно, и меня занимает в них вовсе не то, что они порой бессвязно жалуются и рьяно рассуждают обо всем и обо всех, начиная с государя Николая Второго с его судьбой и кончая убийством президента Кеннеди, и о своих поговорят, как им кажется, с полным знанием дела,— нет, не это занимает меня, а другое: что они думают масштабно и болеют за дело. Пусть по-своему, наивно, но болеют, и в этом их прелесть, ибо что ни говорите, а это и есть новое, чего раньше не было в таких же разных и пускай даже хороших деревенских русских людях.

И вот этот мой собеседник, видно, такой. И еще, может, покойный председатель Волобин тоже чему-то научил его, хотя он и ругает покойника и хвалит...

Снег еще шел по-прежнему косо, но вокруг не было ничего мрачного, похожего на дурную погоду. И, наоборот, все белило белизной и какой-то особо приятной затаенностью, которую скорей легче придумать, чем увидеть наяву. Только птицы исчезли по снегопаду, а утром их было видимо-невидимо. Когда я только проснулся, они кружились у окон, большие и малые, пугливые и отчаянные, любопытные и безразличные, но привыкшие по утрам к еде у этого дома. Я помнил, что хозяева мои обязательно зимой подкармливают птиц.

Было тихо, уютно, и я уже собрался пройтись от дома в сторону леса, как меня окликнул все тот же повар, суетливо догнал и предупредил:

— Тут собака у нас, мил человек. Забыл подсказать. Бешеная ли какая, а в общем — зверь. Куда пойдешь, Култушинский овраг обходи! Как новенькому докладаю, потому что...

Он галантно извинился и ушел, а я, вспомнив про загадочную собаку, про которую мне вчера и Борис Еремеевич говорил, конечно, не пошел к лесу, а свернул в обратную сторону, к Култушинскому оврагу, ругая себя, что раньше не сообразил.

Так уж повелось, видно, что дети да и не дети вовсе, вроде меня, если их настойчиво отговаривают от чего-то, загораются любопытством и действуют не так, как им советуют и даже разум здоровый подсказывает, а наоборот. И любопытство здесь и плюс желание поступить наперекор, конечно, главное, и еще сохранившееся в тебе что-то занозистое, мальчишеское, которое ты детям своим собственным не простишь, а себе не можешь не позволить.

По крайней улице я прошел мимо скотного двора и водокачки, полем рядом с бывшей конюшней к знакомому по многим этим годам Култушинскому оврагу, где я любил и прежде ходить и вот так, как сейчас, зимой, и летом, и весной, и осенью; и еще по пути налево, на эту тропинку вдоль оврага, мне встретились ребята, то ли в школу идущие ко второй смене, но рано вроде,— а с портфелями тогда почему? — поздоровались, а за моей спиной зашушукались.

Я свернул еще раз налево и потом направо, как раз по тропке, на сей раз мало протоптанной, что и правда доказывало, что люди здесь почти не ходят сейчас. А значит, они боятся собаки, хотя дорога эта самая удобная и близкая и в деревню соседнюю Глумово, которая входит в местный колхоз после объединения, и даже в школу, где хозяйничают мои хозяева и учатся вот эти ребята, только что мне повстречавшиеся,— неужто и ребята из-за собаки ходят теперь в школу по дороге кружной автомобильной? А может, и мои Галина Яковлевна с Борисом Еремеевичем? Слишком мало следов на тропке, а раньше ее растаптывали, приминали и можно было идти смело, как по тротуару.

Старую, осевшую черную кузню я знал, а собаки не боялся, может быть, точнее, старался не бояться, поскольку привык считать, что меня, собачника (а у меня пес пусть и небольшой, а отличный!), никакая собака не трогала и не тронет, ибо по собачьим законам собака чует запах собаки даже от человека. А у меня он не мог выветриться за сутки. Еще вчера я играл с моим Антоном, хотя игра была неискренняя: Антон понимал, что я уезжаю и не беру его с собой, и страшно волновался, только не выл, что раньше уже бывало.

Оказывается, птицы все же были в лесу. Когда я шел, не очень спеша, к старой кузне, сороки вспархивали с деревьев, сметая и стряхивая снег, и я, удивившись поначалу, сообразил, что ведь это сороки, а у дома Очаковых-Суворовых, где подкармливают птиц, их вовсе не бывает, а те, что бывают там, сейчас по снегопаду прячутся, потому что каждая птица имеет свой нрав и свои привычки.

Кузня стояла метрах в пятнадцати от тропинки, на самом краю оврага, что меня тоже как-то утешало, коль скоро загадочная собака не просто бегает по тропке, а прячется, и потому уже, завидев в падающем хлопьями косом снеге кузню, я не убавил шаг.

Снег хрустел под ногами, а ноги все одно скользили, несмотря на плохо протоптанную тропку. И виной тому были, конечно, не снег и не тропка, а мои ноги. Я забыл сменить городские ботинки на кожаной подошве на другие, более подходящие для деревни.

И наконец кузня — теперь уже совсем близко. Присыпанная снежком, как и все здесь, в лесу, облезлая, давно черная.

Я почувствовал, что иду медленнее, стараясь ступать так, чтобы под ногами не хрустел снег, и уже не глядя по сторонам, а только вперед, и почему-то мучительно вспоминал, сколько уколов — тридцать, тридцать два, тридцать шесть — делают при укусах собак, но не вспомнил, хотя сам водил сына на эти мучительные уколы.

Собака выскочила откуда-то из-под кузни неожиданно, когда я подумал, что глупо бояться, раз сам пошел посмотреть ее своими глазами, а ведь мог и не ходить, никто не гнал. Выскочила, и, только завидев меня, залаяла злобно и раздраженно, и стала метаться между кузней и тропкой. Не очень большая, черная, лайка ли или смесь дворняжки с чем-то породистым, но красивая необыкновенно, она остановила меня, не давая пройти, а сама бесновалась и бегала взад-вперед, от кузни ко мне и назад, к кузне, и опять ко мне, и вновь назад.

Не знаю, поняла ли она, что от меня пахнет собакой. Я и сам забыл об этом, повернул

назад, а она еще раз оторвалась от кузни, выскочила на тропку и сделала несколько рывков в мою сторону, но вдруг замерла и рванула назад. А я обернулся и увидел ее глаза, воспаленные, беспокойные, и умную, чуть растерянную морду. Или мне это запомнилось так потому, что она уже не лаяла громко, а рявкнула и исчезла в основании кузни с левой, невидимой мне стороны.

Я думал о своей псине. Когда вернулся и пошел к лесу, куда собирался утром, и когда возвращался домой, мой Антон почему-то не выходил из памяти, его морда и выражение глаз. И вот эта безымянная странная собака с беспокойными глазами и другой, растерянной мордой. И все это почему-то привело к мысли, что ни одна собака не похожа на другую мордой, глазами и нравом и что все это очень близко к людям, поскольку не человек создан для собаки, а собака для человека, и недаром еще когда-то давно, в детстве, я читал где-то, что собака — это наполовину или даже на две трети человек и воспринимает все от него, своего хозяина, включая быт его дома и характер членов семьи.

Вечером я ни словом не обмолвился о моем визите к собаке, боясь обидеть Бориса Еремеевича, предупреждавшего меня, что к Култушинскому оврагу ходить не стоит. Да и стыдно было признаться, что я поступил словно мальчишка, сделав все наоборот, поскольку Борис Еремеевич, конечно, сталкивается с таким ежедневно в школе.

Я вспоминал только Антона, ясно представляя себе, как он лежит сейчас в моей комнате под моим креслом, на которое я обычно вешаю пиджак, что Антон делает всегда, когда меня нет или я не обращаю на него внимания.

Но вернулась Галина Яковлевна, пришла затемно, позже мужа, сама заговорила:

— Ну и люди! Вот люди! Иду сейчас, а навстречу Кондюков, выпивши, как всегда. Думала, дочку идет встречать из школы, отговорить хотела, а он, дескать, за ружьем собрался, собаку эту под кузней стрелять: бабам, мол, и никому проходу не дает. Я ему и так и сяк, еле убедила, что собака никакая не бешеная, а ощенилась под кузней, вот и не подпускает никого. Представляете, что бы он сделал ни за што, ни про што...

— Это какой? Повар, что ли?

— Повар,— пояснила Галина Яковлевна,— отец Вали Кондюковой из восьмого «А».

— Уж не его ли я сегодня встретил, маленький такой, щуплый? — поинтересовался я.— А мне он показался ничего...

— Он,— подтвердила Галина Яковлевна.— Маленький, щуплый, потому, видно, и пить ему никак нельзя. Другим бутылка хоть бы что, а у этого от рюмки голова чумеет...

— А собака что? Откуда известно? — спросил Борис Еремеевич.

— Боренька, милый, ты директор! Ну откуда тебе знать? — пошутила Галина Яковлевна.— А мои ребята мне все доложили. Собака из Епишина прибежала, ощенилась тут, но вот сколько щенят у нее, никто не знает.

— Директор! Директор! — вздохнул Борис Еремеевич.— Директор сельской школы — это, братцы, труднее, чем министр в каком-нибудь княжестве Монако.

Тут уже и я не мог не признаться, что видел собаку, и о разговоре с Кондюковым и о встрече с ребятами рассказал и добавил, что собака красивая, если не чистой породы, то и не рядовая дворняжка, и еще, конечно, вспомнил про своего Антона. Тоже не совсем чистый, а...

Весь вечер мы проговорили с упором на собак, каждый хваля знакомую, как самую умную и разумную, неповторимую по своим почти человеческим качествам, и даже что-то еще по войне вспомнили на эту тему, пока не почувствовали, что Галина Яковлевна скисла, видно, устала. И, правда, было пора. И кино давно кончилось. Мы слышали, как проходили за окнами расходящиеся из клуба зрители, и частушки последние пропели на улице, и замолк аккордеон, давно сменивший в здешних местах старую трехрядку, а в соседнем доме и радио уже выключили.

А передавали что-то забавное, я слышал утробный голос певицы, а может, и певца — кто их разберет — и слова:

Мальчики, мальчики!
Какие же вы теперь, мальчики?
Такие, как теперь девочки,
Девочки, девочки...

Таких песен много сейчас, и их легко сочинять по текстам по крайней мере, хотя раньше тексты, как их называют, нередко становились поэзией, а по таким песням и текстов никто не знает, а иногда и не слышит, и песни живут не дольше, чем существует одуванчик.

Галина Яковлевна, убравшая со стола и попутно одернувшая мужа за разговорчивость, пожелала мне счастливых трудов и сновидений, но пришла постелить мне постель, как я ни отказывался, постелила и кликнула мужа:

— Боренька! Пойди-ка сюда на минутку. Вот я думаю...

Борис Еремеевич появился в дверях, и я увидел на его лице то выражение, которое можно назвать и удивленным и снисходительным сразу. И я подумал за него, что, конечно, он все понимает и опять-таки ничего не понимает. Понимает, что есть какая-то женская логика и власть женщины над мужчиной, и он, давным-давно привыкший к этой власти, всегда считает, что так и надо, потому что женщина разумнее, здравее, чем мужчина, и вообще у женщин все труднее и уже потому они правы. Но вот что такое женская логика? Только что ругала, оговаривала, чтобы скорей закруглялись, и так, мол, хорошо поговорили, а гостю надо спать и думать (а ведь самому Борису Еремеевичу так хотелось еще посидеть и поговорить: сколько вопросов, помимо собак, сколько всего, что хочется понять, знать ясно, как было когда-то прежде, может, по молодости!), и он согласился, понял, что не надо выказывать свою говорливость, ибо грешок у него этот есть, конечно, есть, он сам знает. А тут она же зовет его, и куда, в комнату гостя, и будет какой-то разговор, ну и, право, где же здесь... Вот уж темное это понятие — женская логика!

Но, может, это я так подумал за Бориса Еремеевича, а он сам вовсе и не размышлял о подобном, потому что, вежливо остановившись у двери, он мягко спросил:

— Да, Галочка...

— Вот я думаю, посоветоваться хотела с вами,— сказала Галина Яковлевна и еще раз извинилась передо мной: — Это только на минутку, мы вас не оторвем... Может, взять нам их? Как вы думаете?

Или я стал уже не молод, хотя лет двадцать после войны хожу в молодых, но мне показалось, что Галина Яковлевна удивительно хороша и глаза ее заблестели виновато — ярко, как никогда прежде и как бывает, когда женщине или девушке не больше двадцати. Виноватость, смущение, наивность, непосредственность были в ее глазах. И, наоборот, рядом с ней Борис Еремеевич был старым вроде, каким я запомнил Куприна из катаевской «Травы забвенья», таким старым, пусть ему было меньше лет, чем мне сейчас.

Но Куприн тут ни при чем, и Катаев — тоже, а вот семья Очаковых-Суворовых была уже много лет у меня на глазах, и я, казалось, все знал о ней, начиная с «Артека», где они работали, где у них родился и утонул единственный сын, и потом особенно, когда они обосновались здесь, в Подмосковье, и жили вдвоем, учительствуя, и построились неплохо; во всяком случае, для меня всегда находилось у них пристанище. Знал, да не знал, оказывается, поскольку лишь теперь увидел я Галину Яковлевну не такой, как привык видеть, и подумал, что ведь она моложе меня на семь лет, на целых семь. Может быть, надо было подумать и о Борисе Еремеевиче, что он тоже моложе на один год. Но он воевал, как и я, ходил в заграничные рейсы в Англию, но это я сейчас могу думать так, а тогда, в тот вечер у Очаковых-Суворовых, каюсь, не думал. Заметил глаза Галины Яковлевны и думал о них и о ней.

Борис Еремеевич еще мялся у двери, услышав и, может, не очень поняв слова жены, а я уже все понимал, что она говорит об этой собаке и ее щенках.

— Мы же, Боренька, давно мечтали с тобой завести хорошую собаку...

Тут и Борис Еремеевич сообразил, о чем речь, и, несмотря на все свои внутренние непонимания основ женской логики, сказал:

— Я не против, но как? И сколько их там? Не всех же...

А я понял и другое. Пусть в школе Борис Еремеевич и директор, а тут он не директор. И в этом есть логика, знакомая и мне, не та — женская, непонятная, а другая, по которой русский мужчина, как бы он ни куражился, подчинялся и подчиняется полу слабому, а на самом деле — сильному, поскольку женщина дает жизнь, она основа основ; она и хозяйка в доме, и без нее куда ж деться. Тут нет особого, когда я говорю «русский». Потому что никто из всех народов не прожил той и такой жизни, как русский, и всё — при сознании своего величия, от которого, впрочем, не всегда был и есть ему прок. И все это веками, а позже и новыми десятилетиями откладывалось в быте и нраве людей, в их семейном и личном, и откладывается по сей день — в жизни ли Бориса Еремеевича или моей, и ничего нет в этом дурного, потому что выражаются все эти особенности полезно, вот как, например, в отношениях между хозяином и хозяйкой в нынешнем советском доме, будь он городской или сельский. И когда я слышу или, что хуже, читаю о муже-держиморде и жене-подстилке, я не удивляюсь, не возмущаюсь, зная, что это — исключение, как снег летом, как жара зимой, а впрочем, чего не бывает в наше сложное время! Но обо всем этом надо говорить, ибо родятся люди новые, растут дети наши, и им жить, и им не надо осваивать того, что уже освоено в жизни людьми, прошедшими ее, как не надо изобретать заново самовар, давно уже изобретенный в Туле, или сочинять стихи, будто до тебя не было Пушкина, Бодлера, Есенина или даже живших рядом с ними, ныне неизвестных графоманов.

Эту мысль еще весной прошлого года высказывал мне и сам Борис Еремеевич, повествуя о сочинениях школьников и участии своем в жюри районного конкурса при местной газете в честь Дня космонавтики. А сейчас он, видимо, правда устал — от школы, от размышлений о женской логике, если таковые у него были, и, наконец, от возможности приобрести неизвестным путем неизвестное количество щенков.

Выкурив со мной сигаретку, он попрощался, извинился и сказал мягко жене, когда они выходили к себе:

— Ты уж решай сама. Делай, как знаешь, а я всегда за...

Ночью мне казалось или снилось, что они еще продолжают разговор. И я опять же сделал для себя, уже утром, вспомнив про это, открытие, что вот-де занятые, немолодые, уставшие люди, у которых своих забот и хлопот полон рот, не спят, а думают и спорят о какой-то бездомной собаке и ее щенках, никем в глаза не виденных; и собака эта стала темой для всех в деревне, и, наверно, не только потому, что она пугает кого-то. Она не давала жить спокойно — это верно, но и неспокойствие это было не то, что человек не может пройти по тропке вдоль Култушинского оврага, а неспокойствие другого толка: кому-то плохо, не так,— значит, об этом нельзя не думать...

Утрешние события подтвердили мои размышления самым неожиданным образом, хотя сам я, не зная ни о чем, хотел бы подтвердить их, дабы не разувериться в характере россиянина, в характере, так сказать, придуманном мной самим. Ведь не повар же этот, пьяненький, маленький Кондюков, который собирался застрелить собаку, выражает суть души нашего человека!

Выпив стакан никогда не любимого мной молока, лишь бы после этого закурить, я на скору руку свалил в одну миску (пусть простит меня Галина Яковлевна: я взял железную ее миску на печке, потом отмою) все оставленное мне и направился к кузне у Култушинского оврага.

Первого, кого я увидел задолго до кузни, был Кондюков.

— Не ходи, мил человек, она нас, мужиков, не принимает.— Он держал в руках пустую посуду, из тех, в которых на вокзалах подают в ресторанах солянку сборную, мясную и рыбную.— Вот в снег ей бросил, а сам убежал.

Кондюков возвращался от беседки грустный и, кажется, трезвый более, чем вчера утром.

— Ведь вот собака! У мужиков никак не берет, а у вашей хозяйки — пожалуйста...

Мне хотелось спросить его, как же он вчера собирался стрелять в собаку, а сегодня принес ей еду и еще огорчается, что она его не подпускает, но Кондюков перебил меня:

— Я ведь что с утра сделал: как на кухню пришел, котлы заварили, сказал ребятам, чтоб собаке еду отнесли. Они и пошли, Васька Кузин и Михаил Коробков, последний для смелости. Ну, она их не приняла. Вернулись и говорят мне все как. Тогда я сам. И вот. Норов против мужиков! А хозяйка-то ваша, Галина Яковлевна, еще утром ей таз с едой принесла. Так приняла! По пути в школу. От женщины приняла! Все вылизала. Известно, голодная! И как это мы раньше не дошли...

Кондюков переживал, удивлялся, и я уже не стал напоминать ему про ружье, а попросил:

— Подойдем вместе, не нести же назад...

Я показал на миску, Кондюков согласился, но предупредил:

— Только я уж близко не пойду, мил человек, поскольку...

Мы подходили осторожно. Я — с миской в руке, Кондюков — все более отставая. Когда он совсем отстал и остановился, я понял, что сейчас она появится.

И она появилась тотчас же из-под старой черной кузни, сама черная, поджарая, с лоснящейся, как хороший мех, шерстью и чуткими, по-человечески испуганными, со злинкой глазами, бросилась на тропку ко мне с диким лаем, но не добежала, вернулась с ворчанием назад, обнюхала пустой, чисто вылизанный, с ржавым пятном посередке таз и опять рявкнула на меня.

Верно, это и был тот таз, который принесла утром Галина Яковлевна. А ближе к тропке разбросанной по снегу валялась еда — кости, хрящи, самое что ни на есть собачье, но нетронутое...

Собака еще раз рванулась ко мне, вернулась, сунулась мордой под кузню, и я выбросил туда же, что и Кондюков, содержимое миски — прямо на снег, пускай ест или не ест, если не захочет...

Кондюков не ушел, ждал меня и после занимал разговорами всю обратную дорогу, при этом сказал, что девчонки в деревне уже третий вечер частушки сочиняют про эту собаку. И я, каюсь, не поверил, до вечера не поверил, пока не услышал, как рано, поскольку кино по понедельникам не бывает, мимо дома ходили трижды туда-обратно люди с аккордеоном и пели всякое, из чего и на бумаге не все изобразишь, но про собаку тоже не соврал Кондюков, было:

Эх, собака, ты, собака!
Отворяй-ка ворота!
Я б охотно отворила,
Да профессия не та!

То лай, то не лай,
То лапу давай,
Про себя забывай,
А валяй — угождай!

Мне стеречь порог,
Мой хозяин строг,
А нарóдишь щенков,
Так получишь пинков.

Эти частушки меня поразили, и поразили люди, их сочинявшие и певшие, потому что я сразу понял историю собаки, по зиме убежавшей из соседней деревни Епишино, чтобы родить в мор и метель щенят.

И, когда вернулись мои хозяева, я хотел им рассказать про это, но они почему-то не удивились или не поняли, или я не так начал разговор, а оба и на сей раз дружно заговорили о нынешнем, сегодняшнем, что касается ее самой и ее собачьих щенков. Обещали похолодание, а как они там будут? Да, Галина Яковлевна носила сегодня еду собаке, и собака бросилась на нее и страшно облаяла, но как же ей без еды? Да, у мужчин она почему-то еду не берет, но ведь это глупо! Вот и метели начались не по-ноябрьски, почти февральские, снег метет и заметает, глядишь, и их занесет, а она же, собака, мать, должна думать?

— Ну, снег — это лучше, теплее им будет,— вставил Борис Еремеевич, но Галина Яковлевна на сей раз не согласилась с ним.

— А ветер? Ветер воет, провода рвет...

И опять пошел разговор, в котором уже все взвешивалось, продумывалось, но ничего, конечно, не решалось, потому что мы с Борисом Еремеевичем и даже отсутствующий Кондюков и его подчиненные по колхозной столовой Васька Кузин и Михаил Коробков были вне практической игры: собака мужчин не подпускает особо и еду у них не берет.

А Галина Яковлевна нервничала, порой и раздражалась на нас, и я ее в чем-то начал понимать. Это мы, мужчины, примиряемся с силой женщин, а они? Они, наверно, надеются в чем-то на нашу силу и мудрость, а мы — что мы? Вот в этой же собачьей истории мы попали в безысходный просак.

Не знаю, понимал ли это Борис Еремеевич, но я чувствовал, что все именно так, и у меня случалось подобное: в трудную, неясную минуту женщине нужна мужская поддержка — сильная, непререкаемая, как на войне...

Три ночи еще прожил я у Очаковых-Суворовых, знал, что каждый день Галина Яковлевна дважды носит еду к кузне, а Кондюков почти перестал пить и тоже приходит к собаке с костями и остатками сырого мяса, но собака все одно всех облаивает, а еду берет только у Галины Яковлевны. Другие люди из деревни тоже ходили, женщины, мужчины и дети, и успокоились, что собака никого не загрызла, хотя облаивала всех, к кузне никого не подпускала. И еще я слышал новые частушки — про ту же собаку, а на самом деле, вероятно, и про что-то другое, но я уж тут приводить не буду. Просто сложно все это: и о собаке все волновались, и обижались на нее за нелюдимость, и думали еще о чем-то, пусть наивно, но так бывает, и ничего дурного тут нет.

Я уехал из деревни на шестые сутки, уехал невзначай, как раз в тот вечер, когда Галина Яковлевна вернулась домой особо возбужденная и радостная, и опять в ее глазах и лице было что-то девичье, и сообщила, запыхавшись, удивленно:

— А она меня сейчас не облаяла. Подпустила, я еду ей — в миску, а она ест. Я и погладила ее — мягкая такая, дурная, но вовсе не сердитая...

Хозяева мои, конечно, не понимали моего скоропалительного отъезда, и я не знал, что и как им объяснить. Они думали, что виноваты в чем-то, что-то не так, может, было для меня, и не Борис ли уж Еремеевич заговаривал меня своими разговорами, мешая работать, и еще всякое, а я говорил, что все было хорошо, и, ради бога, пусть никто ничего не подумает, и это была правда.

А самое ужасное было во мне самом, и как объяснить это? Вот не получается ничего — и все. Вырвался в отпуск, долгожданный и долгий, только и ждал этого момента, а приехал — растерялся. Одно начал писать — бросил. Другое — опять бросил. А третьего пока нет ни строчки, лишь в голове, да вот не пишется. Если бы два-три года назад такое пришло, написал. А сейчас не могу...

Мы расстались по-доброму, по-хорошему, хотя осадок был: милые хозяева мои недоумевали.

Потому я и написал им письмо, вернувшись домой, и пытался как-то загладить вину свою перед ними...

Уже в декабре получил я от Бориса Еремеевича ответ, написанный знакомым мне мелким каллиграфическим почерком, и был рад этой весточке, поскольку письмо мое оказалось весьма кстати, и он, Борис Еремеевич, и жена его, Галина Яковлевна, все поняли, и им приятно было узнать, что я о них не забыл и не обиделся на них ни на что, потому что мало ли что может быть у любого не так.

«А теперь,— писал Борис Еремеевич,— хочу рассказать вам о той самой собаке, в судьбе которой и вы принимали такое живое участие. Случилось такое, что и я, повидавший виды, был растроган до слез. На четвертый или пятый вечер после вашего отъезда, уже поздно, по полной темноте, услышали мы с Галиной Яковлевной скулеж и шебаршенье за дверью, а когда открыли дверь, то видим ту собаку со щенком в зубах — прямо так и внесла она его нам, держа осторожно за мягкий загривок, и положила на пол. Так в этот вечер и в ночь уже перетаскала она нам всех четверых щенков по очереди, и я замечал, что на меня она при этом скалится, а на Галину Яковлевну ничуть. Мы хотели и собаку приветить, то есть оставить у нас, а она не захотела, ушла, как последнего щенка притащила. Из щенков же трое очень хорошие были, а четвертый замерз, и мать принесла его уже чуть теплого, но так же осторожно — за мягкий загривок. Он, последний, был мертвый уже, как мы ни приводили его в чувство, не отошел. Я похоронил его рядом с огородом нашим, в палисаднике, где, вы знаете, рябина у нас растет самая старая, но плодоносящая, и до сих пор гроздья на ней красные и оранжевые висят. Со щенятами мы распорядились так: двух себе оставили, и очень симпатичных, а двух потому, что Галина Яковлевна так сказала, и правильно, одному скучно будет. Третьего, не удивляйтесь, отдали повару, тому самому Кондюкову, поскольку он, оказывается, большое желание имел найти собаку, и вообще он человек вовсе не плохой, хотя и выпить любит, о чем вы с Галиной Яковлевной говорили, когда жили у нас. Помните? Я помню. Вот так мы и распорядились со щенками, но жена моя говорит, что когда наши двое подрастут и тосковать друг без друга не будут, то одного надо отдать в школу, чтоб ребята его воспитывали, и польза от этого, конечно, и школе и щенку будет. Ведь малые малых всегда поймут. И потому: ребята заслужили. Они, оказывается, за этой собакой раньше нас наблюдали, кормили ее, а вчера ходили в Епишино после школы и нашли. Говорят, сидит при доме за калиткой на цепи и прыгает по проволоке, причем, когда прыгает с лаем, от кольца скрип идет и неприятный скрежет. Короче говоря, собака вернулась к своему хозяину, а что касается щенят, то правильно поступила, отдала их в надежные руки, и вы не сомневайтесь, пожалуйста, что с ними все будет хорошо. Но вот еще огорчение, которым не могу не поделиться с вами. Не скажу, что и как — длинно писать, но мне на днях рассказали, будто в одной английской газете, в то время как раз, когда вы у нас гостили, появилась статья о том, что русские будто сейчас пишут о животных и о природе, потому что не очень довольны Советской властью. Может, мне все это не очень точно рассказали, но я все равно не понял, почему англичане строят какую-то политику вокруг этого вопроса. Я уж не говорю о том, что русские, по-моему, всегда любили природу, и писатели наши, включая самих классиков, о животных писали так, как никто другой за рубежом. Сообщаю вам об этом просто для информации, возможно, сами читали или прочтете, но меня это лично обидело, да и Галина Яковлевна вот говорит: «Ты все англичанами интересуешься, а вот они тебе, твои англичане...»

Я не привожу письма Бориса Еремеевича полностью, хотя и в конце его есть немало интересного, но все это интересное вряд ли заинтересует читателей,— скажу лишь, что в конце письма была любопытная приписка Галины Яковлевны: «Вот вам и собака! И вот — лондонская «Таймс»! И еще вот — мой чудак Борис Еремеевич, который удивляется!»

Я отправился на следующий день в Ленинскую библиотеку и нашел номер английского «Таймса». За двадцать второе ноября шестьдесят седьмого года. Статья называлась «Советское недовольство материализмом». Автор ее, московский корреспондент Кирилл Тидмарш, всерьез писал, что, когда русские говорят о собаках, коровах, птицах и об озере Байкал, они, оказывается, выражают протест против Советской власти и ее основ.

Тут у меня и родился этот рассказ. Поначалу, не скрою, когда я писал его, мне хотелось назвать рассказ «Кирилл Тидмарш». Ради полемики, что ли. Но потом я подумал: а почему? Почему, к примеру, не «Очаковы-Суворовы»? Почему, наконец, не «Кондюков»? Они больше того стоят. Или почему не просто «Собака»?

И я назвал рассказ «Собака», а не «Кирилл Тидмарш», дабы не обижать ее, неглупую ту собаку, что сбежала из одной деревни в другую рожать, попутно породила или пробудила много хороших людей, отдала щенят в добрые руки и только после этого вернулась домой, в Епишино, к своему хозяину.

Александр ОСИПОВ

МИНЕРАЛЫ НА ЗАКАЗ

АЛХИМИКИ XX ВЕКА ❄ НОВАЯ ЖИЗНЬ КВАРЦА ❄ НИ МОРОЗ СЛЮДЕ НЕ СТРАШЕН, НИ ЖАРА... ❄ ЛОВЦЫ ШУМА ❄ ЗДЕСЬ ВЫРАЩИВАЮТ ДРАГОЦЕННОСТИ

В гулких хоромах бывшей Александровской слободы, где некогда Иван Грозный принимал заморских послов, сейчас краеведческий музей. На бархате под стеклом — массивные кольца, ожерелья и другие старинные украшения. Их, правда, немного: часть, говорят, перевезена на хранение в Москву.

Но очень скоро жители Александрова будут вознаграждены. В этом небольшом городе на Владимирщине открывается еще один музей. Вот где можно увидеть минералы поразительной красоты! Солнечные лучи играют, переливаются в причудливых гранях горного хрусталя и бездонной глубине рубина. До боли в глазах сверкают алмазы, мягко светятся тонкие, изящные иглы силлиманита...

Новый музей не случайно расположился в одном из корпусов Всесоюзного научно-исследовательского института синтеза минерального сырья (ВНИИСИМСа). Почти все экспонаты этого музея добыты не из недр земных, а получены здесь же, в лабораториях. Из дешевого, можно сказать, бросового, сырья создаются минералы, которые на мировом рынке ценятся на вес золота.

В тридцатые годы академик Александр Евгеньевич Ферсман нарисовал перспективу, казавшуюся фантастической. «Через несколько десятков лет,— писал он,— геологи не будут больше с опасностью для жизни взбираться на вершины Альп, Урала или Кавказа в погоне за кристаллами, не будут добывать их в пустынях Южной Бразилии или в наносах Мадагаскара. Я уверен, что мы будем по телефону заказывать нужные куски кварца на государственном кварцевом заводе».

А стоит ли вообще этим заниматься? Ведь кварц — распространеннейший минерал земной коры. Это и бесконечные россыпи песков, и огромные массивы кварцитов, и друзы горного хрусталя...

Однако радиотехнике, электронике и оптике нужен кварц монокристаллический, совершенно чистый. В природе он встречается крайне редко. Во ВНИИСИМСе создают искусственный кварц, не уступающий, а кое в чем даже превосходящий те самые чрезвычайно редкие образцы природного минерала.

...В этом цехе не встретишь людей: производством управляют автоматы. Рабочие приходят сюда только за тем, чтобы залить в восьмидесятитонные автоклавы концентрированный раствор соды, да загрузить их обычным речным песком или ни на что не годными кристаллами жильного кварца. Каждый резервуар — своеобразная «баня». Когда герметически закрывают массивную крышку, а температуру доводят до четырехсот градусов, давление внутри резервуара достигает полутора тысяч атмосфер. В нижнем, «парном отделении» на 15—20 градусов жарче, чем в верхнем. Перенасыщенный раствор кремнезема, нагреваясь, поднимается в более прохладный «предбанник» и омывает затравки — подвешенные к крышке кристаллы кварца. Словно приманка на рыболовном крючке, вылавливают они из раствора частицы двуокиси кремния и обрастают ими, как снежные комья.

— Советский Союз теперь не только отказался от импорта синтетического кварца для радиотехнической промышленности, но и вывозит его в другие страны,— говорит директор ВНИИСИМСа, доктор физико-математических наук Владимир Петрович Бутузов.— Мы первыми в стране стали получать искусственный оптический кварц. Стоит он вчетверо дешевле природного. Однородность, прозрачность новых кристаллов дают возможность делать из них линзы и призмы для самых точных приборов.

В институте нам также показали искусственный кварц, окрашенный в такие яркие, чистые тона, каких в природных минералах не встретишь. Стоит облучить бесцветные кристаллы, и незаметные примеси — сотые, тысячные доли процента железа, алюминия и других металлов — сразу же обнаружат себя, придавая минералу очень эффектные оттенки. Так возникают аметисты, желтые цитрины, черные морионы, дымчатые раухтопазы и другие полудрагоценные камни, нужные ювелирной промышленности.

Но как распилить массивные бруски синтетического кварца на небольшие тонкие пластины? Тут на помощь пришел искусственный алмаз. Крупные кристаллы его (до двух миллиметров) впервые получены в том же ВНИИСИМСе. Специальная алмазная пила в считанные минуты разделывает брусок искусственного кварца так же легко, как нож режет хлеб.

Мусковит... Еще со стародавних времен прочно осело, укрепилось это слово в научной литературе, стало международным термином. Так в честь столицы государства Российского и до сих пор называют прозрачную белую слюду. Прежде из нее делали уличные фонари, подслеповатые окна боярских светелок и возков. Но вот парадокс: хоть с годами на смену им пришли электрические лампы и стеклянные фасады небоскребов, слюды в наше время требуется значительно больше, чем, скажем, три столетия назад.

— Судите сами: в радиолампах, конденсаторах, деталях электровакуумных приборов — везде нужна слюда,— говорит кандидат геолого-минералогических наук Игорь Аникин.

Из электрической печи только что извлекли черный, похожий на снаряд, железный цилиндр. Это тигель, в котором из песка или полевого шпата, в смеси с окислами некоторых металлов, получают синтетическую слюду. На взгляд непосвященного, тигели из железа — малозначительная деталь. В других странах их делают графитовыми или керамическими. Но ни один из этих материалов не создает нужной герметичности. Кроме того, графитовые крупинки загрязняют слюду. Японские инженеры испробовали даже платиновые тигели, несмотря на баснословную их стоимость.

Придет время — и советские ученые раскроют всем секрет получения искусственной слюды (или, как ее называют, фторфлогопита) в железных тиглях. Но даже неспециалиста захватывает смелость предложенного решения. Загруженную шихту нагревают до 1 400 градусов по Цельсию — почти до порога плавления самого тигеля — и затем начинают медленно охлаждать.

Белоснежный брусок искусственной слюды наследует от природной только прозрачность и гибкость. Во всем остальном новый материал превосходит ее. Мусковит поглощает влагу. Синтетической слюде она не страшна. Электроизоляционные материалы из нее надолго сохраняют постоянство свойств и служат значительно дольше. Кроме того, искусственная слюда выдерживает тысячу градусов по Цельсию (природная выходит из строя при пятистах). Фторфлогопит не боится ни глубокого вакуума, ни паров кислот и щелочей. Ученые ВНИИСИМСа получили самые крупные в мире пластины синтетической слюды, размером в сто квадратных сантиметров.

Оказывается, новому материалу можно придавать самые разнообразные свойства еще в процессе его получения. Литий делает фторфлогопит более эластичным, а барий повышает его термостойкость. Добавление окислов титана, ванадия, других элементов позволило начать выпуск слюды различных цветов. Как показали эксперименты, она особенно хороша для светофильтров вакуумных приборов.

...Помните мультипликационный фильм «История одного преступления»? Его герою всю ночь приходится «бороться» против самых разных шумов — от автомобильных гудков на улице до радиолы в соседней квартире. Коллизия эта, вызывающая смех зрителей, сама по себе серьезна и злободневна. Сколько еще домов обладают высокой звукопроводностью! Чтобы уменьшить ее, используют различные изоляционные материалы. В их состав входит асбест.

СССР ежегодно производит около одного миллиона пятисот тысяч тонн этого волокнистого минерала — половину мирового выпуска. Но запасы асбеста ограниченны, да и непостоянство его химических свойств затрудняет применение материала.

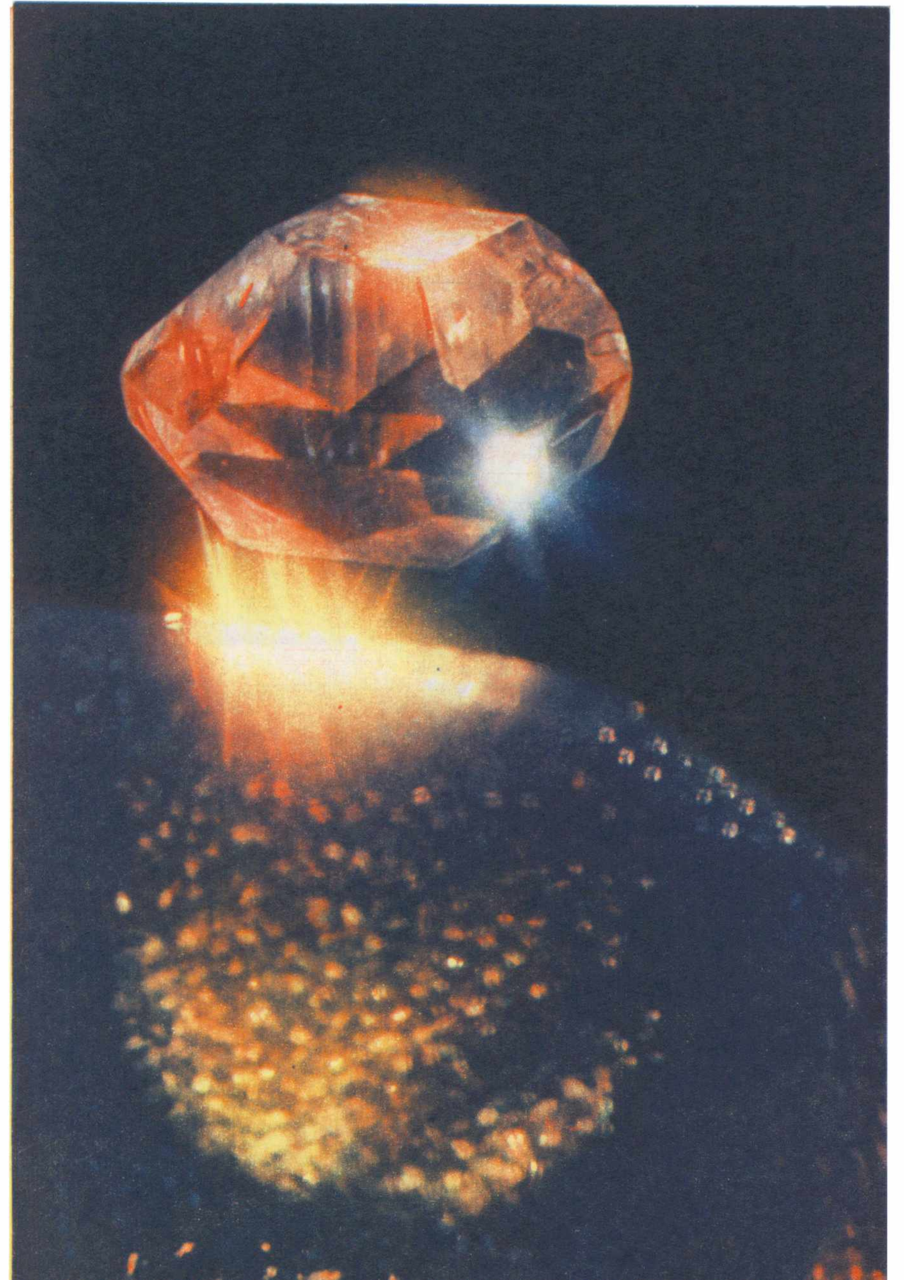
На опытных установках института получили искусственный асбест. Он прекрасный звукоизолятор. Но этим его полезные свойства не ограничиваются. Он очень термостоек: выдерживает почти тысячу градусов жары (предел природного — шестьсот). Новому материалу обрадуются создатели электротехнических приборов, судов. Эффективные фильтры из искусственного асбеста будут применяться для очистки воды, воздуха, в химической и пищевой промышленности.

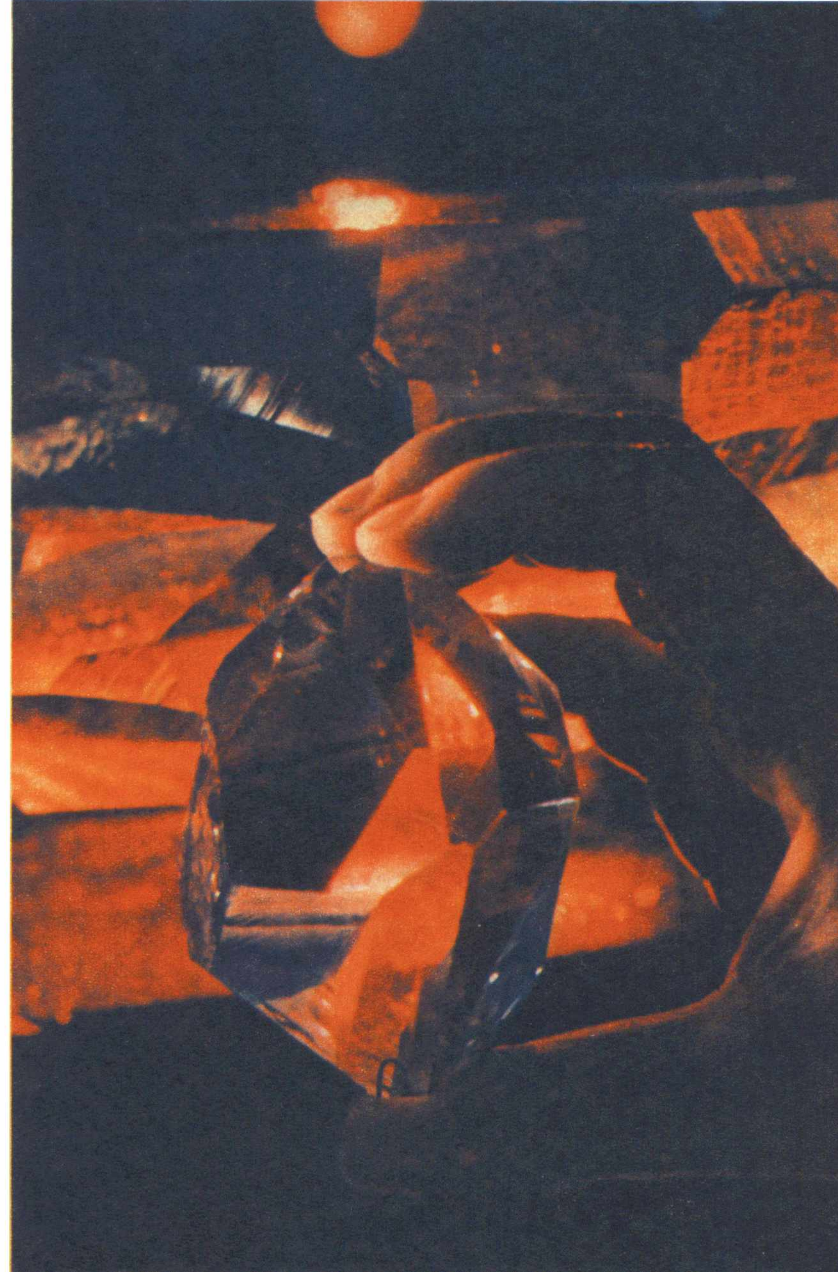
Сбылось предвидение академика А. Е. Ферсмана. Ныне специалисты различных отраслей народного хозяйства заказывают (в том числе и по телефону) ВНИИСИМСу разнообразные по своим свойствам минералы.

Старший техник Зоя Кондаева говорит: «В природе это горный хрусталь. Мы называем его «монокристальный блок синтетического пьезокварца».

Трудно представить, что эти гигантские кристаллы кварца созданы не матерью-природой, а учеными ВНИИСИМСа.

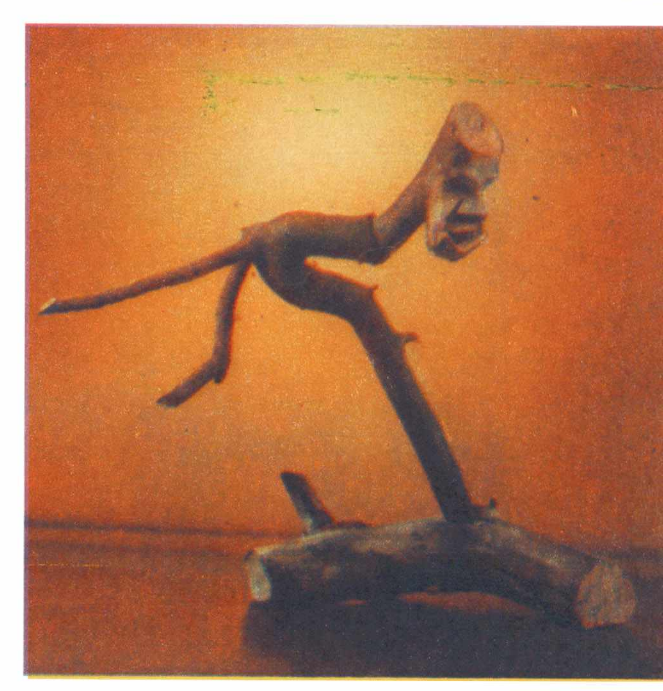
Фото М. Савина.

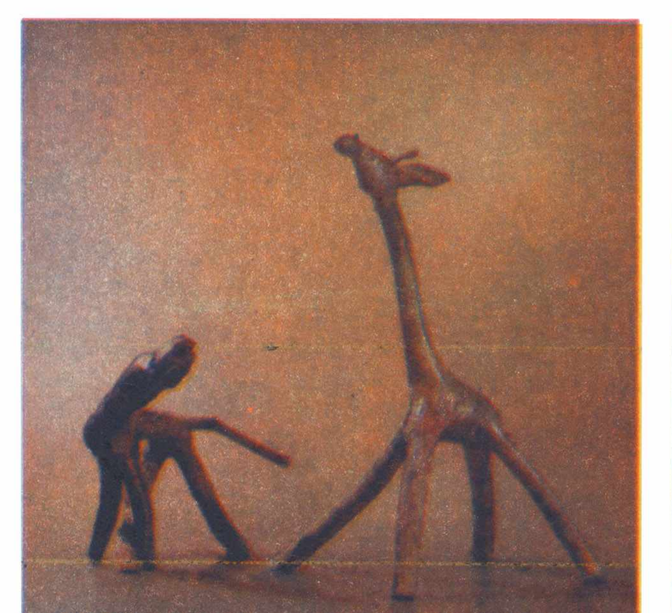
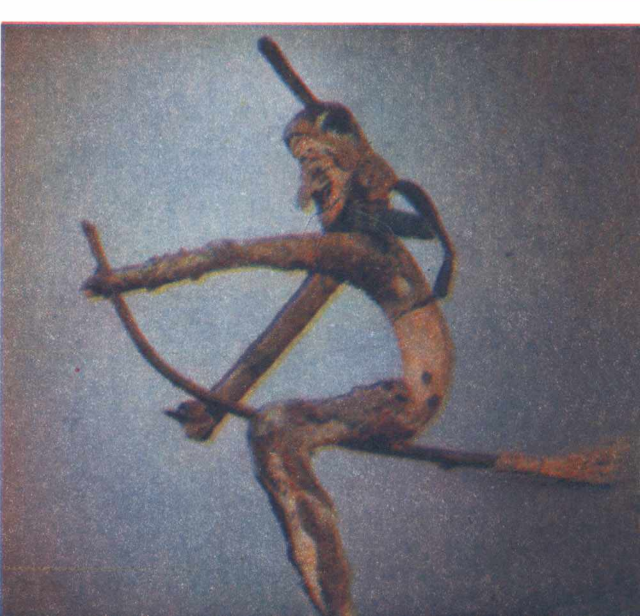

О ПОДВИГАХ БЕЛОВА-ВАЙСА

ФИЛЬМ ПО РОМАНУ ВАДИМА КОЖЕВНИКОВА

Вероятно, не найдется среди читающей публики человека, который не знаком с романом Вадима Кожевникова «Щит и меч».

Популярность этой книги огромна. Но все-таки некоторые читатели, возможно, не до конца воспринимают, что писатель ведет речь о живом, реально существующем герое, что все подвиги Белова-Вайса — это самая настоящая быль, правда...

Студия «Мосфильм» снимает четырехсерийную картину по роману «Щит и меч». Сейчас режиссер В. Басов закончил две первые серии: «Без права быть собой» и «Приказано выжить».

— Наш фильм,— рассказывает В. Басов,— так же, как и роман, основан на строго документальных фактах. Поэтому я вижу наше будущее киноповествование как правдивую, глубоко убедительную социальную драму, взволнованный рассказ о героических людях, об их высочайших нравственных нормах, об их вере и мужестве. Короче, картина будет утверждать те качества советского человека, которые и обеспечили победу над фашизмом.

Для нас главное не только детективный сюжет, острое, волнующее приключение. Главное — люди, их психология, их напряженный внутренний мир, раскрываемый в столь необычных и сложных жизненных обстоятельствах.

Артист Станислав Любшин не новичок в кино. Но и от него новая роль — Белова-Вайса — потребовала, кроме опыта и актерского таланта, еще и других качеств. Ведь играть-то надо, повторяю, не придуманный образ, а героя, взятого из жизни, человека, действительно показавшего чудеса выдержки, мужества, находчивости и ума.

Уже сейчас можно сказать, что все это блестяще удалось Любшину. Он обладает таким удивительным обаянием, такой достоверностью поведения перед экраном, которые начисто исключают малейшее сомнение в искренности человека.

Милый, скромный, услужливый юноша — таким хочет казаться Белов немцам. И он им таким кажется. Он, совершенно обворожив матерого разведчика, фашиста Лансдорфа (артист Вацлав Дворжецкий), получил доступ в диверсионную школу фашистов. Встречая в немецких лагерях советских военнопленных, Белов-Вайс привлекает их на свою сторону,— осторожно, умело разбираясь в скрытой человеческой сущности людей, в их отношении к происходящей борьбе...

Поражают именно искренность, непринужденность, легкость, с которыми Любшин-Белов играет свою роль. Мы ведь чувствуем все время, что он ходит по краю пропасти: выдать, подвести его может каждая мелочь, самый крошечный просчет, один-единственный неверный шаг. Все время ему грозят пытки, мучительная казнь. Но боится он не столько за себя, сколько за доверенное ему важнейшее дело. Ради него терпит эту страшную жизнь.

Счастлива судьба Белова! Зритель то и дело облегченно переводит дыхание. И все-таки всех потрясает эпизод, когда унтер-офицер Вайс будто невозмутимо, будто с полным спокойствием наблюдает мерзкую сцену издевательства немецкого садиста-неудачника над старым поляком-барменом. «Лечь-встать, лечь-встать!» — командует тот. А через мгновение в дверях появляется связной. Пьяной походкой двинулся Вайс к вошедшему; в руке кружка пива. «Вокруг колонны шагом марш!» — командует он. И за хохотом гуляк у стойки никто не расслышал тихо отданного Вайсом-Беловым приказа: «Собрать всех!»

А вот еще другой эпизод, где опять становится особенно страшно за Белова-Вайса. Что-то подозревающий фашист Дитрих (артист Ю. Будрайтис) посылает самолет с диверсантами в советский тыл. Неожиданно Вайсу тоже приказывают лететь с этой группой. Во время посадки, совершенной в неведомом Белову пункте, диверсантов ловят люди, одетые в советскую форму. Какое же нужно изощренное внимание, какая интуиция, чутье подлинного мастера разведки, присущие Белову, чтобы он сумел распознать замаскированных немцев, гитлеровцев! Оказывается, Дитрих готовил ему «проверку». Надеялся на его провал! Но не вышло!.. И с каким же удовольствием Белов бьет фашиста табуреткой по голове, демонстрируя свою «преданность» Дитриху. А это значит, что его ждет награда: Железный крест и производство в офицеры.

— Берлин — город моей мечты! — восклицает восторженный «немец» Вайс. Теперь по рекомендации Лансдорфа он будет офицером для личных поручений у самого Вальтера Шелленберга — бригаденфюрера СС, ведающего заграничной политической разведкой в Имперском управлении безопасности.

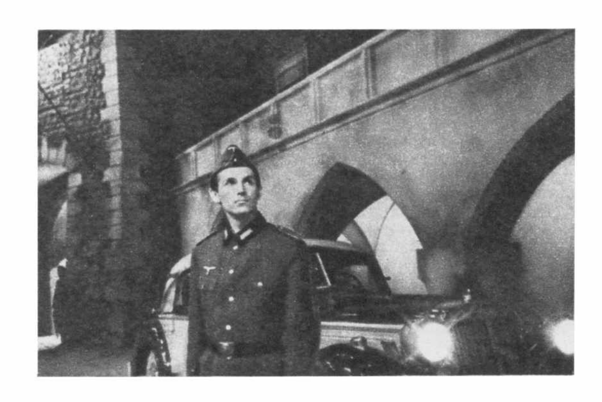
Белов залез в самое пекло, в самое логово врага! Но он еще встретится со своими друзьями. Об этих встречах и расскажут две следующие серии картины «Щит и меч», над которыми продолжает работать съемочный коллектив «Мосфильма».

Н. ЗЫБИНА

Кадр из фильма «Без права быть собой».

Кадр из фильма «Приказано выжить».

ЧТО ЧЕЛОВЕК УВИДЕЛ

Шел по берегу реки степенный человек. Мальчишки с удочками узнали его, закричали хором:

— Дядь, а дядь, спойте что-нибудь!..

Помахал им рукой человек, взглянул на дерево, купавшее листья в воде, и замер. Еще миг — вскарабкался на старую иву, подтянулся на руках и отщепил потемневший, неживой сук. На песок спрыгнул, вынул из кармана перочинный нож, раз-другой прикоснулось острое лезвие к податливой древесине — мальчишки от удивления рты разинули: «Вот здорово!» В руках у человека уже не сук — смешная обезьянка...

Все мы по земле ходим, да только не всякому глазу дано чудеса земной фантазии увидеть. Но вот сведет тебя случай с увлекающимся чудаком-человеком, который дотемна готов нырять под воду в поисках какой-нибудь скользкой коряги или десятки верст пешком отмахать ради того, чтобы где-то в глуши лесной срезать нарост со ствола дерева, и ты узнаешь вдруг о том, про что ни в одной книге не прочитаешь. Ну, разве бывают справочники, где бы объяснялось, скажем, какой узор откроется, если с умением заполировать корень мореного дуба, звонкий сук ясеня или твердой акации? А как узнать, какие растения больше других расположены к «творчеству», где чаще всего причудливые находки попадаются — быть может, в ветвях липы, клена, в зарослях бука?

Ответы на это нигде не записаны и не ищите. Зато Александр Иванович Героев, с которым мы повстречались на берегу Днепра, под ивой, охотно всем открывает подобные тайны. Только заинтересуйтесь, проявите любознательность и умение слушать.

Вот так и привела нас деревянная обезьянка в маленькую квартирку на бульваре Шевченко. Мы переступили порог комнаты и очутились в царстве презабавных вещей: нас окружили звери разные, птицы, гномы и целая армия добродушных лесных чудищ. Из всех уголков глядели, подмигивали, весело гримасничали зайчата, лешие, волки, ведьмы. Рядом с персонажами детских сказок мирно дремлет горный козел. Змея, извиваясь, выползает из дупла, забияки-черти тузят друг друга, а кот смотрит на них и хохочет, запрокинув свою вербяную голову. Чего только не увидишь здесь — на шкафу, столах, буфете!

Киевляне знают Александра Ивановича как артиста эстрады. Ездит он по городам и селам, исполняет шуточные украинские песни. Всю страну исколесил вдоль и поперек. В его комнате терпкий аромат привезенной из Казахстана вербы и сибирского кедра, здесь можно узнать, как пахнет редкая карельская береза. Куда бы ни занесло человека, везде примечает он что-то, равнодушному взору невидимое. Чуть-чуть подправляет сотворенную мастерицей-природой диковинку, оживляет ее своим человеческим воображением, и еще одна оригинальная фигурка заставляет своих собратьев потесниться в комнатушке, что напоминает шкатулку доброго волшебника.

— Работаю в купе вагона, в гостиницах. У артиста-эстрадника пути-дороги дальние, зачем же время попусту терять?— Александр Иванович снимает со стены карпатский пейзаж.— Вот интарсию пробую освоить. Тоже увлекательная штука, скажу вам. Палитру и краски в этом деле заменяет тонкослойная древесина разных пород. Обратите внимание на богатство оттенков полированного граба: дерево искусственно подкармливалось красителем еще на корню в лесу. А это разновидность лимонника, к нему прибегаешь, если ищешь для пейзажа или натюрморта золотистые, солнечные тона. Нужна насыщенность — тут уж незаменимо вот такое красное дерево.

Недавно около сорока работ Александра Героева переселилось из его квартиры в кабинет директора Дома народного творчества. Нехитрая хитрость: а вдруг кто-то из тех, от кого зависит организация выставок, в кабинет заглянет невзначай, обратит внимание на необычное его убранство да, глядишь, и распорядится все это людям на обозрение выставить.

А. СТАСЬ,
собкор «Огонька».

Киев.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

ТРАГ

Напечатанная в 16-м номере «Огонька» статья В. Воронцова и А. Колоскова «Любовь поэта» вызвала многочисленные отклики читателей. Редакция получила письма от родственников В. В. Маяковского (М. Т. Киселева, Т. М. Киселевой-Горбачевой и В. Н. Агачевой) и сестры поэта — Людмилы Владимировны Маяковской.

«Трудно переоценить,— пишет она, обращаясь к авторам статьи,— это большое и новое (для читателей) из биографии поэта, раскрывающее перед советской общественностью, перед почитателями поэзии Маяковского правдивые страницы, полные трагедии последние годы его жизни.

Я полностью разделяю все, написанное вами, подтвержденное творческими строками самого поэта, его письмами и той обстановкой, в которой ему приходилось жить и работать. Все, что вы опубликовали, является справедливым и бескомпромиссным, открывающим новое в биографии поэта».

В письме писателя Аркадия Первенцева также дается положительная оценка публикации В. Воронцова и А. Колоскова: «Считаю, что это большое начало партийной оценки не только творчества, но и личной жизни поэта, ибо многое из этой личной жизни повело к трагической развязке».

А вот строки из других писем, присланных в редакцию.

«Я дважды подряд (за один раз),— пишет учитель математики из Киева Б. Вайман,— прочел «Любовь поэта». Какая прелесть, какое я получил удовольствие вчитываться в каждую строчку — громадное!»

А. Конек из Мелитополя: «Мне, как и многим почитателям таланта великого советского поэта, было очень интересно ознакомиться с доселе мне неизвестными фактами из жизни В. В. Маяковского, к великому сожалению, так скудно освещенными нашей литературой. Массовый читатель еще знает о его жизни много меньше, чем он этого хотел... и вот ходят иногда низкопробные слушки о жизни поэта, о причинах его смерти».

Геолог И. Куклин из Якутска: «Для меня очень дорог Маяковский-поэт, а еще «дороже и ближе» Маяковский-человек. Я за продолжение начатого разговора...»

О любви к поэзии В. В. Маяковского, об интересе к жизни и личности поэта пишут В. Горланов (Семипалатинская обл.), А. Филипченко (Гатчина), Б. Лямин (Москва), Г. Чернявская (Харьков), Н. Рогачев (Волгоград), Е. Макаренкова (Муром), М. Елисеев (Псковская обл.), школьница Галя Петина (Свердловская обл.), М. Срагович (Москва) и многие другие.

Читатели просят рассказать о жизни В. В. Маяковского и его трагической гибели. Стремясь удовлетворить эти пожелания, редакция «Огонька» обратилась к А. Колоскову, автору популярных книг «Жизнь Маяковского», «Маяковский (Биография великого поэта и гражданина Советского Союза)», а также исследования «Маяковский в борьбе за коммунизм».

А. Колосков закончил новую книгу — «Маяковский в веках», состоящую из трех частей: «Подвиг поэта», «Трагедия поэта» и «Слава поэта».

Мы публикуем некоторые главы из этой книги.

А. КОЛОСКОВ

1

15 апреля 1930 года в газетах появилось сообщение:

«Вчера, 14 апреля, в 10 часов 15 минут утра в своем рабочем кабинете (Лубянский проезд, 3) покончил жизнь самоубийством поэт Владимир Маяковский. Как сообщил нашему сотруднику следователь тов. Сырцов, предварительные данные следствия указывают, что самоубийство вызвано причинами чисто личного порядка, не имеющими ничего общего с общественной и литературной деятельностью поэта. Самоубийству предшествовала длительная болезнь, после которой поэт еще не совсем поправился».

Тогда же было опубликовано «Предсмертное письмо Маяковского», где было сказано: «В том, что умираю, не вините никого...» — и процитированы строки:

Как говорят,—
«инцидент исперчен»,
любовная лодка
разбилась о быт.
Я с жизнью в расчете,
и не к чему перечень
взаимных болей,
бед
и обид.

С тех пор прошло около четырех десятилетий, но везде и всюду, где возникает разговор о смерти Маяковского, непременно задают вопрос: что же произошло, как мог он — великий жизнелюб и оптимист, строгий трезвенник, человек образцово организованного труда — закончить свою жизнь так бессмысленно? Это справедливо поражает всех, и в этом нет ничего удивительного. Удивительно то, что на этот вопрос до сих пор не дан сколько-нибудь обоснованный ответ.

Наши ученые много занимались обстоятельствами смерти Пушкина и Лермонтова, опубликовали по этому поводу ряд работ. Спустя сто лет после убийства Пушкина, 5 февраля 1937 года, в газете «Известия» можно было прочесть статью «Рана Пушкина», составленную на основании доклада в Академии наук СССР выдающегося советского хирурга Н. Н. Бурденко. В статье авторитетно сказано, что рана Пушкина «была сама по себе тяжелая, но не смертельная» и что в наши дни «даже хирурги средней техники вылечили бы Пушкина».

А что известно о ране Маяковского? Ничего. Между тем враги коммунизма до сих пор используют его смерть для клеветнических нападок на него самого и на Советскую страну. Они утверждают, будто Маяковский под конец пришел в противоречие с тем, что воспевал,— с советской действительностью, с политикой Советской власти и Коммунистической партии, а потому для него оставался один выход — пуля в сердце.

Известный в белоэмигрантском мире «знаток» русской литературы Марк Слоним в книге «Очерки русской литературы», выпущенной в 1959 году в Нью-Йорке, пишет:

«Коммунисты восхваляют Маяковского за то, что в нем без остатка слились поэт и политический деятель... Однако Маяковскому, очевидно, надоело писать стихи о налогах, военных займах, соблюдении чистоты и партийных собраниях. Вероятно, на него тяжело подействовали некоторые стороны современной действительности, которые он осмеял в двух пьесах («Клоп» и «Баня»)...»

Есть ли в этом утверждении хоть какая-либо крупица правды? Нет. Никакой, ни малейшей. Доказательством тому служат произведения Маяковского последних лет, в том числе пьесы «Клоп» и «Баня». Посмотрите последние тома Сочинений Маяковского, где собраны произведения 1928—1930 годов, и вы увидите, что до самых последних дней своей жизни поэт, как он сказал еще в первые годы революции, был «с волей советскою дружен». Активнейший из активных строителей социализма, Маяковский с восторженной гордостью писал о достижениях Советской власти, об успехах в строительстве социализма.

Возьмите «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру», опубликованный в январе 1928 года. Разве можно усомниться в искренности восторженно-одобрительных слов, сказанных поэтом устами героя стихотворения: «Очень правильная эта, наша, советская власть». Возьмите стихи, опубликованные после того, когда был написан «Клоп»: «Перекопский энтузиазм», «Разговор с товарищем Лениным», «Первый из пяти», «Мы». В каждом из них чувствуется гордость достигнутым, поэт говорит об этих достижениях, «радостью высвечен», он называет советских людей, строящих социализм, «Эдисонами невиданных взлетов, энергий и светов» и подчеркивает, что «главное в нас», советских людях, «это — наша Страна советов, советская воля, советское знамя, советское солнце». В «Октябрьском марше», написанном в ноябре 1929 года, поэт говорил о победах, одержанных на пути социалистического строительства, и призывал идти «с партией в ногу». Тогда же, в ноябре 1929 года, он публикует «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка», где выражена непоколебимая вера в советский народ, в его победу на пути социалистического строительства. В стихотворении «Особое мнение», переданном 2 декабря 1929 года по радио, поэт твердо заявил: «и у нас и у массы и мысль одна и одна генеральная линия». А в январе 1930 года, когда «Баня» уже готовилась к постановке, Маяковский опубликовал боевой «Марш ударных бригад», он радовался, что социализм превращается из мечты в реальность:

Энтузиазм,
разрастайся и длись
фабричным
сиянием радужным.
Сейчас
подымается социализм
живым,
настоящим,
правдошним.

Все это так, скажут нам единомышленники Слонима. Но вы говорили только о пафосных стихах, а ведь в последние годы Маяковский написал много обличительных стихов и две сатирические пьесы.

Действительно, в работе Маяковского последних лет большое место занимала сатира. Однако можно ли из этого сделать вывод, будто изменилось отношение поэта к советской действительности, будто он стал подходить к ней более критически и т. п.? Делать подобные

ЕДИЯ ПОЭТА

выводы не только глупо, но и смешно. Маяковский всегда относился к окружающей его действительности критически, он всегда видел в нашей жизни (как, впрочем, и в зарубежной) и хорошее и плохое. Хорошее, здоровое, революционное он воспевал, пропагандировал; плохое, вредное, противостоящее революционному развитию, осуждал, порицал, обличал.

Заметное усиление критического направления в литературной работе Маяковского последних лет жизни вытекает не только из его собственного сознания необходимости более острой и решительной борьбы против того, что он в «Разговоре с товарищем Лениным» назвал «разной дрянью» и «разными мерзавцами», но также из решений и директив Центрального Комитета Коммунистической партии. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть отчет Центрального Комитета на XV съезде ВКП(б), состоявшемся в декабре 1927 года. В отчете, как и в других документах съезда, было выдвинуто требование усилить борьбу против классовых врагов социализма — буржуазии и кулачества, против обывательщины всех мастей, в том числе и против партийных обывателей, против бюрократизма, волокиты и т. д., усилить критику и самокритику во всех сферах жизни советского общества, не исключая и партийных организаций.

Сатирические стихи против обывателей, бюрократов и советских помпадуров, против приспособленцев и лжекоммунистов, так же как и сатирические пьесы «Клоп» и «Баня», были ответом Маяковского на призыв Коммунистической партии; они помогали ей в борьбе за выполнение планов социалистического строительства. И пафосные и критико-обличительные произведения Маяковского служили одной и той же цели — укреплению сил социализма, обеспечению его скорейшей победы. И в «Служаке», изображающем коммуниста-делягу, и в «Помпадуре», и в других сатирах того времени — «Трус», «Столп», «Подлиза», «Сплетник», «Ханжа», «Мразь», «Кандидат из партии», «Смена убеждений», «Стихи о Фоме», «Особое мнение»—Маяковский всегда оставался на партийных позициях и звал бороться, как сказано в одном из названных произведений, «за партию, за коммунизм». Пьесы «Клоп» и «Баня» не составляют исключения из этого.

Слониму хочется видеть в «Клопе» и «Бане» критическое отношение их автора к советской действительности. А мы, советские люди, как и сам автор, видим в них критическое отношение ко всем тем, кто мешал строительству коммунизма,— будь это «с треском» оторвавшийся от класса обыватель Присыпкин или невероятно раздувшийся в собственном самомнении главначпупс Победоносиков. Маяковский вытащил на сцену «поразительного паразита» Присыпкина для того, чтобы обезвредить его. «Да закалятся души и сердца нашей молодежи на этих зловещих примерах!» — говорит автор пьесы словами Председателя горсовета. Ту же цель автор преследовал в «Бане», выставив напоказ «целую ленту типов»: закоренелого бюрократа Победоносикова, отъявленного подхалима Оптимистенко, гнуснейшего приспособленца Бельведонского и «вроде», как именует их сам главначпупс в финале пьесы. И не только финалом, а всей пьесой, каждой ее сценой автор говорил открыто, ясно, что Победоносиков и «вроде» не нужны коммунизму, что они мешают борьбе за коммунизм.

Современники Маяковского знали, что прототипом Победоносикова послужил Л. Троцкий, незадолго до того изгнанный из Коммунистической партии и за антисоветскую деятельность высланный за пределы Советского Союза. Примерно за полтора года до написания «Бани» в «Правде» была опубликована заметка, где сообщалось:

«На станцию Фрунзе приехал Троцкий в сопровождении семьи в специальном мягком вагоне. Публика была поражена обилием багажа Троцкого (свыше 70 мест) и наличием барских удобств, с которыми ехал высланный из Москвы Троцкий. Особо обращало на себя внимание то обстоятельство, что Троцкий привез с собой охотничью собаку и большой набор охотничьих принадлежностей».

А в «Бане», в авторской ремарке, появление на сцене Победоносикова, который намеревается совершить путешествие в машине времени, описано так:

«Двойкин толкает вагонетку с перевязанными кипами бумаг, шляпными картонками, портфелями, охотничьими ружьями и шкафом-сундуком Мезальянсовой. С четырех углов вагонетки четыре сеттера».

Вот почему троцкиствующая часть критики так ожесточенно набросилась на «Баню» и ее автора.

После XV съезда партии, исходя из его требований (и, конечно, из требований самой жизни) развивать критику и самокритику, Маяковский не только сам усилил работу в области сатиры, но и других писателей звал к тому же. В январе 1929 года он опубликовал в журнале «Чудак» стихотворение «Мрачное о юмористах», которое можно считать программным для поэта в его сатирической работе. Но как отличается эта программа от тех требований «свободы критики», какие предъявляют всевозможные злопыхатели за рубежом и отщепенцы внутри нашей страны!

Маяковский сетовал, что «наш сатирик измельчал и обеззубел!». В пример им он ставил гневную сатиру Салтыкова-Щедрина и утверждал, что «для подхода для такого» есть все основания: мало, што ли, помпадуров? Мало — градов Глуповых?» Поэт звал своих коллег использовать сатиру для помощи Советской власти и Коммунистической партии в их борьбе за коммунизм:

Припаси
на зубе
яд,
в километр
жало вызмей
против всех,
кто зря
сидят
на труде,
на коммунизме!
Чтоб не скрылись,
хвост упрятав,
крупных
вылови налимов —
кулаков
и бюрократов,
дураков
и подхалимов.

Пусть те, кто кричит, будто советский строй, «советская цензура» лишают писателей свободы творчества, сковывают выявление их индивидуальности, посмотрят, как широко и смело раскрывал Маяковский в произведениях послеоктябрьских лет богатство своих мыслей и чувств в многообразной поэтической публицистике, в лирике и сатире — в стихах, поэмах, пьесах, очерках, статьях и выступлениях. Он не только никогда не жаловался на помехи советской цензуры, он высмеивал таких жалобщиков, тех, кто «злобой измусоля сотню строк в бумажный крах, пишут про свои мозоли от зажатья в цензорах».

Помните ли вы, нынешние жалобщики, всякими нечистыми путями апеллирующие к «общественному» мнению в буржуазных заграницах, саркастические строки Маяковского по поводу сплетен о «цензурных рогатках»:

А поди
сними рогатки —
этаких
писцов стада
пару
анекдотов гадких
ткнут —
и снова пустота.
Цензоров
обвыли воем.
Я ж
другою
мыслью ранен:
жалко бедных,
каково им
от прочтенья
стольной дряни?

Нет, никому не удастся доказать, что Маяковский был когда-либо в разладе с советской действительностью. Он сам на одном из литературных собраний сказал: «Я ни одной строкой не могу существовать при другой власти, кроме советской власти. Если вдруг история повернется вспять, от меня не останется ни строчки, меня сожгут до тла».

Есть и еще одна несостоятельная версия о причинах смерти Маяковского. Сторонники этой версии обычно ссылаются на пролог из «Флейты-позвоночника», где герой поэмы задумывается: «Не поставить ли лучше точку пули в своем конце»; на поэму «Человек», где ее лирический герой обращается к аптекарю: «Дай душу без боли в просторы вывести»; на поэму «Про это», где вслед за сценой самоубийства «романсового» мальчика следует замечание: «До чего ж на меня похож!» Но разве только слепые не способны видеть, что у Маяковского рядом с лирическими поэмами «Флейта-позвоночник» и «Человек» стоят поэмы высокого революционного пафоса — «Облако в штанах» и «Война и мир», которые не мог написать поэт, склонный к пессимизму. Пессимизм означает упадок духа, отсутствие воли к борьбе. А разве можно сказать это об авторе «Про это» — поэмы, зовущей к борьбе против старого быта, за новый «краснофлагий строй»? Кроме того, в самой поэме мысль о самоубийстве решительно отвергается:

Я не доставлю радости
видеть,
что сам от заряда стих.
За мной не скоро потянете
об упокой его душу таланте.
Меня
из-за угла
ножом можно.
Дантесам в мой не целить лоб.
Четырежды состарюсь — четырежды
омоложенный,
до гроба добраться чтоб.

А если взять всего Маяковского — все «сто томов» его партийных книжек,—сколько у него таких прекрасных, жизнеутверждающих, воспевающих жизнь стихов! Вспомните концовку стихотворения «Юбилейное»: «Ненавижу всяческую мертвечину! Обожаю всяческую жизнь!» А в стихотворении «Товарищу Нетте пароходу

и человеку»: «Мне бы жить и жить, сквозь годы мчась». В заключительной главе поэмы «Хорошо!», от начала до конца проникнутой радостным ощущением жизни: «И жизнь хороша, и жить хорошо», «Жизнь прекрасна и удивительна».

Поэт Николай Асеев, один из друзей Маяковского, в свое время очень гневно выступил против попыток объяснить его трагическую смерть ссылками на то, что она будто бы «обусловлена», предопределена самим творчеством поэта. В «Альманахе с Маяковским», вышедшем в 1934 году под редакцией Н. Асеева, О. Брика и С. Кирсанова, Асеев в статье «Маяковский» писал:

«Какая дикая, контрреволюционная чушь, будто бы им «давно задумано», «предопределено», «дано в цитатах» — эта случайная обессиленность, это мелкое, петитное, хроникальное самоубийство! И тем мельче, незначительней оно само по себе, чем большее разрушение им произведено, чем большие удары оно нанесло, чем ближе, неизгладимей оказалась сердцу фигура Маяковского. Подбирают цитаты; пытаются «узаконить» такой конец выдержками из его стихов, из давних строк, чтобы доказать, что «это у него было». Какая враждебная ему и всем, кто с ним одинаково мыслил, ерунда! Болтовня эта тем опаснее, что создает видимость правдоподобия. Действительно, можно подобрать цитаты. Действительно, при определенном уклоне и состоянии мышления можно заняться гробовщическим делом, доказать, что «так оно и должно было быть». Но люди, пытающиеся это делать, или оглохшие от ненависти твердоканенные враги, или гибкие жулики, втершиеся в фальшивые друзья, или же, наконец, подверженные влиянию этих врагов разболтанные простофили, норовящие оправдать свою собственную обреченность или расхлябанность этой непоправимой, ошибочной смертью».

Но, как ни странно, эту, как сказал Н. Н. Асеев, «враждебную ерунду», лживую «болтовню» о предрасположении Маяковского к самоубийству распространяли не только враги поэта, но и те, кто причислял себя к его «ближайшим друзьям». В свое время (см. газ. «Известия» от 26 ноября 1966 года) говорилось о статье Л. Брик «Предложение исследователям», опубликованной журналом «Вопросы литературы», где автор статьи подбором цитат пыталась показать «сходство ощущений» Маяковского и героев Достоевского, в первую очередь Родиона Раскольникова и Ивана Карамазова. Ей же принадлежат утверждения, будто Маяковский «был неврастеник», «болезненно боялся старости», и прямо заявляла, будто причиной смерти Маяковского была «своего рода мания самоубийства и боязнь старости».

Есть ли хоть малейшая частица правды в этих и подобных им толкованиях преждевременной и трагической смерти Маяковского? Нет и нет! Наоборот, многие, близко знавшие поэта, в первую очередь его родные — мать Александра Алексеевна, сестры Людмила Владимировна и Ольга Владимировна,— как нам неоднократно доводилось слышать от них, всегда и категорически отрицали всякую мысль о предрасположении Маяковского к самоубийству. Двоюродная сестра поэта В. Н. Агачева-Нанейшвили сохранила письмо О. В. Маяковской, написанное вскоре после смерти ее брата:

«Нет слов описать пережитого нами горя, которое мы чувствуем ежедневно. Все это так неожиданно и невероятно, что иногда думаешь, что все это неправда и что наш милый, любимый Володя уехал куда-нибудь надолго (а что совсем нигде его нет, это не вмещается в нашем мозгу). Такой большой человек во всех смыслах, с таким огромным голосом, который заставлял умолкнуть тысячную толпу, и находился, что ответить каждому, не задумываясь, вдруг умолк, и все это сделал сам. Ведь Володя так боялся малейших царапин и казалось безумно любит жизнь...

Я была у Володи дня за четыре, поехала к нему со службы, обедала у него, он был ужасно ласковый и внимательный, у него был грипп и он еще не выходил тогда. Я приехала домой ужасно радостная, рассказывала дома и утешала маму, что Володя совсем здоров и веселый, и не знала, что я его видела тогда последний раз... Так не вяжется Володя и его поступок».

В многочисленных откликах на смерть поэта, появившихся в печати, выражено такое же недоумение. Приводим некоторые из откликов известных писателей и общественных деятелей.

Демьян Бедный: «Чудовищно. Непонятно. Трагичность столь неожиданного конца усугубляется его обыденщиной, совершенно не вяжущейся с мятущимся, оригинальным обликом поэта Маяковского...»

Б. Лавренев: «Мертвый Маяковский, это для нас, знавших живого,— иррационал, фикция, абсурд. Выстрел по собственной воле в самое жизнеспособное и полнокровное сердце эпохи — факт, лежащий за пределами нашего сознания».

П. Керженцев: «Его смерть не вяжется с его обликом. Редко в нашей литературе встречался такой бодрый, полнокровный поэт, всегда готовый к борьбе, на удар отвечавший ударом, крепко боровшийся за социалистическое строительство».

А. Луначарский: «Узнавая об огромном несчастии, которое стряслось над нами, никто ему в первый момент не верит.

Если бы сказали: только что Маяковский умер от такого-то несчастного случая, и то было бы трудно поверить, и весть казалась бы нелепой.

А тут вдруг — сам...

Ведь в представлении всех, кто знал Маяковского лично, или даже хотя бы по его публичным выступлениям и произведениям, Маяковский, это — жизнь.

Жизнь!»

Утверждение Л. Брик, будто Маяковский боялся старости и думал о самоубийстве, отрицают даже ее друзья. Так, В. Шкловский в книге «Жили-были» (1966 год) говорит: «Он не собирался умирать». Осип Брик в незаконченных воспоминаниях писал: «Никто не ожидал, что Маяковский может застрелиться... У меня было такое чувство, что Володю кулаки убили».

Может показаться странным, что те, кто причислял себя к друзьям Маяковского, ничего не сделали, чтобы объяснить его неожиданную смерть. Одни молчали, словно набравши в рот воды, другие говорили нечто невразумительное и путаное.

В разное время и в разных вариантах писал о смерти Маяковского В. Шкловский. В книге «Поиски оптимизма» (1931 год) сказано так: «Он погиб, изготовляя лирические стихи. Он отравился ими...» В книге «Жили-были» (1966 год) В. Шкловский дает другое объяснение:

«Маяковский устал.
У него был грипп.
Врачи дали болезни название — нервное истощение.
Совет — не работать шесть месяцев.
Брики — за границей. В квартире на Гендриковом ночью из живых существ — Булька, ласковая собака.
На Лубянском, в комнате-лодочке,— никого.
Верблюд на камине.
Жизнь построена не для себя».

Н. Асеев, говоря о смерти Маяковского, иногда солидаризировался с Шкловским: «Причины, повлекшие выстрел, лежат не в личной вине тех или других людей; причина лежит в огромной огнеопасности личной лирики...» В других случаях, как будет показано дальше, он высказывал иное суждение.

В чем же истинная причина смерти Маяковского? Может быть, и не надо ее доискиваться и следует ограничиться тем объяснением, какое дано в сообщении о смерти поэта и в «Предсмертном письме»? М. Горький в статье «О солитере», опубликованной в июне 1930 года, отвечая на категорическое требование некоего И. П. «заявить», почему застрелился Маяковский, писал: «Маяковский сам объяснил, почему он решил умереть. Он объяснил это достаточно определенно. От любви умирают издавна и весьма часто».

Однако, когда мы имеем дело с человеком такого цельного и сильного характера, кажется невероятным, как могли неудача, неустройство личной жизни стать столь ощутимыми, что разрушили саму эту жизнь. Ведь и гранитные скалы рушатся, но иные рушатся от губительного действия времени, другие — оттого, что их подрывает мимо бегущий ручей, а третьи падают от тщательно подготовленного взрыва.

2

Мы согласны с В. В. Каменским, что любовная трагедия Маяковского, связанная с его отношениями к Т. А. Яковлевой, могла быть «одним из слагаемых общей суммы назревшей трагедии» (см. статью «Любовь поэта» в № 16 «Огонька»). Другим возможным «слагаемым» мы считаем непрестанную и жестокую травлю, которой подвергался поэт на протяжении всей своей творческой деятельности.

В поэме «Про это», где сказано: «Дантесам в мой не целить лоб»,— Маяковский напоминает о трагической судьбе Лермонтова («один уж такой попался — гусар!»). Во второй части в следующих одна за другой главках — «Повторение пройденного», «Последняя смерть» и «То, что осталось» — в символических образах автор рисует расправу над ним самим: со всей вселенной к нему идут дуэлянты, «спешат рассчитаться», уже «в мочалку щеку истрепали пощечинами», но и дамы, даже магазины продолжают бросать в лицо поэту перчатки. В эту символику врываются реальные явления действительности:

Газеты,
журналы,
зря не глазейте!
На помощь летящим в морду вещам
ругней
за газетиной взвейся газетина.
Слухом в ухо!
Хватай, клевеща!

И дальше:

Хлеще ливня,
грома бодрей,
бровь к брови,
ровненько,
со всех винтовок,
со всех батарей,
с каждого маузера и браунинга,
с сотни шагов,
с десяти,
с двух,
в упор —
за зарядом заряд.
Станут, чтоб перевесть дух,
и снова свинцом сорят.

Приведенные строки с ужасающей правдивостью говорят о том, что было с ним самим, с Маяковским. Да, вот так из года в год, изо дня в день «хватали» его бесчисленные «дуэлянты», не останавливаясь ни перед оскорблениями, ни перед клеветой, используя все виды оружия, от пошленько-анонимных статеек и рецензий до грубо-издевательских нападок на литературных вечерах.

Само собой разумеется, что в дореволюционной России нельзя было ожидать от буржуазной печати благожелательного отношения к поэту революционного направления. Но даже первые стихи, которые сам поэт относил к периоду «овладения словом» и которые еще не содержали опасных для капиталистического строя идей, были встречены враждебно. Позже, когда Маяковский опубликовал цикл лирических стихов «Я!», критик В. Львов-Рогачевский объявил его «бездарнейшим виршеплетом». Любопытно, что в той же статье, касаясь выступления Маяковского против одного из столпов символизма, Бальмонта, критик писал: «Все подобные выступления — это бунт, они в высшей степени симптоматичны...»

Дальше, чем яснее обнаруживалась талантливость Маяковского и антикапиталистическая, революционно-социалистическая направленность его поэзии, тем резче становились нападки на него буржуазной критики. В декабре 1913 года, когда на сцене петербургского театра «Луна-парк» была сыграна трагедия «Владимир Маяковский» с участием автора, реакционные газеты набросились на него с грубыми нападками. Кадетская «Речь» опубликовала пространную рецензию театрального критика П. Ярцева, который старался доказать, что трагедия Маяковского бессмысленна, вульгарна, что язык ее «приближается к дикарскому» и т. п. Суворинская газета «Новое время» поместила рецензию из одного ругательного слова: «НА-брр!!! ГЛЕ-бррр!!! ЦЫ-бррр!!!»

Вопреки улюлюканью буржуазной прессы поэтический талант Маяковского был замечен теми, кому было дорого истинное искусство. Уже в середине 1914 года, спустя полтора года после появления в печати первых стихов Маяковского, на него обратил внимание один из крупнейших поэтов того времени, Валерий Брюсов. В обзорной статье, опубликованной в журнале «Русская мысль», Брюсов писал о Маяковском, что у него «есть свое восприятие действительности, есть воображение и есть умение изображать». В начале 1915 года в «Журнале журналов» о Маяковском очень тепло отозвался Максим Горький: «Он молод, ему всего 20 лет, он криклив, необуздан, но у него несомненно где-то под спудом есть дарование. Ему надо работать, надо учиться и он будет писать хорошие, настоящие стихи».

Но это только подлило масла в огонь. В том же «Журнале журналов» через некоторое время появилась статья М. Чуносова, где о поэме Маяковского «Облако в штанах» было сказано,

что она «внушает ужас и глубокую жалость». Другой критик, Натан Венгров, о той же поэме отзывался так: «Дикая, нелепая, жестокая книга!» Такими же раздраженными и хулящими были отклики на публичные выступления Маяковского. В автобиографии он вспоминал: «Тон был не очень вежливый. Так, например, меня просто называли «сукиным сыном».

Такое отношение буржуазной публики и капиталистической прессы к революционному поэту вполне естественно. Это было проявление классовой ненависти, которая по мере приближения социалистической революции становилась все острее и принимала партийный характер. Не случайно «Журнал журналов» в мае 1917 года на одной странице поносил поэтического «футуриста» Маяковского, а на другой — «политического футуриста» Ленина. Тот же «Журнал журналов» поместил карикатуру на Маяковского с подписью «Большевик от футуризма В. Маяковский». А меньшевистская газета «Единство» в августе 1917 года обрушилась на его антивоенное стихотворение «К ответу!», презрительно именуя Маяковского «футуристом-интернационалистом».

Маяковский отлично понимал причины нападок на него буржуазной печати и считал их естественными. В 1916 году в одном из писем матери, благодаря ее за посылку с пирожками, он писал: «Не читайте, по возможности, глупых газет и вырезок не присылайте. Пирожки куда вкуснее и остроумнее».

Но если тогда, в дореволюционные годы, озлобленные нападки буржуазной печати раздражали поэта, может быть, иногда слегка ранили, то можно представить, как болезненно должны были отзываться в его чувствительном сердце нападки, оскорбления, клевета, которые продолжали преследовать Маяковского и в послеоктябрьские годы. Ведь он считал Октябрьскую революцию своей революцией. Он, не жалея сил, работал для Советской власти, работал больше всех поэтов и лучше всех. А его по-прежнему поносили, и чем дальше, тем больше, настойчивее, грубее. Правда, были некоторые исключения, о них мы скажем. Но общий тон критики на протяжении всех двенадцати с лишним лет деятельности Маяковского в советское время был раздражительный, ругательный, оскорбляющий и принижающий поэта.

В 1918 году, на первом году Советской власти, Маяковский написал пьесу «Мистерия-буфф», ярко отобразившую события тех дней, чувства и мысли революционных масс. Народный комиссар по просвещению А. В. Луначарский, выступая 10 октября 1918 года на открытии Петроградских государственных свободных художественных мастерских, сказал:

«Я видел, какое впечатление производит эта вещь на рабочих: она их очаровывает. Форма этого произведения та же, в которой обыкновенно писал Маяковский, но содержание будет немного иное. Содержание этого произведения дано всеми гигантскими переживаниями настоящей современности, содержание впервые в произведениях искусства последнего времени адекватное явлениям жизни».

Несмотря на это, Маяковскому пришлось выдержать тяжелую борьбу, чтобы опубликовать и поставить пьесу. После первого же спектакля в газете «Жизнь искусства» появилась рецензия А. Левинсона, который спешил объявить «громкий неуспех» «Мистерии-буфф» и отказывался признать за нею какие-либо художественные достоинства. Несколько позже в сборнике «Искусство новое и старое» была опубликована большая статья Иванова-Разумника «Мистерия» или «буфф»?», где подвергалась осмеянию не только эта пьеса, но и все написанное Маяковским. Издеваясь над поэтом, называя его «тяжеловозом русской поэзии» и «ломовым извозчиком поэзии», сравнивая его то с Алешей Карамазовым из романа Достоевского, то с Хомой Брутом из гоголевского «Вия», намеренно искажая идею «Мистерии-буфф», Иванов-Разумник находил в ней «духовное поражение автора»: «Глубокий духовный провал при удаче внешнего достижения; «буфф», заменяющий собою «мистерию».

В дальнейшем, когда Маяковский работал в РОСТА, делал знаменитые «Окна сатиры», нападки на него усилились. Писатель Евг. Замятин, вскоре после этого эмигрировавший за границу, печатает злобную статейку «Я боюсь», где плачет о «гибели» русской литературы после Октября и утверждает, что Маяковский в стихах, посвященных революции,— «уже не прежний Маяковский», что «он вышел на ископыченный большак» и «занялся усовершенствованием казенных сюжетов и ритмов». «Внутренняя слепота, неумение изнутри уловить и понять ритм смысла современности завели его в тупик» и «превратили когда-то смелого зачинателя в ходячий анахронизм» — так отзывался о Маяковском поэт Сергей Спасский. Осип Мандельштам доказывал, что «поэзия для всех» невозможна и «напрасно Маяковский обедняет самого себя, стараясь быть нужным и понятным всему народу», а Георгий Адамович утверждал, будто новаторство Маяковского «только типографское», и обвинял его в «бесстыдной и лживой лести миллионам трудящихся». Такое же обвинение предъявлял Маяковскому и некий Анчар, утверждая, что «революции Вл. Маяковский не понимает и понять не может», что он «посторонний свидетель достижений революции». Илья Эренбург выпустил в 1921 году в Берлине книжку «Портреты русских поэтов». Он усиленно хвалит Константина Бальмонта, Вячеслава Иванова, Осипа Мандельштама, Анну Ахматову, Андрея Белого, Максимилиана Волошина, Бориса Пастернака, Федора Сологуба, Марину Цветаеву, далеко стоявших от революции или противостоявших ей. И лишь для Маяковского у него не нашлось ни одного теплого слова, только сарказм, ирония, издевка:

«Приемами декламации и даже внешним видом — чуть ли не каждое слово с новой строки — тщится Маяковский скрыть однозвучность своего ритма. Он пробует рассеять ухо остроумными звукоподражаниями, акробатическими составными рифмами (ну, чем не Брюсов?) и прочими фокусами, но все слышатся одни, конечно, первоязрядные барабаны».

Корней Чуковский в книге, вышедшей в 1922 году, определял Маяковского как «поэта катастроф и конвульсий», утверждал, что «чувства родины у него никакого», что «его пафос — не из сердца», «каждый его крик — головной, сочиненный», «его пламенность — деланная». «Это Везувий, извергающий вату... Все это отзывается выдумкой, натугой, сочинительством». Жадно схватывая брань, ложь, клевету, которыми враги и недоброжелатели революции забрасывали поэта, троцкист Л. Сосновский начал против поэта кампанию под лозунгом «Довольно Маяковщины».

Как раз в это время Маяковского активно поддержал, одобрил его работу В. И. Ленин. Его известный отзыв о стихотворении «Прозаседавшиеся» (март 1922 года) бил в самую сердцевину всей враждебной Маяковскому критики, авторитетно подтвердил нужность его поэзии, ее близость делу, за которое боролась Коммунистическая партия. Несколько позже, в июле того же года, в журнале «Печать и революция» появилась статья Валерия Брюсова, где он давал высокую оценку таланту поэта: «Стихи Маяковского принадлежат к числу прекраснейших явлений пятилетия: их бурный слог и смелая речь были живительным ферментом нашей поэзии».

Казалось, Маяковский, его поэтическая работа получили самое авторитетное признание как с политической, так и с поэтической стороны. Несмотря на это, нападки на него не прекратились, наоборот, они усилились и приобрели более организованный характер.

Эту борьбу против поэта революции возглавил один из яростнейших врагов коммунизма, Лев Троцкий. В своих статейках на литературные темы и в пасквильной книжонке «Литература и революция», доказывая бесперспективность развития пролетарской литературы, Троцкий уделил некоторую долю «внимания» и Маяковскому. Он на словах признавал его талант, но затем сводил на нет и это признание и вообще значение Маяковского как поэта социалистической революции. Троцкий отрицал наличие у Маяковского пролетарского мировоззрения, он утверждал, что восприятие окружающего у него не рабочее, а богемское. «Революционный индивидуализм Маяковского восторженно влился в пролетарскую революцию, но не слился с нею»,— писал Троцкий. Троцкому, как и другим врагам коммунизма, больше всего не нравилась в Маяковском его беззаветная преданность коммунизму — и он облыжно, вопреки очевидным фактам утверждал, будто «Маяковский слабее всего в тех своих художественных произведениях, где он законченнее всего как коммунист». Для Троцкого все написанное Маяковским после революции — внутренне противоречиво и стоит в художественном отношении ниже дореволюционных произведений. «Кризис бесспорен»,— заключил под конец Троцкий, давая понять, что этот мнимый «кризис» поэта вызван революцией, что революция обеднила Маяковского.

Вслед за Троцким с яростными нападками на Маяковского выступают критики А. Воронский, Г. Горбачев, Г. Лелевич, Д. Горбов. На разные голоса повторяли они лживые измышления Троцкого о том, будто мировоззрение у Маяковского не пролетарское, будто он не понял революции. Они обвиняли поэта в приспособленчестве, утверждали, будто он «воспринял революцию больше умом, чем чувством» (Воронский) и пришел к пролетариату «после Октября» (Горбачев), будто послереволюционные произведения Маяковского представляют собою «чисто логические построения, облеченные в более или менее удачную звуковую и ритмическую оболочку» (Лелевич) и будто он работает «под внешним давлением (Горбов). Критик В. Правдухин признавал, что от Маяковского «нельзя отмахнуться», но утверждал, что он совсем не революционер, что к революции поэта толкает «инстинкт самосохранения» и в его произведениях будто бы одна «революционная фразеология». «Единственными строками Маяковского, имеющими к революции отношение,— писал В. Шершеневич,— надо признать его строки о революции до революции: «в терновом венце революции...»

В 1924—1925 годах тремя изданиями вышла книга П. С. Когана «Литература этих лет». Маяковскому в ней было отведено самое последнее место в последней главе наряду с формалистами. И это не случайно. Для Когана Маяковский был больше прошлое, чем настоящее: «Он чужд революции нашей... Маяковский слишком от прошлого, слишком индивидуален в старом буржуазном смысле этого слова...» Спустя несколько лет в книге «Литература великого десятилетия» П. С. Коган продолжал твердить, что «Маяковский не стал глашатаем эпохи», «не стал поэтом революции в полной мере», так как он «до конца не усвоил пролетарского мировоззрения».

П. С. Коган, профессор литературы, многими почитался марксистским авторитетом. Но Маяковский в статье «Как делать стихи?» справедливо заметил, что Коган «изучал марксизм не по Марксу», а в стихотворении «Сергею Есенину» навечно пригвоздил его к позорному столбу хулителей русской литературы:

Чтобы разнеслась
бездарнейшая погань,
раздувая
темь
пиджачных парусов,
чтобы
врассыпную
разбежался Коган,
встреченных
увеча
пиками усов.

Если П. С. Коган ставил под сомнение искренность Маяковского и считал, что в его стихах «нет революции», то критик А. Лежнев называл Маяковского «холодным ритором и резонером» и бездоказательно утверждал, будто он «уже несколько лет как повторяет самого себя». Статью, в которой говорилось это, Лежнев назвал «Делом о трупе». И Маяковский был прав, когда, защищая себя от клеветнических нападок Лежнева, сказал: «Странное дело: труп я, а смердит он».

Нападкам подвергались не только стихи и такие его произведения, как «Мистерия-буфф», поэма «Про это», но и то, что теперь считается лучшим из всего написанного великим поэтом революции,— поэмы «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!».

Имеются свидетельства, что поэму «Владимир Ильич Ленин» Маяковский читал на квартире у В. В. Куйбышева в кругу старых большевиков и она была восторженно оценена ими. Как сообщала газета «Рабочая Москва»,

поэма о Ленине была прочитана автором 21 октября 1924 года активу Московской партийной организации в Красном зале МК ВКП(б):

«Зал был переполнен. Поэма была встречена дружными аплодисментами всего зала. В открывшихся прениях... ряд товарищей говорил, что это сильнейшее из того, что было написано о Ленине. Огромное большинство выступавших сошлось на одном, что поэма вполне наша, что своей поэмой Маяковский сделал большое пролетарское дело. После прений Маяковский отвечал оппонентам. В частности, Маяковский указал, что он хотел дать сильную фигуру Ленина на фоне всей истории революции, а «не интеллигентский эстетский образ...» («Поэма Маяковского «Ленин» перед судом партийного актива», «Рабочая Москва», 23 октября 1924).

А как встретила, как оценила это величайшее произведение литературная критика? Критик М. Беккер беззастенчиво объявил поэму «Владимир Ильич Ленин» «рифмованным докладом на политическую тему». Не лучше отзывались о ней и другие критики или попросту замалчивали это произведение, справедливо признанное поэтическим памятником великому Ленину.

А как было с другим великолепным произведением Маяковского — его Октябрьской поэмой «Хорошо!», написанной к десятилетию Советской власти? 18 октября Маяковский читал поэму «Хорошо!» активу Московской партийной организации, о чем газета «Рабочая Москва» сообщала:

«В течение полутора часов аудитория с неослабным вниманием слушала новое произведение даровитого поэта. Иногда чтение прерывалось одобрительными возгласами и аплодисментами... В принятой собранием резолюции поэма В. Маяковского «Хорошо!» в ряде других произведений советской литературы рассматривается как шаг вперед и заслуживает использования ее в практической работе как средства художественной агитации» («Рабочая Москва», 20 октября 1927).

На юбилейной сессии ЦИК СССР, посвященной десятилетию Великой Октябрьской социалистической революции, в официальном докладе «Об итогах культурного строительства за десять лет», сделанном народным комиссаром по просвещению А. В. Луначарским, было сказано:

«Маяковский создал в честь Октябрьского десятилетия поэму, которую мы должны принять как великолепную фанфару в честь нашего праздника, где нет ни единой фальшивой ноты и которая в рабочей аудитории стяжает аплодисменты».

И действительно, рабочие, красноармейцы, коммунисты и комсомольцы встречали чтение поэмы Маяковским в его многочисленных выступлениях в различных городах Советского Союза бурей восторга, горячей благодарностью автору.

А как отнеслась к поэме «Хорошо!» литературная критика? Упомянутый А. Лежнев поспешил объявить, что в ней всего «несколько десятков хороших стихов», а в целом она знаменует собой «полный провал». М. Беккер в статье «Хорошо ли «Хорошо!»?» начисто отрицал художественные достоинства поэмы и утверждал, будто во всем, что писал Маяковский, он «был далек от понимания Октября, его содержания, его сущности». В «Хорошо!», утверждал Беккер, «Маяковский пока что поет революцию голосом возвышенным и театральным». Журнал «На литературном посту», в руководстве которого стоял Л. Авербах, торопливо перепечатал из ростовской газеты гаденькую статейку Ю. Юзовского, назвавшего «Хорошо!» «картонной поэмой».

В юбилейном сборнике «Октябрь и искусство», вышедшем в 1927 году, А. Воронский, подводя итоги развития советской литературы за десять лет, решительно отлучал от нее Маяковского. «Социализм Маяковского,— писал он,— не наш марксистский социализм, это скорее социализм литературной богемы, он больше потребительский социализм, чем производственный».

Очень назойливо преследовал Маяковского Г. Шенгели. Автор посредственных стихов и халтурного сочинения «Как писать стихи и рассказы», он выступил в Академии художественных наук, где председателем был П. С. Коган, с крикливым докладом и утверждал, что «поэзия Маяковского слаба технически, низменна психологически и является антикультурным и антиобщественным явлением» и что он, Маяковский, с своей огромной популярностью вырастает до размеров «общественного зла». В 1927 году Шенгели выпустил книжку «Маяковский во весь рост», в которой собрал всю грязь, какую лили на поэта революции ее враги, и густо замесил на собственной слюне. Эта его книжка — зловонная куча, воздвигнутая автором в качестве памятника себе, своей мелочной злобности. Критик Д. Тальников в журнале «Красная новь» поносил стихи Маяковского об Америке; он называл их «рифмованной лапшой», «кумачовой халтурой» и злопыхательски утверждал, что «перо Маяковского не штык», а «просто швабра какая-то».

Поэт был в расцвете многообразного таланта, а злобствующая критика кричала о его закате. «В последние годы Маяковский как будто остановился. Его произведения последнего времени (поэма «Ленин» и др.), по общему признанию критики, не представляют шага вперед ни в области формы, ни в области углубления содержания»,— писал П. С. Коган. Критик И. Розанов в книге «Русские лирики» (1929 г.), восхищаясь стихами Бориса Пастернака, Ильи Сельвинского, Семена Кирсанова, о Маяковском упомянул лишь мимоходом, «главным образом для сопоставления» и для того, чтобы лягнуть его. «Есенин умер, Маяковский приелся. Нет ли кого из начинающих?» — глумился И. Розанов. «Сейчас Маяковский — светило, склоняющееся на запад». Вслед за Троцким Розанов утверждал, что «Маяковскому оказалось не по дороге с революцией».

В 1929 году в мартовском номере журнала «На литературном посту» появилась статья В. Тихонова «Опыт литературной поездки по рабочим районам». Стремясь угодить рапповским руководителям и явно фальсифицируя факты, автор статьи изображал дело так, будто рабочие не знают и не хотят знать Маяковского, будто «отношение к нему отрицательное, порой даже враждебное». Это была бессовестная ложь. И руководители журнала «На литературном посту», конечно, знали это, но им во что бы то ни стало хотелось доказать, что Маяковский чужд пролетарской литературе.

Сейчас многое из того, что происходило в литературе двадцатых годов с ее многочисленными организациями, может показаться смешным. Разве не странно, например, что в РАПП — Российской ассоциации пролетарских писателей — Маяковского, самого верного и активного соратника революционного пролетариата, вершители литературных дел того времени относили к «попутчикам». Понятно, это оскорбляло Маяковского, ранило его сердце. В стихотворении «Город», написанном в Париже, размышляя над несуразностями жизни, он с горечью и обидой писал:

Может,
их
и слушать надо.
Но кому я, к черту, попутчик!
Ни души
не шагает
рядом.
Как раньше,
свой
раскачивай горб
впереди
поэтовых арб —
неси,
один,
и радость,
и скорбь,
и прочий
людской скарб.
Мне скучно
здесь
одному
впереди,—
поэту
не надо многого,—
пусть
только
время
скорей родит
такого, как я,
быстроногого.
Мы рядом
пойдем
дорожной пыльцой.
Одно
желанье
пучит:
мне скучно —
желаю
видеть в лицо,
кому это
я
попутчик?!

Имея в виду восхваление так называемых пролетарских поэтов в журнале РАПП «На посту», Маяковский иронизировал в своем «Послании пролетарским поэтам»:

Многие
пользуются
напостовской тряскою,
с тем,
чтоб себя
обозвать получше.
— Мы, мол, единственные,
мы пролетарские...—
А я, по-вашему, что —
валютчик?

Маяковский смеялся над тем, что одного называют «красным Байроном», другого «самым красным Гейнем». Но в его смехе слышна горечь. Потому что так называемые пролетарские поэты поедали пироги и пышки, а ему в изобилии доставались синяки и шишки.

Д. Бедный как-то сказал, что, по существу, Маяковский и он вынесли на своих плечах главную тяжесть советской литературы первых лет. Это верно. Но, вне всякого сомнения, тяжесть, легшая на плечи Маяковского, была значительно больше, и он шел со своей огромной и тяжелой ношей, сопровождаемый градом ударов, свистом и улюлюканьем критики. Конечно, травили не только его, травили и других. «Безответственные губошлепы», как называл критиков Маяковский, подвергали оплевыванию многих талантливейших русских писателей, в том числе Максима Горького, Александра Серафимовича, Дмитрия Фурманова, Сергея Есенина, Леонида Леонова, Михаила Шолохова. Причем чаще всего это были те же «губошлепы», которые травили Маяковского. Но больше всего, наиболее злобно и неотступно они преследовали именно Маяковского. Ему, пожалуй, за его недолгую творческую жизнь досталось от них больше, чем всем названным писателям, вместе взятым.

Однако было бы неправильно представлять дело так, будто у Маяковского не было доброжелателей и друзей. Мы уже говорили о той огромной поддержке, какую оказал поэту В. И. Ленин своей высокой оценкой стихотворения «Прозаседавшиеся». Сохранилось относящееся к марту 1925 года письмо А. В. Луначарского, в котором нарком по просвещению писал заведующему Госиздатом:

«Выходят какие-то странные недоразумения с полным собранием сочинений Маяковского. Все соглашаются, что это очень крупный поэт, в его полном согласии с советской властью и коммунистической партией ни у кого, конечно, нет сомнений. Между тем его книги Гизом почти не издаются. Я знаю, что на верхах партии к нему прекрасное отношение. Откуда такой затор?»

Да, мы знаем, что «на верхах партии», то есть в Центральном Комитете Коммунистической партии, к Маяковскому всегда относились хорошо. Об этом свидетельствуют в числе прочих такие факты. В 1923 году, задумав издавать журнал левого фронта искусств («Леф»), Маяковский обратился за разрешением в ЦК партии и такое разрешение получил. «Леф» и особенно его редактор Маяковский подвергались ожесточенным нападкам критиков. Журнал прекратил свое существование. Но когда Маяковский снова обратился в ЦК партии с просьбой разрешить возобновить издание журнала под названием «Новый Леф», он опять получил разрешение. Многие произведения поэта распространялись через Бюллетени отдела пропаганды и агитации ЦК партии и печатались в многочисленных местных газетах. Отправляясь с лекциями и стихами по городам Союза или уезжая в заграничные командировки, Маяковский часто получал мандат от Народного комиссариата по просвещению с просьбой оказывать поэту содействие.

Известно, как сердечно относился к Маяковскому Максим Горький. И не только в дооктябрьские годы, когда он пригласил молодого поэта сотрудничать в журнале «Летопись» и выпустил первый сборник его произведений. Позже, хотя у него с Маяковским, по словам

последнего, «что-то вышло вроде драки или ссоры», Горький (о чем свидетельствуют его воспоминания о В. И. Ленине) говорил с Владимиром Ильичем о Маяковском как об очень талантливом поэте.

И до и после Октября, как мы видели, талант Маяковского высоко ценил Валерий Брюсов. Один из первых и, пожалуй, самых одаренных пролетарских поэтов начала советской эпохи, И. И. Садофьев, в 1918 году подарил Маяковскому свою книжку «Динамостихи» с надписью: «Пророку революции тов. Владимиру Маяковскому автор И. Садофьев. 2 год Советского века».

К сожалению, очень немного известно о взаимоотношениях Маяковского с Дмитрием Фурмановым, но и это немногое говорит, что их отношения были дружескими. Маяковский в дарственной надписи на экземпляре журнала «Леф», датированной 4 января 1924 года, шутливо и вместе с тем ласково называл автора «Чапаева» «добрым политакушером». Вероятно, это имело какое-то отношение к поэме «Рабочим Курска», напечатанной в подаренном номере журнала. В дневнике Д. Фурманова есть такая запись о Маяковском: «...В отношении близости политической, пожалуй, он самый близкий и не зря близкий... Он, надо быть, и в прошлом близок был...»

Едва ли кто слышал от Маяковского о его дружбе с В. В. Куйбышевым, одним из крупнейших деятелей Коммунистической партии, который в 1926 году был назначен председателем ВСНХ, а в декабре 1927 года избран членом Политбюро ЦК ВКП(б). И только теперь нам стало известно из рассказа старого партийца С. И. Аралова, что Маяковский часто бывал у Валериана Владимировича в ВСНХ, что именно у него на квартире впервые прочитал поэму «Владимир Ильич Ленин». На чтении присутствовали члены ЦК партии, близко знавшие Ленина; они очень одобрительно приняли поэму, а Куйбышев был от нее в восторге.

А как восторженно принимали Маяковского, каждое его произведение многочисленные читатели и слушатели! Когда критики вроде Юзовского и Беккера издевались над поэмой Маяковского «Хорошо!», один из крупнейших деятелей советского театра, великий русский актер В. И. Качалов, писал поэту:

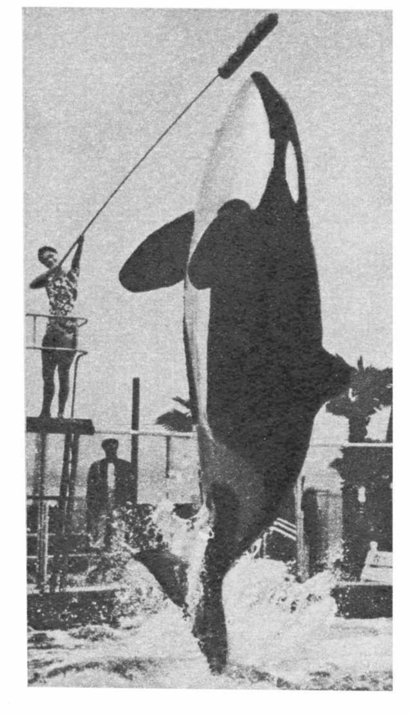
«Тщетно пытался позвонить вам по телефону,— очень хотелось сказать вам спасибо за ваше «Хорошо». На Кузнецком с вами встретился нос к носу, дернулся было к вам, чтобы с благодарностью вашу руку пожать, но — застенчив я,— и не решился. А молчать не могу. Хочется сказать спасибо. Пусть это вам все равно и даже наплевать,— а я хочу как-нибудь свою радость и благодарность вам выразить».

Могут сказать, знал же Маяковский и радости, слышал и одобрение своей работе. Да, знал, слышал. Но как это было редко! И как часто — во сто раз, а может, и в тысячу раз чаще,— ему приходилось выслушивать порицания, ругань, оскорбления «безответственных губошлепов»!

Понятно, что, несмотря на хорошее отношение к нему «в верхах партии», доброжелательное отношение массы читателей и слушателей, многолетняя, непрерывная травля критики, ее методические уколы и оглушительные удары не могли остаться без последствий. Сам Маяковский, выступая в Доме комсомола Красной Пресни на вечере, посвященном двадцатилетию своей литературной деятельности, 25 марта 1930 года говорил:

«...Ввиду моего драчливого характера на меня столько собак вешали и в стольких грехах меня обвиняли, которые есть у меня и которых нет, что иной раз мне кажется, уехать бы куда-нибудь и просидеть года два, чтобы только ругани не слышать».

Правда, как сказано в том же выступлении, он быстро освобождался от таких настроений, приободрялся и засучив рукава продолжал драться, «определив свое право на существование как писателя революции, для революции, не как отщепенца». Но ожесточенная борьба, оголтелые нападки литературных критиков делали свое грязное дело. Из года в год отравляя существование поэта, они подтачивали его силы, как ржавчина ест железо.

Шаму прыгает на высоту своего роста — 5 метров.

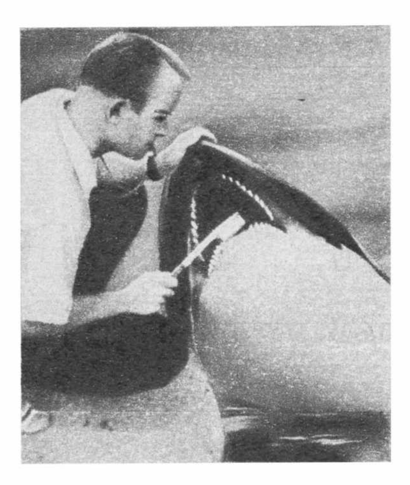
ШАМУ

Шаму — это единственный в мире кит-касатка, живущий в неволе. Она (Шаму — самка) весит 30 центнеров и прыгает из воды за палкой на пятиметровую высоту. Живет в аквариуме «Си уорлд» («Морской мир») в городе Сан-Диего, в Калифорнии. Животное получает массу аплодисментов за свои выступления. Звезда водной арены выступает по нескольку раз ежедневно.

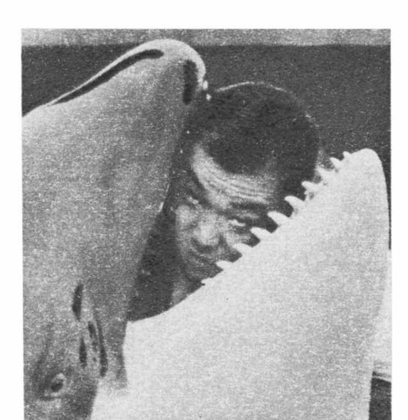
Касатки — известные хищники. В погоне за добычей они проплывают большие расстояния, их скорость может сравняться со скоростью ветра. Животные настолько сильны, что своей головой пробивают полярные льды. Казалось, приручить касатку очень трудно.

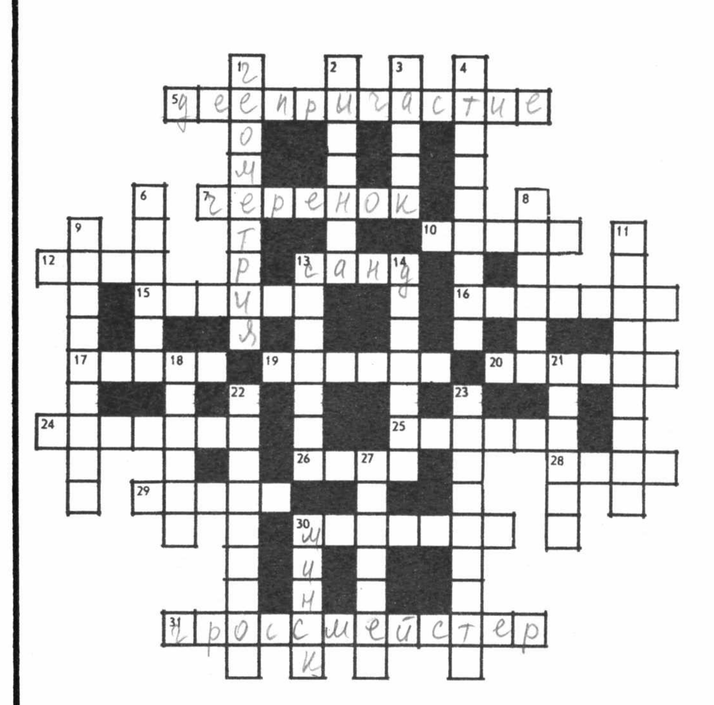
Но пример Шаму опровергает все предположения. Животное разрешает своему тренеру садиться на спину и мчится с ним по воде. Больше того, тренер не боится класть голову ей в пасть.

Чтобы Шаму было не так одиноко среди людей, ей достали «маленького» детеныша: 2,5 метра длиной и 9 центнеров весом. Его поймали несколько месяцев назад у западных берегов Америки.

Кит милостиво позволяет тренеру чистить зубы щеткой и даже заглядывать в пасть.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Форма глагола. 7. Ветка для прививки или посадки. 10. Поверхность шара. 12. Приток Индигирки. 13. Автор романа «Консуэло». 15. Музыкальный интервал. 16. Спортивный инвентарь теннисиста. 17. Река в Якутской АССР. 19. Венгерский народный танец. 20. Изображение фигуры или предмета в перспективе. 24. Промысловая лодка. 25. Рыболовная снасть. 26. Газ. 28. Ткань полотняного переплетения. 29. Остров в Тирренском море. 30. Французский композитор. 31. Звание, присуждаемое шахматисту высшей квалификации.

По вертикали:

1. Раздел математики. 2. Музыкальный инструмент. 3. Торговая палатка. 4. Газообразная оболочка Земли. 6. Гора на севере Чехословакии. 8. Птица семейства утиных. 9. Туркменский писатель. 11. Шахматный ход. 13. Город в Югославии. 14. Курорт в Читинской области. 18. Рыба, способная передвигаться по суше. 21. Деталь насоса. 22. Русский полководец, герой Отечественной войны 1812 года. 23. Прибор для измерения углов между гранями кристаллов. 27. Советский геолог и географ. 30. Областной центр в БССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали:

2. Кросс. 5. Эрмитаж. 7. Уэллс. 9. Гроза. 11. Драп. 13. Чаша. 14. Лекало. 15. Мотыль. 16. Помидор. 17. Остров. 20. Шуберт. 22. Лупа. 24. Угра. 27. Торий. 28. Гомер. 29. Циркуль. 30. Апорт.

По вертикали:

1. «Родина». 2. Корица. 3. Свайка. 4. Влузка. 6. Подуст. 7. Университет. 8. Садко. 9. Грамм. 10. Акселератор. 12. Примула. 13. Чарджоу. 18. Реверс. 19. Вилюй. 20. Шланг. 21. Батуми. 23. Перила. 25. «Гамлет». 26. Диктор.

На первой странице обложки: Любимая кукла. Фото Н. Свиридовой.

На последней странице обложки: Весенняя песня. Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

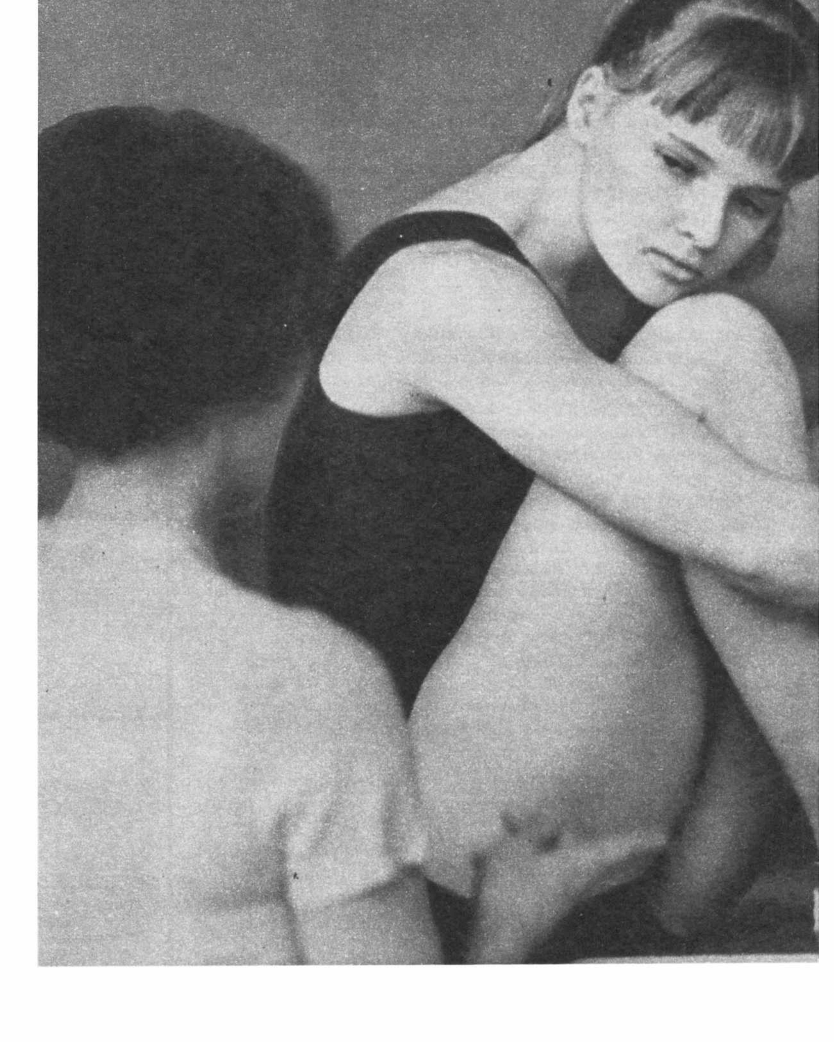
Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Очерка — Д 0-15-33; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00410. Сдано в набор 13/V-68 г. Подписано к печ. 28/V-68 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 000 000 экз. Изд. № 844. Заказ № 1385.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

В ТРИ СМЕНЫ

А. БОЧИНИН, Б. СОПЕЛЬНЯК

Можно ли проводить в заводском коллективе спортивные занятия в три смены?

За ответом на этот вопрос мы отправились в Днепропетровск на Южный машиностроительный завод. Этот адрес нам назвал рабочий этого завода, призер Токийской олимпиады в беге на 3 000 метров с препятствиями Иван Беляев, с которым мы встретились в Москве.

— На заводе я работаю слесарем,— сказал он.— И бегуном стал в «Метеоре» — так называется наш спортивный клуб. Между прочим, наши легкоатлеты сильнейшие среди коллективов физкультуры Украины. Впрочем, «Метеор» может гордиться не только легкоатлетами. Приедете — увидите сами.

Приехали мы поздним вечером и тут же попали на водную станцию «Метеора». Закончили тренировку гребцы. Снимали паруса яхтсмены. И только у моторных лодок шла предотъездная суета.

— Куда собираетесь?— спросили мы.

— За город, на озера... Рыбалка!

Конечно, мы напросились в попутчики на озера. По дороге разговорились. Выяснилось, что все ребята из одного цеха, что они заядлые туристы, что «моду эту завел» начальник цеха Михаил Лещинский.

— Сегодня у вас выходной?— спросили мы Михаила.

— Пересменка,— коротко ответил он.— Завтра во вторую. Вот и решили утречком сазанов подергать.

Ровно в восемь мы уже были в спортивном зале «Метеора». Занималась группа здоровья — 27 ведущих специалистов завода. А в десять на беговых дорожках и в секторах начались тренировки легкоатлетов. Беговые дорожки на «Метеоре» как метеоры — одни из лучших в стране. Недаром два года назад заводской стадион стал ареной первенства СССР по легкой атлетике.

— Насколько мне известно, и в этом году у нас состоится немало соревнований республиканского и всесоюзного масштаба,— говорит один из сильнейших спринтеров Украины, Виктор Усатый.— К этому времени мы покроем все восемь дорожек резиново-битумной смесью; они станут гораздо «быстрее» гаревых.

Расписание работы спортивных секций «Метеора» составлено так плотно, что ни один зал, ни одна площадка не пустуют ни минуты. А цех здоровья располагает тремя спортивными залами, стрелковым, тиром, тренировочным стадионом с футбольным полем, баскетбольными, волейбольными и городошными площадками и водной станцией. Сто мастеров спорта, свыше восьмисот перворазрядников и множество спортсменов второго и третьего разрядов занимаются на этих базах.

Когда мы пришли в тир, стрелки заканчивали тренировку, но мы успели увидеть, как всаживал пулю в пулю обладатель двух золотых медалей первенства Украины электрик Владимир Москаленко, как мастера спорта инженер Юрий Козиный и слесарь Вячеслав Корнилов проводили скоростную пистолетную стрельбу, как старательно подводили под «яблочко» мушки своих пистолетов контролеры ОТК Валя Титаренко и Люба Омельченко.

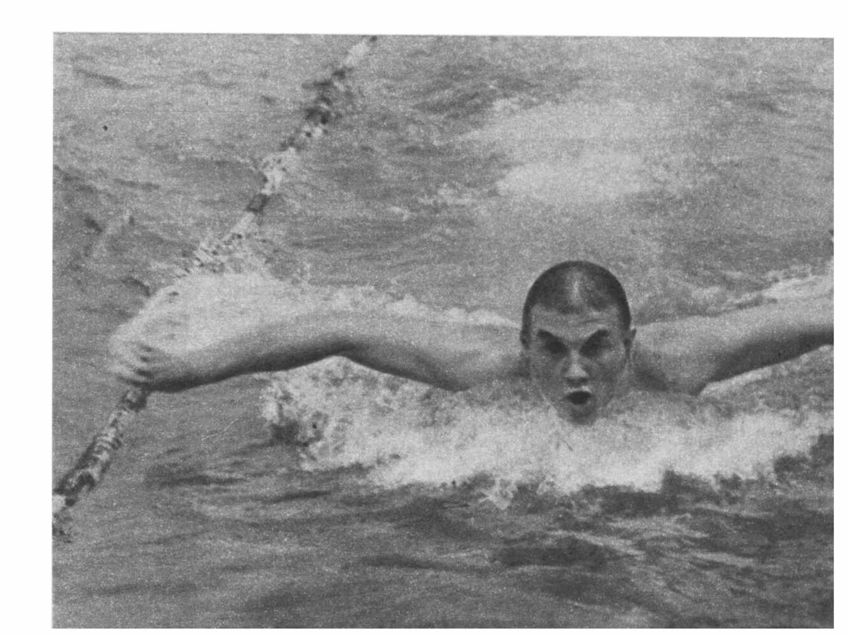
Председателя спортклуба «Метеор» Анатолия Алексеевича Гайдука мы разыскали на площадке для бадминтона. Оказывается, заслуженный тренер УССР А. Гайдук работает со сборной бадминтонистов и в прошлом году его команда завоевала золотые медали первенства Советского Союза. Согласитесь, что заводская команда — чемпион страны — это немало!

— Бадминтонисты на заводе неплохие,— говорит А. Гайдук,— но и с нашими гимнастами, легкоатлетами, пловцами, городошниками, стрелками бороться в состязаниях тоже нелегко. Мы культивируем 33 вида спорта, и все эти секции имеют всего 34 штатных тренера. Так что без тренеров-общественников нам не обойтись. Команду городошников тренирует токарь Александр Рубцов — неоднократный чемпион республики; воднолыжники, туристы, хоккеисты сильнейшие в области, а с ними тоже занимаются тренеры-общественники...

Но больше всего у нас любят футбол. 60 команд оспаривают первенство спортивного клуба, команда «Днепр» довольно успешно играет во второй подгруппе класса «А».

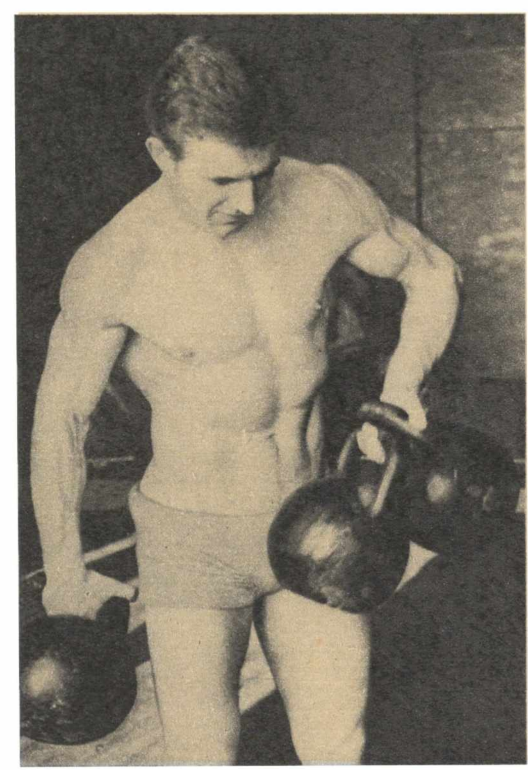
Цех здоровья продолжает расти, строится пятидесятиметровый плавательный бассейн, проектируется Дворец спорта с трибунами на пять с половиной тысяч мест, с искусственным катком и легкоатлетическим манежем...

Так мы и не увидели на «Метеоре» пустующих спортивных сооружений. Рабочие Южного машиностроительного завода спортом занимаются в три смены.

Бревно — снаряд ехидный. Поэтому гимнастки так внимательно слушают замечания тренера.

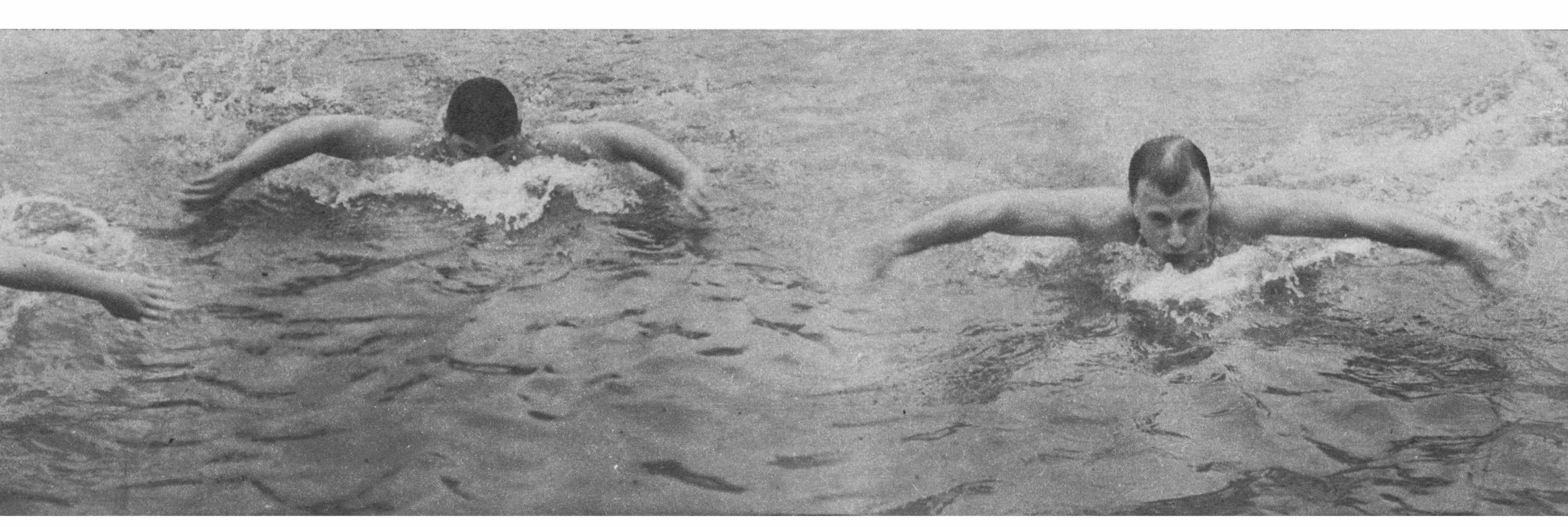

Борец Валентин Москаленко разминается.

Человек за бортом! Нет, просто шкотовый откренивает яхту.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663